

ВОСТОЧНЫЙ РУБЕЖ

ОКДВА против японской армии

ЖЖ военные
тайны
века

Е.А. ГОРБУНОВ

Военные тайны XX века

Евгений Горбунов

**Восточный рубеж. ОКДВА
против японской армии**

«ВЕЧЕ»

2010

Горбунов Е. А.

Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии /
Е. А. Горбунов — «ВЕЧЕ», 2010 — (Военные тайны XX века)

Конец 20-х и 30-е годы XX века прошли для СССР под знаком противостояния с милитаристской Японией. Несмотря на то, что это противостояние имело характер «горячего мира», несколько раз дело доходило до серьезных вооруженных конфликтов, которые едва не вылились в полномасштабную войну. Для защиты восточного рубежа страны была создана Отдельная Краснознаменная Дальневосточная Армия (ОКДВА), которая разбила японцев на озере Хасан и у реки Халхин-Гол и смогла предотвратить японскую агрессию против Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Истории ОКДВА посвящена эта книга.

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава первая	15
Захват Маньчжурии	22
Реакция Москвы	25
Усиление ОКДВА в 1932 году	39
В столице империи	48
Разведка вступает в бой	51
Коминтерн против Японии	61
Баланс сил к 1933 году	65
Примечания	67
Глава вторая	69
1933 год	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Евгений Горбунов

Восточный рубеж. ОКДВА

против японской армии

© Горбунов Е.А., 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вместо предисловия

Дальневосточный регион всегда привлекал пристальное внимание политиков, дипломатов, военных и, конечно, разведчиков. События на огромной территории от Байкала и Владивостока до Токио всегда влияли на мировую политику и учитывались не только в политических салонах и дипломатических кабинетах, но и в генеральных штабах и разведывательных центрах крупнейших мировых держав. Всё, что происходило на просторах этого региона, учитывалось в Москве, Токио, Лондоне, Париже и, конечно, в Вашингтоне.

После эвакуации японских оккупационных войск из Владивостока в 1922 г. и подписания Пекинской конвенции 1925 г. между Советским Союзом и Японией были установлены нормальные дипломатические отношения. Заработали посольства и консульства, начали развиваться торговые отношения, и вроде бы ничего не омрачало мира и спокойствия в этом регионе.

Но, несмотря на внешнее благополучие, тайная война между разведками: нашими военной и политической и японской продолжалась, не утихая ни на один год. Тайный фронт не знал перемирия. Даже тогда, когда дипломаты обеих стран демонстрировали друг другу и мировому сообществу своё миролюбие, сражения тайного фронта были в полном разгаре. И воевали не только разведки. Тайные сражения велись и в генштабовских кабинетах, когда на стратегические карты наносились стрелы сокрушительных ударов по воображаемому противнику. И это было характерно не только для японского генштаба, который стремился переиграть позорный финал дальневосточной оккупации 1918–1922 гг. и смыть пятно с мундира «непобедимой» японской армии. В Москве, после оккупации Маньчжурии и наращивания сил своей дальневосточной группировки войск, тоже готовились к тому, чтобы смыть позор проигранной русско-японской войны и вернуть всё утерянное: южный Сахалин, Курилы, КВЖД и доминирующее влияние в Северной Маньчжурии.

Готовились серьёзно и основательно. Создавали военно-промышленный комплекс в Дальневосточном регионе, чтобы во время будущей русско-японской войны не зависеть от перебросок по единственной Транссибирской магистрали. Авиационные заводы в Комсомольске-на-Амуре и в Иркутске, также как и крупнейший судостроительный комплекс в том же Комсомольске, тому примеры. На создание военно-промышленного комплекса в оккупированной Маньчжурии Москва отвечала созданием такого же комплекса на Дальнем Востоке. Чтобы обезопасить себя от возможных налётов японской авиации на Транссиб, во второй половине 1930-х началось проектирование и строительство Байкало-Амурской магистрали. Так же, как и в Маньчжурии, в глухих таёжных районах подальше от любопытных глаз агентуры японской разведки развёртывалось строительство складов для мобилизационных запасов на год ведения дальневосточной войны. В общем, с нашей стороны делалось то же самое, что и по ту сторону Амура и Усури. И ответ на вопрос, актуальный и для Москвы и для Токио: у кого больше сил и средств и кто сильнее в Дальневосточном регионе, должны были дать разведки. Японская разведка активно действовала на советской территории. Обе наши разведки, политическая и военная, покрыли густой агентурной сетью Маньчжурию и Корею и стремились проникнуть на японские острова. На этом участке сражения тайного фронта были в полном разгаре и в 1920-х, и в 1930-х гг.

От разведчиков не отставали и стратеги в генштабах Токио и Москвы. Различные варианты японского плана «ОЦУ» – плана нападения на Советский Союз – хорошо известны историкам. Советские оперативные планы, планы разгрома Квантунской армии и захвата северной Маньчжурии, известны меньше. Но все эти планы, а их варианты разрабатывались регулярно на каждый год, были наступательными. Оборона в чистом виде, то есть отсиживание за Амуром и Усури и системой наших пограничных укрепленных районов не предусматривалась. Только

вперёд в глубь Маньчжурии – на КВЖД и Харбин. Такое оперативное планирование было характерно в московском генштабе не только для дальневосточного региона, но и для наших южных соседей: Афганистана, Ирана, Турции. Так что Япония в середине 30-х не составляла исключения. Ударные группировки тяжёлой дальней бомбардировочной авиации – Авиационные армии особого назначения (АОН) – были развёрнуты в середине 30-х в европейской части страны и нацелены против западных соседей. Но точно такая же группировка АОН была развёрнута на Дальнем Востоке и нацелена на столицу островной империи.

Тяжёлые бомбардировщики ТБ-3 могли взлететь с аэродромов около Владивостока, долететь до Токио, ПВО токийского района в те годы была очень слабой, отбомбиться и вернуться обратно. Для граждан Советского Союза наличие такой группировки было одной из важнейших военных тайн. Но для японского генштаба и для генштабов крупнейших мировых держав наличие АОН у Владивостока никогда не было военной тайной, как и то, что наличие такой армии было одной из составляющих наступательных, а не оборонительных планов Советского Союза на Дальнем Востоке.

Автор считает, что сражения на тайном фронте между тремя разведками, военными ведомствами двух стран и их генеральными штабами в 20-х и 30-х гг. велись на равных. Дипломатия обеих сторон прикрывала дипломатическим флёром подготовку к войне, сосредоточение крупных группировок, диверсии, террор, действия разведок на территории друг друга. Япония была грозным хищником. Но таким же хищником был и Советский Союз, который готовил большую войну в дальневосточном регионе не только для того, чтобы вернуть потерянное в начале века, но и для того, чтобы урвать кусок, который никогда не принадлежал Российской империи.

* * *

25 февраля 1926 г. японские города оделись в траурный наряд. Умер император Японии Иосихито. Ушла в прошлое эра Тайсё. На престол вступил молодой император Хирохито. Началась новая эра – эра Сёва. Нового императора, приступившего к осуществлению государственных дел, нужно было посвятить во внешнеполитические и экспансионистские планы империи. Эту задачу взял на себя премьер-министр Японии Танака, правительство которого пришло к власти весной 1927 г.

Барон, отставной генерал, премьер-министр Гиити Танака занимал одновременно и должность министра иностранных дел. Он принадлежал к древнему самурайскому роду и как потомственный самурай, гордящийся своей родословной, хранил приверженность к прошлому, стремился умножить славу воинственных предков. Превыше всего он ставил военную профессию и клан, к которому принадлежал. Послужной список генерала был обычным для самурайского рода. Кадетский корпус и первый офицерский чин, служба в войсках и учёба в академии генерального штаба. После академии военная служба за пределами империи – в Китае и Корее. Затем участие в войне с Россией, опять служба, новые воинские звания и ордена с экзотическими названиями. И вот он уже военный министр и возглавляет интервенцию на Дальнем Востоке...

Отдав более сорока лет военной службе, генерал вышел в отставку, занявшись политической деятельностью. Он становится председателем партии сеёюкай, самой правой и реакционной партии в империи, опиравшейся на круги японской аристократии и крупного капитала. Эти агрессивные круги и выдвинули отставного генерала на пост премьер-министра, сделав его вторым человеком в стране после божественного императора.

В июне 1927 г. премьер-министр созвал конференцию по делам Востока. Проводили её за закрытыми дверями под покровом непроницаемой тайны. Пригласили членов кабинета, некоторых дипломатов, служивших в Китае, а также высокопоставленных военных: командующего

Квантунской армией, начальника генерального штаба и руководителей военного и морского министерств. И, конечно, на совещании присутствовали представители крупнейших концернов и банков, заинтересованные в «освоении» богатств Востока, и в первую очередь Китая. На конференции высказывались различные предложения, пожелания, планы. Всё сказанное необходимо было систематизировать, обобщить и, сгладив возникшие противоречия, объединить в план внешнеполитической экспансии. Этим и занялся генерал-премьер, составляя свой знаменитый меморандум.

Документ был адресован императору – «сыну неба». И, естественно, форма обращения к нему была самой почтительной: «Премьер-министр Танака Гиити от имени Ваших многочисленных подданных низжайше вручает Вашему Величеству меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии». Но это было только обращение – дань верноподданной почтительности божественному микадо. Дальше шёл деловой текст без каких-либо лирических отступлений.

Планы этапов экспансии в борьбе за передел мира излагались в документе с военной чёткостью и предельно откровенно. Никакого камуфляжа, никаких завуалированных форм изложения. Конечная цель – мировое господство! Сейчас, когда во всех подробностях стали известны планы Гитлера, этим трудно кого-то удивить. Но меморандум писался в 1927 г., за несколько лет до прихода Гитлера к власти, так что первенство в составлении подобных планов принадлежало японским милитаристам.

Первый раздел меморандума был озаглавлен: «Позитивная политика в Маньчжурии и Монголии». Для того чтобы понять, почему отставной генерал начал с этих районов, достаточно лишь взглянуть на географическую карту. Провинции Маньчжурии огромным клином вдаются в территорию Советского Союза, занимая выгодное положение по отношению к районам Забайкалья, Приамурья и Приморья. 3500 километров границ Маньчжурии проходят рядом с самыми развитыми и заселёнными районами советского Дальнего Востока. Плодородные земли у берегов Амура, такие крупные города как Владивосток, Хабаровск и Благовещенск, линия Транссибирской магистрали – всё это находится у самой границы. Захват Маньчжурии и использование её в качестве плацдарма агрессии позволило бы ударным группировкам японской армии наносить удары по любым дальневосточным районам. В случае успеха можно было бы перерезать Амурскую и Уссурийскую железные дороги и захватить Приморье.

Захват Монголии, а под этим названием подразумевались районы Внутренней Монголии Китая и территория Монгольской Народной Республики, также сулил будущему агрессору заманчивые перспективы. Оккупация Внутренней Монголии позволяла выйти к Великой Китайской стене, крупнейшим городам и густонаселённым районам Китая. И именно с этого плацдарма в 1937 г. началась необъявленная война Японии против Китая, продолжавшаяся до разгрома Японии в августе 1945 г. Овладение же, в случае успеха, территорией МНР выводила Японию в район Байкала. Это открывало перед ней возможность перерезать Транссибирскую магистраль в самом уязвимом месте – районе байкальских туннелей и в случае выхода японских войск к Иркутску отторгнуть Дальний Восток от Советского Союза.

Японский премьер-министр при составлении меморандума не страдал отсутствием воображения. Планы его были грандиозными – огромная азиатская континентальная империя, а затем и мировое господство. «...Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай», – утверждал он в меморандуме. Отставному генералу казалось, что захвата Китая будет достаточно, чтобы обеспечить господство на всём азиатском материке: «Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малые страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймёт, что Восточная Азия наша, и не

осмелится оспаривать наши права». Сказано цинично, откровенно и в полном соответствии с желаниями истинных хозяев островной империи, выразителем взглядов которых и был Танака.

Были расписаны все этапы агрессии, определена последовательность стран и континентов. Вот выдержка из этого документа: «Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдём к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы». Барон мыслил с солдатской прямолинейностью, когда в одном из разделов меморандума писал: «Под предлогом того, что Красная Россия готовится к продвижению на юг, мы прежде всего должны усилить наше продвижение в район Северной Маньчжурии и захватить таким путём богатейшие ресурсы этого района страны».

Хотя в те годы с севера Стране восходящего солнца никто не угрожал, война с Советским Союзом представлялась неизбежной: «Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведёт к неминуемому конфликту с Красной Россией. В этом случае нам вновь придётся сыграть ту же роль, которую мы играли в русско-японской войне... В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией...» (1).

Под меморандумом стояла дата – 7 июля 1927 года. 25 июля он был представлен императору Хирохито. Ознакомившись с планом завоевания мирового господства, император одобрил документ. Генеральный штаб в Токио и штаб Квантунской армии в Порт-Артуре, получив меморандум, взяли его положения за основу при разработке планов будущей войны.

Автор меморандума, будучи премьер-министром и одновременно министром иностранных дел, должен был тщательно скрывать свои мысли и планы при общении с иностранными дипломатами, аккредитированными в столице империи. И особенно при встречах с советскими дипломатами. Нужно было играть в миролюбие и выдавать чёрное за белое. Одна из таких встреч состоялась 8 марта 1928 г. через семь месяцев после вручения меморандума императору. Наши газеты тех лет не сообщали о содержании беседы полпреда СССР в Японии Трояновского с Гиити Танака. Запись беседы была отправлена полпредом в Москву и только в 1966 г., когда МИД СССР выпустил очередной том документов внешней политики, этот документ стал достоянием гласности.

Инициатива встречи принадлежала советскому полпреду. Танака согласился на неё, изъявив желание прийти в советское посольство, как он выразился, «запросто, пешком, дабы слишком частыми разговорами не вызвать ревность со стороны послов других государств и не создавать почву для излишних разговоров». Так он и сделал, придя на встречу в сопровождении переводчика. В полпредстве был накрыт стол, и премьер-министра угощали по русскому обычаю блинами с икрой. Беседовали два часа.

– Я хотел бы иметь с господином послом неофициальный, совершенно частный и совершенно откровенный разговор, – начал беседу Танака. – Я бы просил говорить мне всё, что он думает по поводу русско-японских отношений, как приятное, так и неприятное, начистоту, не как дипломат с дипломатом, а как частное лицо, желающее устранить все недоразумения и создать почву для укрепления дружбы между Японией и СССР. Я, не будучи дипломатом по профессии, предпочитаю такие разговоры, полагая, что они больше способствуют сближению, чем переговоры, связанные с разного рода формальностями. И вообще мне, как человеку военному, весьма тяжелы разного рода протокольные дела.

– Я буду говорить совершенно откровенно, – ответил полпред, – следуя предложению господина премьер-министра, и прошу его не обижаться, если действительно кое-что из сказанного мною будет ему не совсем приятно. У нас в СССР ещё не вполне изгладился неприятный осадок от недавнего прошлого и в настоящее время имеются кое-какие опасения... Кое-какие отдельные заявления, имевшие место здесь в Токио, кое-какие намёки... всё это даёт повод для недоразумений, создаёт почву для разного рода предположений и затрудняет бла-

гоприятное решение целого ряда конкретных вопросов тем, что заставляет думать о каких-то широких планах Японии в отношении нашего Дальнего Востока.

Отставной генерал явно переигрывал, изображая простого солдата, чуждого дипломатических церемоний. Откровенности и искренности в его словах не было. Трояновский, естественно, не обольщался на этот счёт. В то время меморандум ещё не был ему известен, но общая тенденция японской политики по отношению к советскому Дальнему Востоку была для него ясна. Танака почувствовал это и пытался вернуть беседу в спокойное русло пустых, ничего не значащих заявлений.

– Это не более как недоразумение. Я торжественно заявляю, – сказал он, – что никаких намерений и планов, даже самых отдалённых, в какой-либо мере напоминающих политику территориальных захватов, нападений на СССР, интервенций или чего-либо тому подобного у японского правительства нет, что никаких инструкций кому бы то ни было предпринимать в этом направлении, никаких пожеланий никогда японское правительство и я никому не давали. Никаких мыслей относительно нападений на СССР и территориальных захватов у нас нет и быть не может. Я это совершенно открыто и твёрдо заявляю. Это, несомненно, какое-то недоразумение.

– Я лично тоже в этом убеждён. Я тоже думаю, что это недоразумение, – продолжал Трояновский. – Я несколько не сомневаюсь в том, что у японского правительства не может быть каких-либо захватнических планов, но и само существование таких планов могло бы иметь очень тяжёлые последствия и для нас, и в не меньшей степени для Японии. Существование таких планов омрачило бы наши взаимоотношения, создало бы тяжёлую атмосферу для всякого рода переговоров. Я не думаю, чтобы это было выгодно для Японии. А существование таких планов привело бы к борьбе не на жизнь, а на смерть, ибо при всей силе и мощи японского народа, в особенности его армии, всякий знает, что мы тоже умеем за себя постоять и в обиду себя не дадим.

– Я думаю, что на эту тему много не стоит говорить. Вопрос совершенно ясен. Я уже сказал, что на этот счёт советское правительство и господин посол могут быть совершенно спокойны и выкинуть из головы всякие мысли о каких-либо агрессивных планах со стороны Японии» (2).

«Язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли» – это основное правило дипломатии отставной генерал усвоил очень хорошо, хотя и кичился солдатской прямоотой и откровенностью. Его задачей было убедить полпреда, что северному соседу ничего не угрожает, что в Москве могут быть спокойны и заниматься своими европейскими делами без оглядки на дальневосточные границы Союза. Что при этом чёрное выдаётся за белое, а агрессивные планы, изложенные в меморандуме, за миролюбивую политику, премьера несколько не смущало. В дипломатии такие понятия, как открытость, честность, верность своему слову, стоили очень немного. Главное – высшие интересы своей страны. Этим и руководствовался Танака во время беседы с полпредом.

В беседе с японским премьером советский полпред был дипломатичным, хотя и достаточно откровенным. В миролюбие отставного генерала верилось слабо, и поэтому предупреждение любителям военных авантур было высказано Трояновским вполне определённо. Но тогда шёл только 1928 г., японские войска ещё не стояли у дальневосточных границ нашей страны, не было ещё ни нарушений границ, ни провокаций. Всё это было в будущем...

* * *

В разведывательном управлении генштаба империи разрабатывались подробные, рассчитанные на долгие годы, планы разведывательной, подрывной и диверсионной деятельности против СССР. Такая деятельность в конце 20-х и в 30-х гг. была одним из важнейших элемен-

тов подготовки к захвату советских дальневосточных территорий. Тайная война против нашей страны велась непрерывно, настойчиво, не ослабевая ни на один год. Она не знала перемирий. Задолго до того, как в мае 1939 г. первые залпы необъявленной войны нарушили предрассветную тишину на Халхин-Голе, сражения на этом тайном фронте были в полном разгаре.

В 1925 г. дипломатические представители СССР и Японии подписали в Пекине конвенцию, определявшую основные принципы мирных взаимоотношений между двумя странами. Япония приняла на себя обязательства не поддерживать ни прямо, ни косвенно никаких организаций и группировок, деятельность которых была бы направлена против СССР. Был подтверждён Портсмутский мирный договор, заключённый между Россией и Японией после русско-японской войны. По этому договору Япония была обязана не проводить никаких военных приготовлений в Маньчжурии и Корее и не использовать принадлежащую ей Южно-Маньчжурскую железную дорогу в военных целях. Между двумя странами были установлены нормальные дипломатические отношения, и казалось, ничего не должно было омрачить добрососедских отношений между двумя странами. Но в действительности всё было иначе.

В апреле 1925 г. в штаб Квантунской армии, расположенный в Порт-Артуре, прибыл из Токио майор Канда Масатанэ. Офицер имел рекомендации начальника разведывательного управления генштаба, что уже говорило о многом, и направлялся в Харбинскую военную миссию, где он должен был заниматься вместе с сотрудниками миссии сбором стратегически важных сведений о северной Маньчжурии и СССР.

Скромный майор, в течение года проработавший до этого в разведывательном управлении генштаба, оказался ревностным служакой. По собственной инициативе, разумеется, испросив разрешения своего разведывательного начальства, которым подобные инициативы всячески поощрялись, он решил заняться разработкой плана основных мероприятий подрывной деятельности против СССР.

В конце 1927 г. Канда Масатанэ закончил разработку подробного и обстоятельного доклада, где каждое положение было взвешено и тщательно продумано. Документ занимал 50 страниц убористого текста и был озаглавлен: «Материалы по изучению подрывной деятельности против России» и был направлен с соответствующими грифами секретности в штаб Квантунской армии и генеральный штаб. Доклад произвёл соответствующее впечатление, скромный майор был замечен, и это позволило ему сделать в дальнейшем блестящую карьеру. К концу Второй мировой войны он был уже генерал-лейтенантом и увешен почти всеми орденами островной империи.

Доклад был программой разведывательных, диверсионных и подрывных мероприятий против СССР, причём эта программа предназначалась как для мирного, так и для военного времени. Первый раздел документа назывался «общие принципы подрывной деятельности против России». Автор доклада рекомендовал принять меры к обострению национальной, идеологической и классовой борьбы внутри нашей страны. Предлагалось подстрекать государства, лежащие на западных и южных границах Союза. Угрожать ему таким образом, чтобы не дать возможности перебросить на Дальний Восток большую армию. При помощи экономической блокады мешать ввозу в Союз материальных средств и, в частности, предметов военного снаряжения. Рекомендовалось также разрушать транспортные сооружения, телеграфную связь, задерживать мобилизацию и концентрацию армии. Главная ставка при этом делалась на сибирские железные дороги.

Второй раздел доклада был посвящён разработке важнейших мероприятий по подрывной деятельности на территории Восточной Сибири. Здесь предусматривалось ведение антисоветской агитации и пропаганды, засылка на советскую территорию антисоветских групп, чтобы мешать в военное время действиям частей Красной Армии. Предлагалось «в связи с развитием общего военного положения создать на русской территории антисоветское правительство и побудить свергнуть советскую власть одновременно в Сибири и на Кавказе». Предусматри-

валось сделать Внешнюю Монголию антисоветской, то есть свергнуть правительство Монгольской народной республики.

В приложении к докладу были разработаны «Важнейшие мероприятия мирного времени на Дальнем Востоке в связи с подрывной деятельностью против России». Среди этих мероприятий предусматривалось создание за границей белоэмигрантских организаций для враждебной деятельности против Советского Союза.

Доклад Масатанэ можно было бы выдать за личную инициативу офицера разведки и не принимать его всерьёз, если бы подобные документы не подкреплялись официальной секретной документацией, проходившей через МИД Японии. Ещё до того, как доклад Масатанэ был отправлен в Токио и Порт-Артур, японский военный атташе в Советском Союзе Мицутаро Камацубара, будущий генерал и командир 23-й пехотной дивизии, разгромленной на Халхин-Голе, получил из Токио инструкцию генштаба № 908, датированную: октябрь 1927 г. В ней военному атташе, возглавлявшему резидентуру японской разведки в СССР, предписывалось заняться изучением организаций, обществ и отдельных лиц, которых можно было бы использовать для получения разведывательной информации, проведения антисоветской пропаганды и подрывной деятельности и давались практические указания по организации подрывной работы в СССР. Документ был подписан помощником начальника генштаба Минами Дзиро.

Этот документ, будучи официальным, естественно, привлёк к себе внимание обвинения на Токийском процессе. При допросе на вопрос обвинителя: «Не было ли обычной практикой инструктировать военных атташе, что они должны заниматься шпионажем и подрывной деятельностью?», – подсудимый Минами, подписавший эту инструкцию, ответил: «Таковыми глупыми делами я никогда не занимался». Когда же он был уличён фотокопией этого документа, то ему ничего не оставалось как признать, что в действительности он очень даже занимался этими «глупыми делами», и добавить: «Я думаю, что было послано много таких писем».

Разведывательный отдел генштаба начал практическую разработку мероприятий подрывной и диверсионной деятельности против СССР стремясь, как это и было предусмотрено в докладе Масатанэ, распространить сферу применения этих мероприятий на весь мир. В инспекционную поездку по европейским странам отправился начальник разведывательного отдела генштаба генерал-лейтенант Мацуи Иванэ, занявший в 1946 г., так же как и Минами, место на скамье подсудимых Токийского трибунала.

В апреле 1929 г. Мацуи, очевидно, под другим именем и с другими документами, прибыл в столицу Веймарской республики. После его приезда японский военный атташе в Берлине развил бурную деятельность. В европейские столицы полетели шифрованные телеграммы: японские военные атташе в Европе созывались на важное совещание. Вскоре японские разведчики, снабжённые дипломатическими паспортами и пользующиеся дипломатической неприкосновенностью, приехали в Берлин из Великобритании, Франции, Польши, Австрии, Италии, Советского Союза и даже Турции.

Мацуи выступил на совещании с обстоятельным докладом о расширении шпионской и подрывной деятельности против СССР. После этого на совещании обсуждались вопросы о способах, методах и организации диверсий, которые будут проводиться из европейских государств против нашей страны во время войны. Большое внимание было уделено положению русских белоэмигрантов в Европе с учётом их возможного использования в будущем. Обсуждался и вопрос об агентурно-разведывательной работе против СССР, проводимой японскими военными атташе в Европе. В целом на совещании разрабатывалась долговременная, рассчитанная на многие годы стратегия шпионажа, диверсий и террора против Советского Союза.

Может быть, и само совещание в японском посольстве, и фамилии его участников так навсегда и остались бы одной из сокровенных тайн японской разведки, но некоторые из присутствующих делали по ходу совещания заметки. Записи одного из участников совещания удалось сфотографировать советскому агенту, и плёнка попала в Москву. Поэтому в 1946 г., когда на

Токийском процессе началось представление документов по советской фазе обвинения, фотокопии записок, сделанных в Берлине в 1929 г., были приобщены к делу. Генерал Мацуи, как профессиональный разведчик, конечно, отлично помнил и совещание, которое он провёл 17 лет тому назад, и те вопросы, которые на нём обсуждались. Но он хорошо помнил и то, что разоблачение на суде его роли как одного из организаторов подрывной деятельности против Советского Союза может только ухудшить его положение на скамье подсудимых. Поэтому при первом же упоминании о совещании во время допроса его начала «подводить» память, хотя после представления неопровержимых доказательств ему ничего не оставалось, как во всём сознаться.

* * *

Уже в следующем году после эвакуации японских войск из Приморья в Токио начались совещания военно-политического руководства под председательством императора. На совещаниях вырабатывали новую внешнеполитическую стратегию на будущее. Были определены два главных направления японской экспансии – северное и южное. Южное (морское) направление предусматривало в перспективе войну с США за господство на Тихом океане. Северное (сухопутное) направление предусматривало в будущем захваты на азиатском материке, в частности, в Китае, а в перспективе войну с Советским Союзом для захвата северного Сахалина, Камчатки и в первую очередь Приморья и Приамурья. В соответствии с рекомендациями совещания у императора Генштаб начал разработку планов новой войны.

Первый вариант нового плана был разработан уже в 1923 г. По этому варианту предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важнейшие районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по северной Маньчжурии. Наступить на Приморскую область, северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский». Такие были замыслы в начале 1920-х. Но для их осуществления нужны были годы упорного труда и, конечно, благоприятная обстановка внутри Японии и за её пределами.

К концу 1920-х гг. разработка этих планов в Токио и в штабе Квантунской армии на материке была в полном разгаре. Кто мог знать о них? В первую очередь командующий Квантунской армией и начальник его штаба. Под любым документом, который отправлялся в Токио из Порт-Артура, где размещался тогда штаб армии, стояли их подписи и личные печати. Ясно было и то, что для осуществления этих планов нужен был плацдарм на материке, примыкающем к советским дальневосточным границам. Ляодунского полуострова, которым владела Япония, для будущей агрессии против северного Китая и Советского Союза было явно недостаточно. Таким плацдармом могла быть только Маньчжурия. И планы захвата этого обширного района Китая, которые разрабатывались в штабе Квантунской армии, были частью плана войны против Советского Союза.

В июле 1928 г. штабные офицеры Квантунской армии ожидали на набережной Порт-Артура японский пароход из Токио. По трапу сошёл офицер с погонами подполковника, который представился встречавшим как Мияке Мацухара, новый начальник штаба Квантунской армии. Подполковник прослужил в этой должности до лета 1932 г. и принимал непосредственное участие в разработке планов нападения на Советский Союз и в захвате Маньчжурии. Затем он служил в Токио, а в конце войны был опять переведён в Маньчжурию, где после разгрома Квантунской армии и попал в плен уже в чине генерал-лейтенанта. В своих показаниях, принятых Токийским трибуналом в качестве документа обвинения, он заявил, что «план операций, который был должен привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР, имевшегося в японском генштабе. Впервые о существовании плана нападения на СССР я узнал, прибыв в июле

1928 г. на должность начальника штаба Квантунской армии». Признание красноречивое! В 1928 г. план нападения на Советский Союз уже лежал в сейфах генштабовских кабинетов.

Хотелось бы подчеркнуть, что это были только планы. До прямой агрессии и даже до угрозы агрессии было ещё очень далеко. Можно понять стремление японских генералов в Токио и в Порт-Артуре рассчитывать за бесславное возвращение в Японию в 1922-м после эвакуации из Приморья. Это было первое поражение японской армии, и офицерский корпус переживал его очень болезненно. Отсюда и стремление взять реванш как можно скорее хотя бы на бумаге в виде плана будущей войны. Для середины 1920-х вариант плана «ОЦУ» можно было считать наиболее оптимальным. При отсутствии плацдарма в Маньчжурии вести сухопутные операции можно было только через советско-корейскую границу, используя дивизии Корейской армии. А высадка крупного морского десанта в Приморье при полном отсутствии у Советского Союза флота и береговой обороны побережья представлялась вполне реальной операцией с хорошими шансами на успех. Разоруженная Владивостокская крепость при отсутствии необходимых запасов не могла бы долго продержаться в случае её блокады.

Стратеги из японского генштаба, разрабатывавшие этот план войны, учитывали в полной мере и международный фактор. Обстановка на западных границах Союза была тревожной. Взаимоотношения с западными соседями: Польшей, Румынией, Финляндией ухудшились, и «первая военная тревога», как называли этот период наши военные историки, была в полном разгаре. Все скудные военные ресурсы были брошены на укрепление западных границ. В случае одновременного военного конфликта на Западе и Востоке, а с таким вариантом считались в штабе РККА, Дальний Восток не мог рассчитывать на получение резервов из центральных районов страны и должен был обходиться только своими очень незначительными силами. В случае такого конфликта могла возникнуть ситуация времён Гражданской войны, когда основные военные операции проводились в центральных районах страны, а всё, что было на территории за Байкалом, было оставлено на потом.

И ещё одно обстоятельство надо было учитывать при анализе обстановки конца 1920-х гг. Военные круги и военная партия не были тогда ещё так сильны, как десять лет спустя, когда генералы, имея огромную армию и мощный маньчжурский плацдарм, становились премьер-министрами и определяли внутреннюю и внешнюю политику империи. В те годы во главе страны стояли другие более трезвомыслящие люди, которые учитывали Пекинскую конвенцию 1925 г., вывод японских войск с северного Сахалина и установление дипломатических и добрососедских отношений со своим северным соседом. В этих условиях, с учётом международного престижа империи, ни о каком внезапном военном конфликте с Советским Союзом не могло быть и речи. И это хорошо понимали и в Токио, и в Москве. Тем более что никакого реального союзника в Европе пока ещё не было, а начинать в одиночку новую интервенцию, хорошо зная о результатах предыдущей, было боязно.

Поэтому все варианты плана «ОЦУ», во всяком случае до второй половины 1930-х, можно рассматривать как обычные штабные разработки, которые хорошо выглядят на бумаге и очень далеки от действительности. Подобными разработками в межвоенное двадцатилетие занимались все генштабы крупнейших государств мира. В тиши генштабовских кабинетов разрабатывались планы войны на все случаи жизни. И в штабе РККА в этом случае не было исключения. В Москве планировались варианты наступательной войны против государств, с которыми в то время поддерживались нормальные добрососедские отношения. Так что отношения, например, с Ираном и Афганистаном поддерживались, а планы войны на всякий случай разрабатывались. И никого в штабе РККА это не смущало, и никто не высказывал протестов. Просто командиры оперативного управления занимались своим делом и своей работой, очевидно чтобы не потерять квалификацию при разработке в будущем более серьёзных планов войны.

Глава первая

Отпор (1931–1932 годы)

1931 г. был для Дальнего Востока особенным годом. Руководство армии и генштаба империи готовилось к важным мероприятиям, которые должны были на годы вперёд определить обстановку на азиатском континенте и повлиять на судьбу многих стран. Через девять лет после того, как японские солдаты были вынуждены уйти из Приморья, в Токио снова решили попробовать закрепиться на материке. Но на этот раз в точном соответствии с положениями меморандума Танака решили начать с Маньчжурии. Японской армии нужен был большой плацдарм на континенте, где можно было бы развернуться и создать базу агрессии: разместить крупную ударную группировку, сеть аэродромов для формирования мощного воздушного кулака, способного решать оперативные задачи. Квантунский полуостров, полученный в аренду после Русско-японской войны, был забит войсками Квантунской армии и не годился для этих целей. И взоры японских генералов в Токио и Порт-Артуре всё чаще устремлялись за его пределы – на бескрайние просторы Китая.

* * *

Три китайские провинции – Хэйлунцзян, Гири и Ляонин – составляли обширный район Северо-Восточного Китая. Здесь проживали десятки миллионов жителей, были богатые залежи угля, железной руды и других полезных ископаемых, так необходимых островной империи для ведения захватнических войн. На севере по Аргунь и Амуру и на востоке по Уссури Маньчжурия граничила с Советским Союзом, на западе – с МНР и китайской провинцией Жехэ, на юге по реке Ялу – с Кореей, в то время колонией Японии.

Если посмотреть на крупномасштабную карту Маньчжурии, то можно увидеть железнодорожную магистраль, прорезающую всю территорию с северо-запада на юго-восток. Начинаясь у пограничной станции Маньчжурия, магистраль через Харбин проходит к Владивостоку. От Харбина по территории южной Маньчжурии через Мукден к Дальнему и Порт-Артуру была проложена другая железнодорожная магистраль. Обе дороги были построены Россией и обошлись русскому народу в сотни миллионов рублей. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) к началу 1930-х гг. принадлежала Советскому Союзу и находилась под совместным советско-китайским управлением. Это было коммерческое предприятие, доход от которого распределялся между советским и китайским правительствами. Дорога не должна была использоваться в военных целях. Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД) после Русско-японской войны 1904–1905 гг. принадлежала Японии и её охрану несли специальные батальоны японских охранных войск. На Ляодунском полуострове были размещены отборные части японской армии, отлично вооружённые и обученные. Это была Квантунская армия – передовой отряд для будущих завоеваний.

В начале 30-х гг. в Китае продолжала сохраняться довольно сложная политическая обстановка. После поражения революции 1925–1927 гг. власть в стране захватили сторонники национальной партии (гоминдан). Гоминдановское правительство во главе с Чан Кайши, располагавшееся в Нанкине и представлявшее главным образом, интересы крупной буржуазии, вело упорную борьбу против милитаристских клик, контролировавших Северный Китай и другие районы страны. С другой стороны, оно вынуждено было всё больше внимания обращать на борьбу против революционного движения и прежде всего против советских районов, созданных в 1928–1930 гг. под руководством китайской коммунистической партии в Южном и Центральном Китае.

Правителем и командующим вооружёнными силами Маньчжурии был Чжан Сюэлян – сын диктатора Маньчжурии Чжан Цзолиня, погибшего 4 июня 1928 г. при взрыве поезда, организованного группой офицеров Квантунской армии. Он, как и другие милитаристы, принимал активное участие в борьбе с нанкинским правительством, хотя в декабре 1928 г. и объявил о признании его власти. Под его командованием было около 300 тысяч человек, однако они были неудачно дислоцированы, и в случае внезапного выступления частей Квантунской армии против Маньчжурии её правитель не мог противопоставить японским войскам достаточно крупные силы. Вооружены китайские части были плохо, слабой была и их боевая подготовка. Во всех отношениях они значительно уступали японским частям.

Советская военная разведка в Хабаровске внимательно следила за событиями в этом районе. После конфликта на КВЖД в 1929 г. в Советском Союзе были военнопленные: китайские солдаты и офицеры. После урегулирования конфликта они были возвращены в Маньчжурию. Но перед отправкой с ними «поработали» и сотрудники ОГПУ, и сотрудники военной разведки – разведывательного отдела штаба ОКДВА. Упустить такой удобный случай было нельзя. Оба ведомства, соревнуясь друг с другом, фильтровали пленных, вербуя для себя агентуру, которая в будущем могла бы достаточно подробно освещать события в Маньчжурии. Очевидно, от этой агентуры была получена в 1930-м и начале 1931-го та информация, которая закладывалась в военно-политические сводки по Японии и Китаю, регулярно выпускавшиеся разведывательным отделом штаба ОКДВА. Первые экземпляры сводок ложились на стол командующего ОКДВА Блюхера, позволяя ему быть в курсе событий за Амуром и Уссури.

В сводке № 8 от первого января 1931 г. отмечалось, что с усилением общей агрессивности внешней политики Япония активизирует свою деятельность и в Маньчжурии. Во всех крупнейших пунктах трассы КВЖД японская разведка увеличивает сеть своей агентуры. Отмечались также и упорные слухи о подготовке Японией какой-то грандиозной провокации в Маньчжурии. Очевидно, что-то из разрабатываемых японским генеральным штабом планов просочилось наружу и стало предметом обсуждения в китайских и эмигрантских кругах, а разведка всегда прислушивалась к подобной информации. Агентура также подтверждала сведения о намерении Японии усилить свои вооружённые силы в Маньчжурии для обеспечения проведения своей агрессивной политики. В генеральном штабе Японии решили перебросить в Маньчжурию дивизию, усиленную кавалерийской и артиллерийской бригадами, а также ещё один авиационный полк. Переброску этих войск планировали осуществить в начале 1931 г. Такая переброска крупной группировки на материк значительно усиливала численность Квантунской армии, нарушая все статьи Портсмутского договора. В китайских военных кругах предполагаемое усиление японских войск было расценено как намерение японского правительства оказать давление на Мукден и как переход к более активной политике в Маньчжурии.

Анализ имевшейся в разведывательном отделе информации позволил сделать вывод: «Экономический кризис в Японии и стремление Китая, в частности, Мукденской группировки, вести независимую от Японии политику толкает японское правительство на усиление агрессии в Маньчжурии как против Китая, так и против СССР. Отмечается увеличение военных сил в южной Маньчжурии, усиление разведывательной деятельности и организации белых банд...»

В сводке № 10 на первое марта отмечалось, что японская разведка усиленно вербует новых агентов по всей трассе КВЖД и что в последнее время Япония проявляет особый интерес к западной линии КВЖД, идущей от Харбина к советскому Забайкалью. Подчёркивалось, что эти сведения заслуживают доверия, то есть получены от проверенного и надёжного источника. В заключении сводки указывалось: «Всё, вместе взятое, заставляет прийти к определённом выводу о крайней серьёзности положения в северной Маньчжурии. Подготовка новой провокации весной этого года идёт усиленными темпами». Сводка была подписана начальником 4-го (разведывательного) отдела штаба ОКДВА Карповым. Это был псевдоним будущего

героя Сталинградской битвы Чуйкова. В 1931-м он возглавлял военную разведку на Дальнем Востоке. Обстановка в регионе накалялась, и разведчики верно зафиксировали нарастание тревожных событий. В сроках ошиблись на полгода – агрессия началась осенью. Но у Москвы и у Хабаровска было время подготовиться и принять необходимые меры.

Интересно отметить, что разведывательный отдел в Хабаровске занимался не только составлением сводок и анализом военно-политической обстановки. В архивном деле между разведывательных сводок лежит любопытный документ, весьма характерный для начала 1930-х. Это статья, напечатанная в харбинской эмигрантской газете «Русское слово» от 24 июня 1931 г. В передовице под заголовком «Второй лик пятилетки» говорилось о назначении Сталина членом Совета Труда и Оборона и отмечается, что это назначение произвело во всех кругах Советского Союза огромное впечатление. Этому назначению, пишет газета, предшествовало появление книги Ворошилова «Сталин и Красная Армия», в которой «Ворошилов доказывает, что Сталин является не только выдающимся организатором партии, но имеет и исключительно военные заслуги, что ему принадлежит мысль и осуществление организации 1-й Конной армии и ему обязана она своими победами».

Газета писала: «Вслед за Ворошиловым выступил и Егоров, ныне командующий Белорусским военным округом, а во время Гражданской войны бывший командующий Юго-Западным фронтом. Он точно так же подчёркивал стратегические и военные таланты Сталина и утверждал, что не только организация 1-й Конной, но и выработка стратегического направления принадлежит Сталину, у которого, таким образом, должен быть признан, наряду с другими необычайными качествами, выдающийся военный гений».

Основной вывод в передовице заключался в том, что назначение Сталина в СТО приобретает огромное значение именно с точки зрения милитаристской, ибо, как известно, задача СТО заключается прежде всего в руководстве обеспечением нужд армии и удовлетворении требований обороны. Харбинские эмигрантские газеты регулярно поступали в Хабаровск, и эта статья была, конечно, не единственная, которая легла на стол Блюхера. Разведка регулярно снабжала командующего эмигрантской периодикой.

У документов, которые добывала разведка в 30-х гг., разная судьба. Некоторые остаются в Центре и используются при составлении докладов и аналитических записок, предназначенных руководству страны. Другие, более важные, с сопроводительными письмами отправляются «наверх» и ложатся на стол государственных, партийных, военных или дипломатических руководителей. Их читают, изучают и, если необходимо, по ним принимаются решения на высшем государственном, военном или дипломатическом уровне. После этого они оседают в личных архивах руководителей страны. Некоторые из этих документов с соответствующими резолюциями или пометками возвращаются обратно в аппарат той разведки (политической или военной), которая их отправила руководству страны, для дальнейшей работы с ними. Затем они поступают в архив разведки и становятся недоступными для независимых исследователей. Архив разведки – святая святых ведомства, и никогда ни при каких обстоятельствах чужака и близко не подпустят к его дверям. И здесь не имеют значения ни законы о рассекречивании в связи со сроком давности, ни череда десятилетий, прошедших после получения документа. К примеру: в архиве знаменитого ГРУ (Главного разведывательного управления), а там все документы секретны или совершенно секретны, хранятся документы военной разведки Российской империи периода 80-х гг. прошлого века. Четыре войны прошло, империя исчезла, её преемник Советский Союз развалился, а документы столетней давности засекречены до сих пор. Какой смысл в этом – известно только руководству разведки. Исследователям знать этого не дано.

У Службы внешней разведки такое же положение. В архиве стеллажи забиты папками с фотокопиями подлинных документов Форин Офис и других английских учреждений, полученных перед Второй мировой войной от членов знаменитой кембриджской пятёрки – и ни

одной так нужной историкам публикации. Ни одной публикации по документам 1920-х гг. и первой половины 30-х, когда разведкой руководил Артузов. А что касается периода 1940–1941 гг., то сообщая в печати агентурные донесения, вообще не указывают, кому они докладывались и на какой высокий уровень шла эта ценнейшая информация, если она туда шла, а не отправлялась в мусорную корзину. Двухтомник документов «1941 г.» является характерным примером такого использования разведывательной информации политической разведки. Десятки агентурных донесений – и ни одного адресата, ни одной фамилии того, кому она была доложена, если она была доложена, а не осела в архиве разведки. Ведь не имея никаких данных о прохождении информации «наверх», исследователь может предположить и такой вариант. И остаётся только одно – искать информацию разведки в других архивах, «копать» в архивах государственных, не связанных с ограничениями ведомственных архивов, а также писаными и не писаными законами разведки.

* * *

3 августа 1931 г. командующий войсками Квантунского округа (так в документе) генерал-лейтенант Хондзио отправил в Токио доклад, адресованный военному министру генералу Минами по вопросу об образовании маньчжуро-монгольского государства под протекторатом Японии и мировой гегемонии империи. Доклад развивал и дополнял основные положения уже знаменитого к тому времени меморандума Танака, но уже с учётом военно-политической обстановки 1931 г. в Дальневосточном регионе. В этом документе генерал утверждал, что: «Теперь настало время решительных действий, и мы должны присоединить Маньчжурию, Монголию и Сибирь к Японии и образовать одну мощную и единственную в мире Империю» (3). Он также считал, что возрождение Китая, существование Советской России и усиление влияния Америки в восточной части Тихого океана – всё это в корне несовместимо с основной политикой империи.

Конечно, генерал не советовал сразу же начинать войну с могущественной Америкой. Сил и материальных ресурсов для этого у империи в 31-м ещё не было. Поэтому и предлагал стремительно занять важные в стратегическом отношении пункты Китая и Советской Сибири, усилить армию и обеспечить Японию всеми нужными продуктами и материалами, чтобы она в этом отношении была бы совершенно независима. Он утверждал, что: «Мы (т. е. Япония) должны совершенно парализовать боеспособность Китая и Советской России и привести эти государства в такое состояние, чтобы они в короткий срок не могли оправиться, оказывать нам сопротивление и восстановить своё прежнее положение» (4). За высокопарными и витиеватыми фразами было твёрдое желание разгромить обе страны, занять обширный плацдарм на материке, совершенно недоступный для главного противника – Америки и создать там мощную военно-экономическую базу агрессии в сторону азиатского материка и стран Южных морей.

Генерал предлагал после занятия важных стратегических пунктов в Китае и Сибири, чтобы империя начала разрабатывать природные богатства во вновь занятых странах, удовлетворяя нужды императорского флота по государственной обороне и по оттеснению американского влияния к востоку от Гавайских островов. Он также считал, что необходимо при удобном случае занять Филиппинские острова, чтобы обеспечить господство империи в западной части Тихого океана. Хондзио определял следующий порядок действий: первый шаг – захват Маньчжурии и Монголии, вторым – необходимо использовать КВЖД для вторжения в Сибирь, чтобы занять её до Верхнеудинска и принудить Советскую Россию отдать Японии территорию, лежащую к востоку от реки Лена вплоть до Берингова пролива. В докладе предусматривалось создание Дальневосточного государства, по типу Маньчжуро-монгольского. Контроль за обоими государствами предусматривался со стороны лиц, назначаемых и утверждаемых Японией.

В докладе отмечалось, что: «Если указанные выше страны будут управляться нами, то в течение не более 10 лет благосостояние и процветание нашей империи превзойдёт благосостояние Америки. Какое тогда государство в мире осмелится оказывать нашей империи противодействие?» (5). Конечно, при разработке такого грандиозного плана не были забыты южные острова и архипелаги в Индийском океане, а также Австралия и Новая Зеландия, которые должны были войти в состав империи. Вот такие «скромные» планы были у командующего Квантунской армией. А что же в перспективе? Здесь фантазия генерала разгулялась в полной мере. «Согласно оставленному нам нашим покойным Великим Императором наказу, обязанность нашего народа, а вместе с тем и его процветание, заключаются в том, что он должен в первую очередь покорить весь Китай и всю Азию, а потом всю Европу и Африку, господствуя на всём громадном Восточном полушарии и разграничив сферу мирового владычества с Америкой» (6).

Скромное желание, США – американский континент, а всё остальное наше. Но вот сил и средств для выполнения этих мечтаний у империи не было. Конечно, любой японский генерал может писать и мечтать о чём угодно. Но если после меморандума генерала Танака появляется подобный доклад, то это уже тенденция, которую можно назвать «синдромом Квантунской армии». Возможно, что присутствие на азиатском континенте действовало на японских генералов несколько возбуждающе, и фантазия у них разыгрывалась сверх всякой меры.

Генерал рекомендовал военному министру, а через него и правительству поторопиться. По его мнению, в настоящее время Советская Россия и Китай уже идут по пути возрождения и готовятся к будущей войне, но сила их пока слаба. Поэтому надо воспользоваться теперешним удобным моментом и стремительно двинуть мощную японскую армию, чтобы одним ударом сломить сопротивление Китая и России.

Вот такие предложения военный министр Японии получал от своих подчинённых. Командование и офицерский состав Квантунской армии отличались чрезмерной воинственностью и желанием повоевать, разумеется победоносно. Что касается самого доклада, то по содержанию он мало отличался от меморандума Танака. Можно было бы не обратить особого внимания на этот документ, но он был получен в Москве только в марте 32-го, когда японская агрессия в Маньчжурии была в самом разгаре, подтверждая основные положения доклада. Поэтому в Разведупре отнеслись к нему серьёзно, доложив его содержание Ворошилову, а возможно и Сталину. Весной 32-го доклад дополнял тревожную информацию о предполагаемой войне Японии против СССР в ближайшее время.

И вот за несколько месяцев до начала агрессии, в июле 1931 г., Высший военный совет империи рассматривает и утверждает проект реорганизации армии, основной целью которого являлось оснащение войск новейшей военной техникой и расширение производственных мощностей военной промышленности. Реорганизация армии, согласно этому проекту, была рассчитана на семь лет (1932–1938), но в Токио торопились, и реорганизацию начали уже в 1931 г., ведя её усиленными темпами. Основное внимание уделялось военно-воздушным силам и противовоздушной обороне, а также механизации и моторизации армии на основе производства современной техники (7).

К июлю 1931 г. в штабе Квантунской армии была завершена разработка плана оккупации Маньчжурии. План был направлен в генштаб и в том же месяце утверждён его начальником. После проведения целого ряда совещаний с дипломатами и представителями монополий армейское командование приступило к практическому воплощению этого плана в жизнь.

Закончился первый этап планировавшейся японской агрессии, выразившийся в подготовке захвата плацдарма на континенте. Интересно отметить, что в приговоре Токийского трибунала, этом итоговом документе тщательной трёхлетней работы юристов многих стран, было зафиксировано, что «военные планы японского генштаба с начала рассматриваемого периода (с 1928 г.) предусматривали в качестве первого мероприятия оккупацию Маньчжурии. В

японских военных планах захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но также как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных операций против СССР в будущем».

В состав Квантунской армии перед вторжением входила 2-я пехотная дивизия и шесть отдельных батальонов охранных войск ЮМЖД. Пехотные, артиллерийские и кавалерийские полки дивизии были расквартированы в крупнейших городах южной Маньчжурии. Общая численность армии составляла около 15 тысяч человек. По плану, разработанному штабом Квантунской армии, проведение операции возлагалось именно на эти части. Мобилизация дивизий, расположенных на японских островах, и их переброска на континент не предусматривались. И хотя китайские войска, дислоцированные в Маньчжурии, обладали огромным численным превосходством, в штабе Квантунской армии не сомневались в победе. На всякий случай в боевую готовность были приведены части 19-й и 20-й пехотных дивизий, расположенных в Корее, а в метрополии были подготовлены к отправке одна пехотная дивизия и одна пехотная бригада.

Согласно расчётам, сделанным в Токио, войну нужно было закончить в кратчайший срок, используя раздробленность китайских вооружённых сил в Маньчжурии. Все операции должны были освещаться в прессе только как карательные экспедиции, употреблять слово «война» на страницах газет запрещалось. И японскому народу, и мировому общественному мнению все боевые действия должны были преподноситься только как инцидент, имеющий чисто внутренний характер. Подобная трактовка событий должна была устранить повод для вмешательства в войну других государств. Особое значение придавалось тому, чтобы привлечь на свою сторону отдельных китайских генералов с их армиями и натравить их друг на друга. Первым этапом плана предусматривался захват китайских городов, расположенных на трассе ЮМЖД. После этого, если ни Лига Наций, ни США не вмешаются в конфликт, должен был последовать захват остальной территории Маньчжурии (8).

Японское командование тщательно готовилось к захвату Маньчжурии, сохраняя свои приготовления в глубокой тайне. И всё-таки на страницах газет иногда появлялись тревожные, как предвестники бури, сообщения.

5 сентября 1931 г. корреспондент ТАСС сообщил из Токио, что японские газеты в течение последнего времени поднимают большой шум вокруг убийства во Внутренней Монголии капитана японского генштаба Накамура. По их сообщениям капитан совместно с двумя спутниками занимался исследованием Хинганского хребта и был убит китайскими солдатами. В кругах военного министерства, как сообщили те же японские газеты, открыто говорят о необходимости в ответ на убийство Накамура оккупировать часть маньчжурской территории.

7 сентября в Москву из Шанхая поступает короткое сообщение корреспондента ТАСС, которое не оставляет сомнения в том, как развернутся события в ближайшие дни: «Как сообщают из Маньчжурии, мукденские правительственные круги (правительство Маньчжурии. – Е.Г.) встревожены увеличением японских гарнизонов в Корее и Маньчжурии на одну дивизию и организацией около Дайрена военно-воздушной базы. Мукденские китайские газеты расценивают эти мероприятия как переход японской политики на путь вооружённого захвата Маньчжурии». Японскому командованию не удалось скрыть подготовку к агрессии на континенте.

Конечно, в Москве получали информацию об обстановке на Дальнем Востоке не только из сообщений тассовских корреспондентов. С полной нагрузкой работала агентура разведывательного отдела штаба ОКДВА на территории Маньчжурии. Полученная разведывательная информация обрабатывалась, анализировалась и отправлялась командованию ОКДВА и в Москву в виде военно-политических сводок с подробными оценками обстановки. В сводке № 8 от 1 января отмечалось, что во всех значительных пунктах по линии КВЖД японцы усиливают свою разведывательную работу и увеличивают сеть своих агентов. Ходят слухи о подготовке Японией какой-то грандиозной провокации в Маньчжурии в результате которой якобы советские консульства будут вынуждены покинуть пределы Китая. Маньчжурская агентура воен-

ной разведки подтверждала сведения о намерении Японии усилить свои вооружённые силы в Маньчжурии для обеспечения проведения агрессивной политики на континенте. Были подтверждены данные о намерении перебросить в начале 1931 г. в Маньчжурию дивизию, усиленную отдельной кавалерийской бригадой, артиллерийской бригадой и авиационным полком. В китайских военных кругах усиление японских войск было расценено как намерение японского правительства оказать давление на Мукден в первую очередь в вопросах железнодорожного строительства и как переход Японии к более активной политике (9).

В военно-политической сводке по Китаю и Японии № 10 на 1 марта отмечалось, что японская разведка проявляет большую активность, усиленно вербуя новых агентов по линии КВЖД. Японские агенты вели полный учёт всех лиц, прибывающих из СССР, и собирали сведения об их политических убеждениях. В сводке также указывалось, что в последнее время Япония проявляла особый интерес к западной линии КВЖД. Агентура японской разведки собирала сведения о состоянии и работе этого участка трассы, и по линии посылались офицеры для производства топографических работ. В документе отмечалось, что эти сведения заслуживают доверия. В сводке отмечалось, что приход к власти партии Сейюкай означает крайнюю агрессивность Японии в Китае. А Северная Маньчжурия представляется этой партии тем спасительным «кораблём», который выведет Японию из тяжёлого экономического и политического положения. Основной вывод этого документа заключался в том, что: «...В настоящее время Северная Маньчжурия как никогда становится тем узловым вопросом на Дальнем Востоке необходимость разрешения которого для Японии, Китая и США становится настоятельным и безотлагательным. Всё вместе взятое заставляет прийти к определённом выводу о крайней серьёзности положения в Северной Маньчжурии. Подготовка новой провокации весной этого года идёт усиленными темпами» (10).

Подобные военно-политические сводки выпускались 4-м (разведывательным) отделом штаба ОКДВА регулярно. Иногда в этих документах были и ошибки по срокам начала японской агрессии в Маньчжурии, но общая тенденция нарастания напряжённости в дальневосточном регионе была определена верно.

Захват Маньчжурии

К 17 сентября все части Квантунской армии, расквартированные на Ляодунском полуострове и в городах Южной Маньчжурии, были приведены в полную боевую готовность. В этот же день приказ о приведении в боевую готовность корейской группы войск японской армии получил из Токио генерал-губернатор Кореи Угаки.

Повод для разжигания конфликта был найден с помощью японских диверсантов. Они заложили взрывчатку и взорвали железнодорожный путь южнее Мукдена. Этого оказалось достаточно для того, чтобы японские войска начали боевые действия. В ночь на 19 сентября на казармы китайских войск и на китайский военный аэродром обрушились тяжёлые снаряды японских орудий. На сонных китайских солдат рушились перекрытия и стены. На аэродроме горели самолёты и ангары. Китайские войска и охранная полиция, а их общая численность составляла около 10 тысяч человек, не выдержали артиллерийского огня и разбежались, а китайские лётчики покинули аэродром. И хотя японских солдат было всего лишь около 500, они заняли основные военные объекты Мукдена и центральные кварталы города.

Через полчаса после «разрушения» пути около Мукдена командир японского гарнизона в Чаньчуне, втором по величине городе Маньчжурии, «почувствовал» угрозу своим войскам со стороны китайского гарнизона города, мирно спавшего в своих казармах. Он приказал начать выступление японских частей в три часа ночи 19 сентября. Однако на этот раз японские расчёты не оправдались. Китайские солдаты по собственной инициативе, не дожидаясь приказов командиров, оказали японским войскам упорное сопротивление и заставили их отступить на исходные позиции. Вскоре под прикрытием артиллерийского огня японские части вновь перешли в наступление, и лишь к середине дня город был ими захвачен. Потери японских войск в Чаньчуне составили около 400 человек убитыми и ранеными (11).

К вечеру 20 сентября все крупные города к северу от Мукдена до реки Сунгари были захвачены японскими войсками. Китайские части в беспорядке отступали на северный берег реки. Операция была проведена молниеносно, и это ещё раз указывало на то, что план агрессии был разработан заранее и во всех деталях. После войны, когда стали известны многие документы, выяснилось, что по плану, разработанному в генштабе, завершением первого этапа боевых действий являлся выход японских войск на рубеж Сунгари. Дальнейшие операции в Северной Маньчжурии планировалось провести позднее, когда будет ясна реакция китайского правительства, а также Англии, Франции, США и Германии по поводу захвата Японией Южной Маньчжурии (12).

Что же произошло в это время в столице островной империи? Узнав о начале агрессии, премьер-министр Японии Вакацуки, занимавший более сдержанную позицию во внешней политике страны, почтительно испросив аудиенцию у «сына неба», изложил ему позицию правительства. Премьер-министр предлагал прекратить агрессию и вернуть войска на Ляодунский полуостров. Вразумительного ответа от императора не последовало. Тогда Вакацуки пришлось обратиться к военному министру генералу Минами, которому подчинялись генштаб и командующий Квантунской армией и который имел право дать приказ о прекращении наступления и отводе войск. Но генерал ответил премьеру, что «отступление не в традициях японских воинов». Приказ об отводе войск может оказать отрицательное моральное воздействие на японских солдат, и поэтому речь может идти только о продолжении наступательных операций в Северной Маньчжурии. Чтобы успокоить премьера, генерал заявил, что «операции в Маньчжурии предприняты не только в целях защиты жизни и интересов японских граждан и их собственности в этом районе, но и в целях создания барьера на пути распространения коммунизма в целях предотвращения советской угрозы интересам Японии и других великих

держав в Китае» (13). Пугалом антисоветской угрозы размахивали в Токио ещё в 1931 г., когда для такой угрозы ещё не было серьёзных оснований.

Первые сообщения о событиях в Маньчжурии поступили в Москву из Шанхая, Токио и других городов днём 19 сентября. Сообщения были тревожные: боевые действия частей Квантунской армии начались вблизи от КВЖД. Всё это не могло не беспокоить руководство Наркомата иностранных дел, и в тот же день в девять часов вечера японский посол Хирота был приглашён к заместителю наркома Карахану.

Карахан сообщил послу о занятии японскими войсками Мукдена и боях в Маньчжурии и поинтересовался, имеется ли у него какая-либо информация на этот счёт. Никакой серьёзной информации у японского дипломата не оказалось. Он лишь сказал, что в единственной телеграмме, полученной посольством, сообщалось, что в Мукдене никакого сражения не было и там «всё благополучно». Заместитель наркома ответил послу, что эта информация значительно более скудна, чем та, которой уже располагают в Москве. Хироте было заявлено, что событиям в Мукдене советской стороной придаётся самое серьёзное значение, и от имени правительства СССР его попросили дать разъяснения в связи с тревожными событиями в Маньчжурии (14).

Но никаких разъяснений со стороны японского посольства не последовало. 22 сентября Хирота был приглашён уже к наркому иностранных дел Литвинову, но и на этой встрече он утверждал, что никакого ответа из Токио якобы до сих пор не получил. И лишь 25 сентября, во время новой встречи с Литвиновым, о которой попросил наркома сам посол, Хирота сообщил, что получил от своего правительства информацию о положении в Маньчжурии.

Согласно его словам, японское правительство приняло первоначальное решение о нерасширении военных действий, и японские войска в настоящее время оттянуты в зону ЮМЖД. Их численность составляет 14 400 человек. Японские части первоначально были двинуты в маньчжурскую провинцию Гирин, но позднее большая часть их была оттянута в Чанчун, в район ЮМЖД. Японский посол заявил, что в Мукдене и других местах нет военной оккупации и в них функционирует старое управление. Что касается слухов о посылке Японией войск в Харбин, то такие слухи вздорны. Посол заверил наркома, что у советского правительства не должно быть поводов для беспокойства, так как положение постепенно смягчается (15).

Эта информация явно не соответствовала действительности, и японского дипломата можно было бы уличить во лжи. Но поскольку это было официальное заявление, то оно было принято советской стороной к сведению.

13 октября правителю Маньчжурии Чжан Сюэляну командованием Квантунской армии был предъявлен ультиматум, совершенно неприемлемый для китайской стороны. Япония требовала организации в Маньчжурии и Внутренней Монголии «независимого» правительства, перехода всех китайских железных дорог в Маньчжурии под полный контроль концерна ЮМЖД, передачи в полное распоряжение Японии крупнейших городов Маньчжурии, запрещение китайским войскам находиться в Мукдене и Гирине. Японские войска, получив подкрепления из Кореи, стремились продвинуться к северу, ведя наступление вдоль трассы ЮМЖД. После первоначальных успехов штаб Квантунской армии спланировал Цицикарскую операцию. Цицикар был крупным экономическим центром Северной Маньчжурии и находился на стыке важнейших операционных направлений. Его захват давал возможность японским войскам перерезать трассу КВЖД и продвигаться вдоль железной дороги к советским границам в северо-западном и юго-восточном направлениях.

К концу октября почти вся Южная Маньчжурия была захвачена японскими войсками. К этому времени уже стало ясно, что никакого вмешательства в японо-китайские дела со стороны других стран не предвидится и Япония могла действовать совершенно свободно, не опасаясь никаких последствий. На заседании Лиги Наций велись бесконечные дискуссии, навязанные Японией, о её праве вести карательные операции для «безопасности японских граждан», и конца этим дискуссиям не было видно. США, видя, что их экономическим интересам в

Китае ничего не угрожает и что острей японской агрессии направлено на север против советских дальневосточных границ, также не вмешивалось в маньчжурские события. В Вашингтоне ничего не имели против того, чтобы войска Квантунской армии продвигались на север подальше от сфер влияния США в Центральном Китае.

Для того чтобы начать наступление на Цицикар, нужен был предлог, который выглядел бы солидно в глазах мирового общественного мнения. Поступили просто. Купили за юани или иены «генерала» Чжан Хайпина, обосновавшегося в городе Таонань. Организовав на японские деньги «армию» в шесть тысяч человек, он двинул её на Цицикар, который обороняли китайские части под командованием генерала Ма. В коротком бою воинство «генерала» было разбито и отброшено от города, но во время боёв было взорвано три моста на железной дороге Таонань – Цицикар. Дорога принадлежала японцам, и повод для нового наступления был весьма подходящим. Если из-за одного взрыва на железной дороге захватили всю Южную Маньчжурию, то из-за трёх взорванных мостов можно было, по мнению японского командования, захватить такой город как Цицикар. Тем более что части генерала Ма вели оборонительные работы вокруг этого города, а это «угрожало безопасности японской армии». Задача уничтожения китайских частей не ставилась, чтобы иметь в дальнейшем предлог для их преследования и движения японских войск на север к советским границам.

В состав группировки по захвату Цицикара входило около 10 тысяч солдат и офицеров, лёгкие и тяжёлые орудия, бронемшины, танки, бронепоезда и самолёты. И хотя её численный состав уступал армии генерала Ма, она значительно превосходила её в боевой технике. Наступление на Цицикар началось 2 ноября и закончилось 19 ноября вступлением японских войск в город. В результате японские передовые отряды вышли на КВЖД, получив возможность продвигаться вдоль этой железнодорожной магистрали.

Реакция Москвы

Начало оккупации Маньчжурии в Москве встретили довольно спокойно. Возможно, что причиной этого было то, что события начали развиваться достаточно далеко от дальневосточных границ страны. Было ещё не ясно, куда повернёт острiente японской агрессии – к Северу против СССР или к Западу. В самом начале оккупации в Разведупре считали, что после захвата Мукдена японская агрессия на континенте повернёт в западном направлении в сторону Великой Китайской стены и Пекина. Уже к 20 октября 1931 г., после получения первой информации из Маньчжурии и из других источников, в Управлении была составлена краткая справка о японской интервенции в Китае и оккупации Южной и Центральной Маньчжурии.

В документе отмечалось, что японская интервенция в Китае является не только попыткой расширения японских позиций в Китае, но и подготовкой к войне против СССР. И здесь опять, как и в 1931 г., в Управлении вспомнили Францию, которую даже осенью 32-го продолжали считать вдохновительницей антисоветской коалиции. В этом документе, подписанном Берзиным, говорилось: «3) расширение влияния Японии в Центральной Маньчжурии (распространение этого влияния на КВЖД) позволяет Франции надеяться на долю участия в подготовке стратегического плацдарма в Северной Маньчжурии для будущей интервенции против СССР...» (16). Итак, опять интервенция, но уже на Дальнем Востоке. Очевидно, очень это слово нравилось аналитикам военной разведки.

Что же касается дальнейшего расширения японской агрессии, то здесь выводы аналитиков были достаточно оптимистичны: «По последним сведениям японские части, группирующиеся в районе Мукдена, начинают продвижение к югу по Пекин-Мукденской железной дороге в сторону Цзинчжоу, где в настоящее время концентрируются войска Чжан Сюэяна. Эти сведения указывают на расширение японской оккупации к югу. Активность японцев в направлении Северной Маньчжурии пока ограничивается формированием провинциальных и областных правительств японской ориентации...» (17). В общем, пока ничего серьёзного – быстрый выход частей Квантунской армии к нашим дальневосточным границам пока не планируется. Интересна рассылка этого документа. Справку отправили: Ворошилову, Гамарнику, Егорову, Постышеву, Молотову и в ИККИ Мифу.

В Кремле (в кабинете Сталина) первая реакция на события в дальневосточном регионе была зафиксирована, по рассекреченным документам, только в декабре.

* * *

Цицикар был захвачен 19 ноября. Станция, расположенная на трассе КВЖД, захвачена, китайские части отошли от города в северо-восточном направлении, и путь к забайкальским границам Союза был открыт. Возможно, что эти события и послужили основанием для беспокойства Сталина. 27 ноября он писал Ворошилову, который находился в отпуске: «Дела с Японией сложные, серьёзные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин с прилегающими районами через Фыновско-Чжалоновских людей, из которых попытается потом образовать правительство Китая в противовес нанкинцам. Более того, не исключено и даже вероятно, что она протянет руку к нашему Дальвосту и, возможно, к Монголии, чтобы приращением новых земель пощекотать самолюбие своих китайских ставленников и возместить за счёт СССР потери китайцев. Возможно, что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку...» Сталин сообщил Ворошилову об успешном дипломатическом маневрировании, позволившем СССР сохранить «нормальные» отношения с Токио, и закончил письмо: «Всё это, конечно, неплохо. Но не это теперь

главное. Главное теперь – в подготовке обороны на Дальнем Востоке» (18). Усиление ОКДВА и укрепление границ дальневосточного региона выдвигалось на первый план уже в конце 1931 г.

Сейчас историкам ещё трудно представить весь объём разведывательной информации, которую получал Сталин после оккупации Маньчжурии. В сталинском фонде (РГАСПИ, фонд 558) рассекречены пока ещё только четыре дела с информацией ИНО ОГПУ и информацией Особого отдела ОГПУ за период с 1932 по 1935 г. Если верить некоторым достаточно хвастливым публикациям историков Службы внешней разведки о том, что Сталину клали на стол сотни листов полученных разведкой документов каждый месяц, то тогда то, что сейчас рассекречено – капля в море разведывательной информации получаемой генсеком. К тому же среди рассекреченных папок разведывательной информации нет ни одной папки с информацией Разведупра. Трудно поверить, что такая мощная разведывательная организация не представляла ему обзорные и политические доклады и имеющиеся в Управлении документы. Если бы у Берзина было чем похвастаться, то он, конечно, не упустил бы возможности и положил бы на стол «хозяина» всё наиболее ценное, что у него было. Так что информация Разведупра была у Сталина, но пока она не рассекречена и недоступна историкам и исследователям.

Информация политической разведки поступала из двух источников. Первый – информация агентуры ИНО, включая и документальную информацию. Второй источник – информация Особого отдела. Этот отдел имел свою агентуру в иностранных посольствах в Москве. Имел и свою службу по вскрытию и фотографированию дипломатических вализ. Особенно это касалось японской дипломатической почты, которая отправлялась экспрессом Москва – Владивосток. Отлично работали и сотрудники Специального отдела, руководимого Глебом Бокием, который занимался перехватом и дешифровкой иностранных дипломатических телеграмм и радиogramм. Эти разнообразные источники информации позволяли ОГПУ докладывать высшему политическому, военному и дипломатическому руководству страны подробную информацию о замыслах и действиях основных противников: Германии и Японии, а также правительств Англии, Франции, Италии и США. Источников информации у этой организации было гораздо больше, чем у военной разведки, и в начале 30-х в извечном соперничестве двух разведок ОГПУ явно переигрывало Разведупр.

В июле 1931 г. в японском посольстве в Москве произошла знаменательная встреча, которой суждено было войти в историю и японской разведки, и японо-советских отношений. В кабинете посла встретились посол Хирота, военный атташе подполковник Касахара и генерал-майор Харада. Генерал был командирован в Европу японским генштабом с особыми заданиями, связанными с подготовкой к выступлению в Маньчжурии, и ехал сухопутным путём транссибирским экспрессом Владивосток – Москва. Беседа была откровенной, и все присутствовавшие высказывались без всяких недомолвок называя вещи своими именами. После беседы Касахара составил два документа. Он написал памятную записку о мнении японского посла Хирота и отправил её начальнику генштаба. Вторым документом был конспект доклада, представленный генерал-майору Харада, в котором военный атташе высказал своё мнение о положении в Советском Союзе, о вооружённых силах и о перспективах возможной войны между Японией и СССР.

Сотрудник японского военного атташата, завербованный ОГПУ, сфотографировал документы, и фотокопии попали в Особый отдел. Там сделали перевод, который и пролежал в отделе до 31 декабря. В конце года, когда стало ясно, что японская агрессия в Маньчжурии продолжает расширяться, продвигаясь на Север, Сталин, очевидно, затребовал информацию от своих разведок о дальнейших планах Японии и её действиях на азиатском континенте. И руководство ОГПУ 19 декабря 1931 г. представило ему имевшуюся в Особом отделе информацию. Сопроводительное письмо за № 4183, подписанное зампредом ОГПУ Балицким, начиналось фразой: «Просьба лично ознакомиться с чрезвычайно важными подлинными японскими мате-

риалами, касающимися войны с СССР». Документы были представлены с грифами «Совершенно секретно, документально, перевод с японского» (19).

Очевидно, для генсека это был первый серьёзный и обстоятельный материал о планах Японии и о возможной войне империи против Советского Союза. И изучал он его, если судить по многочисленным пометкам, очень внимательно. Затем материалы, как особо важные, попали в его личный архив, где и пролежали до 1998 г., когда были рассекречены и стали доступны исследователям.

Первым документом было резюме беседы посла Хироита с генерал-майором Харада от 1 июля 1931 г. Этот короткий документ стоит привести полностью: «Посол Хироита просит передать его мнение начальнику Генштаба Японии по вопросу о том, следует ли Японии начать войну с Советским Союзом или нет, считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твёрдой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении Советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью».

Мнение посла, к тому же высказанное начальнику генштаба о необходимости войны с государством, в котором он был аккредитован и с которым поддерживались нормальные дипломатические отношения, заслуживало внимания, и Сталин отчеркнул весь абзац, поставив против него цифру «один».

Конспект доклада Касахара, представленный генералу, также был тщательно прочитан и изучен, если судить по многочисленным пометкам Сталина. В первом разделе доклада даётся оценка общего положения в Советском Союзе и отмечается: «СССР в настоящий момент энергично проводит пятилетний план строительства социализма. Этот план ляжет в основу грядущего развития Советского государства. Центральное место в этом плане занимает тяжёлая индустрия, в особенности те отрасли промышленности, которые связаны с увеличением обороноспособности страны...» Во втором разделе, где анализируется состояние вооружённых сил страны, военный атташе даёт оценку военной политике СССР, отмечая при этом: «В принципе СССР вовсе не агрессивен. Вооружённые силы организуются исходя из принципа самозащиты. Советский Союз питает страх перед интервенцией. Рассуждения о том, что постоянное прокламирование внешней угрозы является одной из мер внутренней политики, имеющей целью отвлечь внимание населения, вполне резонны, но всё же основным стимулом в деле развития вооружённых сил СССР является страх перед интервенцией».

Касахара правильно подметил основные положения в развитии вооружённых сил страны. После первой военной тревоги 1926–1927 гг., когда стало ясно, что воевать нечем (современной авиации и современных танковых войск не было), основные усилия в пятилетнем плане были направлены на то, чтобы создать техническую базу для отпора возможной агрессии.

После анализа развития военно-воздушных сил и бронетанковых войск СССР Касахара приходит к выводу: «Не подлежит никакому сомнению, что Советский Союз в дальнейшем, по мере развития экономической мощи и роста вооружённых сил, начнёт переходить от принципа пассивной обороны к агрессивной политике». Вывод, надо признать, если подходить объективно к истории страны, был правильным. В 1939–1940 гг., когда военная мощь многократно возросла по сравнению с 1931 г, внешняя политика стала жёсткой и агрессивной. Судьба Прибалтики, Польши, Финляндии и Бессарабии – наглядный пример такой политики. Но это в будущем, а в 1931 г. обстановка была другой.

Японский разведчик с дипломатическим паспортом даёт свою оценку обстановки в дальневосточном регионе: «Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша Империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют сейчас возможность выступить согласованно с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом». Именно этот абзац был подчёркнут Сталиным, когда он внимательно читал доклад. Касахара предлагал

воспользоваться подходящим моментом и попробовать добиться своих целей мирным путём. Очевидно, он имел в виду покупку в первую очередь Приморья за умеренную плату: «Если мы сейчас, проникнутые готовностью воевать, приступим к разрешению проблемы Дальнего Востока, то мы сможем добиться поставленных целей не открывая войны. Если же возникнет война, то она не представит для нас затруднений». И в будущем подобные предложения о покупке чужих земель появлялись на страницах японской прессы, когда предлагали купить у Советского Союза северную часть Сахалина также по умеренной цене. Конечно, текст доклада не предназначался для Сталина, и автору в страшном сне не могло присниться то, что он с ним ознакомится. Поэтому можно только представлять, что чувствовал руководитель, а к тому времени и диктатор огромной страны, читая эти строки. На полях против них появилось его замечание: «Значит мы до того запуганы интервенцией, что сглотнём всякое издевательство?» Предложение Касахара о «покупке», подкреплённое штыками армии и орудийными стволами флота, сильно задело Сталина. Автор просмотрел в архиве несколько сот страниц информации, которые легли на стол Сталина, но больше нигде не встретил такой эмоциональной оценки.

Как оценить подобный доклад с точки зрения истории? Любой военный атташе – разведчик и сотрудник генштаба. И его предложение в данном случае воспользоваться благоприятной обстановкой и начать войну в какой-то мере выражало точку зрения руководства генштаба. Японский офицерский корпус всегда был агрессивен настроен по отношению к северному соседу. А после неудачной интервенции, когда пришлось, ничего не добившись, с позором возвращаться на острова и подсчитывать потери и убытки, эта агрессивность вспыхнула с новой силой. Интервенция на советском Дальнем Востоке была первым поражением японской армии с момента её создания. И офицеры армии, и в первую очередь офицеры генштаба и Квантунской армии, горели желанием взять реванш, выбрав удобный момент. Военному атташе казалось, что удобный момент наступил, и он откровенно высказал своё мнение в докладе. Высказывать мнение о положении в стране пребывания было его прямой обязанностью. Подобные оценки давали военные атташе многих стран. И если исследователи когда-нибудь доберутся до докладов советских военных атташе начальнику Генштаба или наркому, то там тоже можно будет найти много весьма откровенных высказываний. Так что Касахара был не одинок, и нельзя судить его слишком строго за высказанные пожелания. Тем более что в 1931-м это были только пожелания, а до их практического осуществления должны были пройти годы и годы тяжёлого труда по увеличению и усилению японской армии. Выражаясь современным языком, доклад был чем-то вроде протокола о намерениях – не более. Но это теперешние оценки, а тогда подобные высказывания оценивались по-другому.

История с двумя документами, добытыми разведкой, имела и продолжение. В январе 1932-го во влиятельной японской газете «Ници-ници» появилась серия статей под общей шапкой: «Оборона японской империи». Автором был генерал-лейтенант Хата, советник военного министерства империи. Зимой 1931-го начались первые мероприятия по усилению ОКДВА. На Дальний Восток потянулись воинские эшелоны, и это сразу же было замечено агентурой японской разведки. Поэтому в статьях Хата появились фразы о том, что «СССР обладает достаточной мощностью, чтобы протянуть руку на Восток», и произойдёт «усиление военной активности» СССР после выполнения первой пятилетки. Основной вывод генерал-лейтенанта: «Совершенно бесспорно то обстоятельство, что СССР является крупной угрозой для Японии с точки зрения национальной обороны». Информация об этих статьях поступила в Москву от корреспондента ТАСС в Токио в начале января 1932 г.

Прогноз в этих статьях был определён правильно. Начиная с 1932 г., дальневосточная группировка советских войск усиливалась значительно быстрее, чем группировка Квантунской армии. В результате выполнения первой и особенно второй пятилетки Советский Союз стал обладать достаточной мощностью, чтобы протянуть руку на Восток. В соревновании «кто кого» империя проигрывала. В итоге к 1937 г. советские войска на Дальнем Востоке превос-

ходили Квантунскую армию в полтора раза при абсолютном превосходстве в средствах подавления: артиллерии, авиации и танках. Поэтому вывод статьи о том, что СССР является крупной угрозой для Маньчжурии, но не для японских островов, был правильным. Но в 1931-м статьи вызвали недовольство в Москве. Конечно, Хата был не олинком в своих выступлениях. В Японии хватало и других авторов, которые на страницах газет и журналов выступали с тех же позиций.

* * *

Следующей целью японской агрессии в Маньчжурии был захват Харбина, которому командование Квантунской армии придавало исключительное значение. Этот крупнейший политический и экономический центр Северной Маньчжурии насчитывал в то время около 400 тысяч жителей. Он был расположен на берегу судоходной Сунгари и являлся крупным речным портом и железнодорожным центром на стыке КВЖД и Хухайской железной дороги, идущей к Благовещенску.

При разработке плана захвата Харбина японское командование полностью использовало опыт захвата Цицикара. Осуществить этот план должна была всё та же 2-я пехотная дивизия и приданные ей для усиления технические части, которые овладели Цицикаром. К 3 февраля 1932 г., переброшенные на автомобилях из Чанчуна, они вышли на исходные позиции южнее Харбина. А утром 4 февраля 74 японских орудия, сосредоточенные на трёхкилометровом участке прорыва передовых позиций противника, открыли огонь по китайским войскам. Их поддерживали два бронепоезда, а с воздуха бомбардировку проводили 36 самолётов. Под прикрытием артиллерийского огня 26 танков и бронемашин перешли в атаку вместе с японской пехотой. На следующий день началась артиллерийская подготовка, бомбардировка и штурм главной линии обороны Харбина. Днём 5 февраля японские части полностью овладели городом.

После захвата Харбина и в Москве, и в Хабаровске с тревогой ждали дальнейшего развития событий в Маньчжурии. Очевидно, считали, что японские войска быстро оккупируют всю Северную Маньчжурию, выйдут к советским дальневосточным границам, и весной 32-го может начаться вооружённый конфликт между Японией и Советским Союзом, к которому войска ОКДВА в то время ещё не были готовы. Подобное предположение высказывало и руководство военной разведки в своих регулярных разведывательных сводках, которые докладывались высшему военному руководству страны.

Так, в сводке № 14 от 5 марта 1932 г. сообщалось, что последние агентурные сведения с Запада и Востока указывают на готовящееся якобы весной 1932 г. выступление Японии против СССР. Сообщались и различные варианты выступления. По одним данным, выступление выразится в нападении Японии на Приморье, по другим, одновременно с выступлением Японии должны выступить Польша, Румыния и лимитрофы. По тем же данным, якобы намечается соглашение между Японией, США, Англией, Францией и Китаем. При этом Японии поручается нападение на СССР. Сводку подписали руководители военной разведки Берзин и Никонов (20).

В очередной сводке № 16 от 14 марта отмечалось, что, по агентурным данным, за последнее время среди японских военных и правительственных кругов заметно большое оживление и ожидается в ближайшее время принятие решения в отношении выступления против СССР. Это сообщение подтверждалось и дополнительной информацией. По агентурным данным от 4 марта, Токио считает, что война с СССР неизбежна. Тревожная информация поступала и из Маньчжурии. По полученным сведениям от белых, японская миссия в Харбине заявляет, что выступление Японии против СССР намечается на апрель – май текущего года. Основным направлением считается Приморье с одновременными диверсиями из Трёхречья против

Забайкалья. На этот раз сводку подписал заместитель Берзина и начальник агентурного отдела Мельников (21).

Тревожная информация продолжала поступать в Москву от агентуры и от зарубежной прессы, мнение которой также учитывалось в Разведупре. Сводка № 17 от 17 марта начиналась с сообщения о мобилизации в Японии 6 пехотных дивизий, из которых 4, возможно, будут направлены в Китай. Иностранная пресса также сообщала о призыве на военную службу запасных второй очереди. По тем же агентурным данным, 16-я пехотная дивизия доведена до штатов военного времени и готова к выступлению. Также по агентурным данным, генерал Араки заявил на конференции командиров дивизий, что реформа армии в связи с исключительным положением несвоевременна, и поэтому император дал отсрочку. Такая реакция высшей власти была вполне естественной – нельзя одновременно готовиться к войне и заниматься реорганизацией армии (22).

Также по сообщениям агентуры японское командование решило предложить маньчжурскому правительству потребовать от СССР выполнения советско-китайского соглашения от 31 марта 1924 г. в отношении Монголии.

В этой же сводке говорилось о новом плане интервенции против СССР, но уже при помощи Лиги Наций. По агентурным данным, этот план представлялся в следующем виде: Япония обращается в Лигу Наций с просьбой воздействовать на СССР в смысле отвода частей Красной Армии от границ Маньчжурии. Лига Наций обращается к СССР с предложением отвести свои войска от маньчжурской границы, чтобы избежать военного конфликта. И если Советский Союз откажется выполнить это предложение, то Япония получит санкцию на оккупацию Приморья с Владивостоком. В этом случае она могла бы рассчитывать на политическую и материальную поддержку остальных держав в конфликте с СССР который якобы может возникнуть летом 32-го (23).

27 марта 1932 г. Берзин и Никонов подписали очередную разведывательную сводку № 20, которая была отправлена начальнику Штаба РККА Егорову. Характерным для этого документа было то, что он был составлен «по агд» – то есть по агентурным данным без использования других источников информации. По этим данным, в связи с достигнутым соглашением между Китаем и Японией об эвакуации японских войск из Шанхая, центр внимания правительственных кругов Японии переносится в Маньчжурию, при этом в Токио активно обсуждаются полученные сведения о сосредоточении частей Красной Армии на границах Маньчжурии. «Военные круги убеждены, сообщается в сводке, что для усиления развития Японии необходимо присоединение Маньчжурии и Монголии. Маньчжурия является первой линией обороны, должна быть обеспечена занятием всей территории вплоть до Байкала – только при этом условии Япония может быть спокойна за свой ближайший тыл» (24). Но в японском генштабе считали, что если СССР выполнит первую пятилетку и приступит ко второй, то судьба империи, как первоклассной державы, будет решена Красной Армией.

И опять в этой сводке, также как и в предыдущих документах Разведупра, говорится о роли Франции в дальневосточных делах, которая на конференции в Женеве по разоружению якобы только ищет выигрыша времени для того, чтобы осуществить войну на Дальнем Востоке. В этом же документе говорилось, что «По агд, заслуживающим доверия, устанавливается, что Франция твердо рассчитывает на войну между Японией и СССР...» (25) и настаивает в Токио, чтобы Япония создала повод к войне. Сообщалось, и опять по агд, что японские дипломаты в Берлине начали обработку германских чиновников в антисоветском духе в связи с перспективой японо-советской войны. В общем все крупнейшие мировые державы якобы очень хотят, чтобы Япония как можно скорее начала войну против СССР.

Все сводки были доложены наркому и начальнику Штаба РККА. Можно не сомневаться, что эта информация была доложена Сталину и отправлена в Хабаровск Блюхеру. Конечно, руководство военной разведки обязано было докладывать «наверх» всю агентурную инфор-

мацию, которая поступала в 4-е Управление. Но на этот раз информация, к счастью, оказалась ошибочной. Части Квантунской армии были измотаны непрерывными боями, нуждались в отдыхе и пополнениях. Кроме того, начавшееся в Маньчжурии широкое партизанское движение требовало немедленных действий со стороны японских войск. Требовалось время и для того, чтобы как-то обустроиться на захваченной огромной территории и создать какую-то государственную структуру. Поэтому было решено отложить дальнейшее продвижение к советским границам.

Этот курс «на примирение» с СССР взят теперешним военным командованием и правительством. За превентивную войну против СССР стоит молодое офицерство, которое считает, что теперь для этого самое благоприятное время и что промедление смерти подобно, так как военная мощь СССР на Дальнем Востоке растёт громадными темпами. Поэтому идеолог молодого офицерства военный министр генерал Араки считает, что воевать против нашей страны надо сейчас, а не в 1935 г., когда численность и вооружение ОКДВА значительно возрастут.

14 июня 1932 г. начальник 4-го управления Штаба РККА направил Ворошилову и Егорову информацию о планах японского генштаба по оккупации Монголии. Этот агентурный материал был получен из японского военного источника в Берлине, и в нём давалась оценка действий Японии по захвату Монголии. При этом имелась в виду как Внутренняя Монголия, принадлежащая Китаю, так и Внешняя Монголия, то есть МНР. Японский источник отмечал в своём сообщении: японский генштаб считает, что правительство СССР из-за опасения вызвать военное столкновение с Японией примет меры к тому, чтобы не допустить использование китайцами советской территории для борьбы с японскими войсками в Маньчжурии. В Токио считали, по информации этого источника, что, вероятно, это решение советского правительства будет сопровождаться большой внутренней борьбой в Кремле и что Сталину будет нелегко подчинить себе те военные круги, которые считают, что партизанское движение настолько выгодно для Советского Союза, что его стоит поддерживать, даже идя на риск вызвать войну с Японией (26). Поэтому в Кремле будет найден компромисс, который сведётся к тому, что советский генштаб получит право использовать территорию Внешней Монголии для поддержки тех сил, которые будут ослаблять позиции Японии в Маньчжурии и военную мощь Японии. На этой территории, считали в японском генштабе, будет осуществляться сотрудничество между китайскими партизанскими силами и русскими.

У японского генштаба было довольно странное мнение о позиции Москвы в 1932 г. Сталин имел уже достаточно власти для того, чтобы держать в узде руководство РККА. И вряд ли кто-нибудь из высшего руководства армии высказал бы идею о предоставлении советской территории для организации и вооружения китайских партизанских отрядов, особенно учитывая международную обстановку в дальневосточном регионе. Пойти на это означало бы дать повод для военного конфликта с Японией, а это было совершенно неприемлемо для Москвы в 32-м. Усиление ОКДВА только начиналось, и до создания устойчивого военного превосходства над Квантунской группировкой было ещё далеко.

В японском генштабе, по данным японского военного источника, высказали и другую версию возможных событий. Считался возможным вариант, при котором «...советский генштаб получит право использовать территорию советской Монголии для поддержки тех сил, деятельность которых ослабляет не только позиции в Маньчжурии, но и военную мощь Японии вообще. На территории Советской Монголии будет осуществлено и сотрудничество между теми китайскими силами, которые будут вести борьбу с Маньчжурией и русскими» (27). Иными словами, китайские войска, преследуемые частями Квантунской армии, могут отойти не в Забайкалье по западной ветке КВЖД, а своим ходом к восточной границе МНР на её территорию, получить там помощь вооружением, боеприпасами, продовольствием, медикаментами и после отдыха и перегруппировки продолжать с монгольской территории вооружённую борьбу против японской армии.

Поэтому Япония должна сосредоточить всё своё внимание на Монголии, так как обеспечение безопасности Маньчжурии будет невозможно до тех пор, пока в Монголии сохраняется положение, которое постоянно угрожает этой безопасности. И Япония должна готовиться к тому, чтобы выступить против МНР, на территории которой будут якобы формироваться китайские партизанские отряды, а для этого надо приготовить свои войска для оккупации обеих Монголий.

Если говорить о практических действиях Японии, сообщал источник, то они могут свестись к тому, что Япония пошлёт ультиматум правительству Советской Монголии, требуя разоружения банд, нападающих на Маньчжурию. Если же СССР вмешается и выступит на стороне МНР, то на военное выступление Япония вынуждена будет ответить военной силой. Возникающая обстановка будет весьма благоприятна для Японии, так как на её стороне будет содействие великих держав и Китая. При этом интересы Японии сводятся к тому, чтобы через использование японского вопроса создать международный конфликт с СССР, чтобы ослабить его позиции в Монголии и Китае.

Монгольская проблема выходила на передний план. Летом 32-го ОКДВА была ещё слишком слаба для вооружённого конфликта с империей из-за Монголии. Советских войск в Монголии не было, не было и правовой базы для вмешательства в её дела с другими государствами в виде протокола о взаимной помощи, как в 36-м. Численность и техническое оснащение монгольской армии не шли ни в какое сравнение с частями Квантунской армии, а количество советских военных советников в ней было значительно меньше, чем в середине 30-х. В случае поворота частей Квантунской армии с северного на западное направление и их вторжение в МНР, судьба республики была бы предрешена. Это была одна из причин того, что базой китайского партизанского движения в Маньчжурии была советская, а не монгольская территория.

* * *

К августу 32-го начальник штаба ОКДВА, он же начальник штаба Дальневосточного фронта в военное время, закончил разработку оперативного плана для Дальнего Востока и представил его на утверждение Блюхера. Это был первый документ, который был разработан в штабе ОКДВА. В дальнейшем подобные документы разрабатывались там ежегодно с учётом меняющейся военно-политической обстановки, численности ОКДВА и численности Квантунской армии. Поскольку план 32-го разрабатывался впервые, то стоит остановиться на этом документе более подробно.

Дальневосточный фронт, в случае войны, имел две основные задачи: оборонять территорию Дальневосточного и Восточно-Сибирского краёв и поддерживать революционный порядок на этих территориях. Задача о поддержании порядка ставилась в связи с волнениями среди казачества после начала коллективизации. В Москве и Хабаровске считали, что в случае войны с Японией волнения могут вспыхнуть с новой силой. Армия МНР по этому плану имела задачу оборонять территорию республики и обеспечивать правый фланг Забайкальской армии. В плане отмечалось, что несмотря на противоречия крупных империалистических держав на Дальнем Востоке (США, Англия, Япония, Франция) Япония в случае военного выступления против СССР получит финансовую и материально-техническую поддержку этих держав.

Отрицательным фактором для Японии, по мнению разработчиков плана, является недостаточное, ещё в 1932 г., освоение территории Северной Маньчжурии. Партизанское движение на её территории сейчас отвлекает значительные силы Квантунской армии и затрудняет военное и политическое закрепление Японии на захваченных территориях. В то же время японский генштаб последовательно и систематически подготавливал на материке плацдарм для действий против Советского Союза. Достраиваются основные железнодорожные линии, строятся шос-

сейные дороги. Оборудуются аэродромы в Харбине, Цицикаре, Гирине, Мукдене, Чанчуне, Фугдине. Строятся авиабазы в Таонане на 60 самолётов и Солуне на 40 самолётов.

Штаб фронта считал, что с началом войны нужно взять курс на широкое развёртывание всех революционных сил, развёртывание партизанского движения в Маньчжурии и создание партизанского движения в Корее. При этом считалось, что в Маньчжурии перспективы партизанского движения твёрдые и обширные, а вот в Корее их меньше. Учитывалась и возможность использования против МНР вооружённых сил монгольских князей. События весны и лета 32-го показывают также вероятность повторения попыток поднять вооружённое восстание против МНР внутри республики, но уже в обстановке войны. Политико-моральное состояние и уровень дисциплины японской армии признавались достаточно устойчивыми и высокими. В плане отмечалось, что борьба Красной Армии на Дальнем Востоке потребует огромного напряжения сил и средств, особенно учитывая весьма большое удаление армий ДВФ от питающих центров, наличие единственной железнодорожной магистрали, пролегающей почти на всём протяжении в непосредственной близости от границы, и очень малое количество шоссейных и грунтовых дорог. Такая оценка обстановки была дана в первом оперативном плане.

Летом 32-го в Маньчжурии, по данным военной разведки, находилась треть состава вооружённых сил империи мирного времени. Считалось, что там были 2, 8, 10, 14, 19 и 20-я пехотные дивизии, отдельная Южно-Маньчжурская пехотная бригада, одна кавалерийская бригада и ряд технических частей. Этими силами без подкреплений с островов японская армия не сможет перейти в решительное наступление. Поэтому вполне вероятно, что части Квантунской армии только в предмобилизационный период, совершив короткий бросок, подойдут к нашим границам, оставаясь до этого периода в центральных районах Маньчжурии. По предположениям 4-го Управления, японская армия должна была наносить удар на читинском направлении (Трёхречье – КВЖД – Солунь) примерно 16–18 дивизиями при поддержке авиации и конницы. На приморском направлении должны были действовать 10–11 дивизий, со вспомогательной операцией – вдоль Сунгари и на Де-Кастри. Предусматривалась и возможность десанта на фронте залив Америка – остров Русский силами двух дивизий. Такими были оценки аналитиков разведки. Но в штабе ОКДВА считали, что «более вероятными являются первоначальные действия японской армии против Приморской армии с целью её ликвидации и захвата Приморья и с последующим ударом по Забайкалью. Этот вариант также учитывался и 4-м Управлением Штаба РККА» (28). В штабе ОКДВА считали, что после начала войны крупные боевые столкновения возникнут во владивостокском, гродековском, сунгарийском и нижнеамурском направлениях и только позже в зависимости от результатов первоначальных действий на благовещенском, читинском и иманском направлениях.

В соответствии с этими предположениями оборона фронта должна была строиться на пограничных рубежах (строящихся укреплённых районах) по основным операционным направлениям: маньчжурском, благовещенском, сунгарийском, имамском, гродеково-полтавском и хунчунском. Оборона маньчжурского направления возлагалась на Забайкальскую армию в составе четырёх стрелковых и одной кавалерийской дивизий. Благовещенское и Сунгарийское направление обороняет Амурская группа войск в составе двух стрелковых дивизий и отряда Амурской флотилии. Иманское, гродеково-полтавское и хунчунское направление обороняет Приморская армия в составе трёх стрелковых и одной кавалерийской дивизий. МСДВ в составе флота, одной стрелковой дивизии, 9-й бригады береговой обороны и Нижне-Амурская группа в составе одной стрелковой дивизии и отряда мониторов флотилии обороняют морское побережье. При этом Амурская и Нижне-Амурская группы войск поступают в непосредственное подчинение командующему фронтом, а для создания управления Амурской группы используется управление особого колхозного корпуса. В резерве фронта остаются три стрелковые дивизии, пребывающие по оперативному сосредоточению между 20 и 40-м днём

после начала мобилизации (М-20 – М-40), один стрелковый полк и дивизион мониторов флотилии (29).

В плане также предусматривались задачи армиям и группам войск. Забайкальская армия должна была по особому приказу командующего фронтом не позже второго дня мобилизации овладеть рубежом озеро Далай-нор – река Аргунь и прочно на нём закрепиться, чтобы выиграть время для сосредоточения армии и приведение в оборонительное состояние основного рубежа обороны по линии строящегося Забайкальского укрепленного района. План обороны должен был также предусматривать активное обеспечение правого фланга действиями монгольской армии, которая должна была сосредоточиться в районе Югожырь, Тамцак-Булак и Баин-Тумень. Амурская группа войск должна была быть готова отражать попытки противника форсировать Амур в районе Благовещенска и устья Сунгари, а также Уссури в районе Жаохэ. Кроме того, она должна была быть готова по особому приказу командующего фронтом форсировать Амур на сунгарийском направлении. Для этого она усиливалась одной стрелковой дивизией из фронтового резерва. Очевидно, при разработке этого варианта учитывались успешные действия в этом районе в 1929 г.

Приморская армия осуществляла оборону Приморья, чтобы не допустить вторжения противника на нашу территорию в иманском и приханкайском направлениях. При этом для обороны должны были использоваться рубежи строящихся укрепленных районов. МСДВ должны были оборонять южное побережье Приморья, а Нижне-Амурская группа войск: Де-Кастри и устье Амура, чтобы не допустить высадки десанта противника и проникновение его сухопутных и морских сил вверх по течению реки.

Особые задачи ставились ВВС фронта. 19-я тяжелобомбардировочная бригада должна была нанести удар по токийским военным заводам. Запасными целями были военные заводы района Осака и сталелитейные заводы в районе Ямато. Время вылета – в первый, в крайнем случае второй день войны по условной телеграмме. Две другие эскадрильи этой бригады при наличии морских целей (флот Японии) в радиусе 600 км от Владивостока действуют по морским судам противника. При отсутствии флота эти две эскадрильи производят ночную бомбардировку Харбинского аэродрома или железнодорожного узла и военных складов. После выполнения этих задач вся 19-я авиабригада передается в полное распоряжение командующего МСДВ. Армейские ВВС (32-я и 18-я авиабригады) подчиняются командующими армиями и выполняют боевую работу по их заданиям (30).

22 марта 1932 г. в оперативном управлении Штаба РККА была составлена справка о возможности выступления Японии против СССР в 1932 г. Сотрудники управления проанализировали всю имеющуюся у них информацию и пришли к выводу, что в результате захвата Маньчжурии военная опасность на Дальнем Востоке чрезвычайно усилилась. Приближение японской армии к дальневосточным границам страны и превращение Маньчжурии и Внутренней Монголии в японский плацдарм в значительной степени ускоряют и приближают опасность нападения на дальневосточные границы СССР и на МНР.

Но это была общая оценка обстановки в дальневосточном регионе. Применительно к весне 1932 г. аналитики считали, что для Японии основной задачей является её закрепление в Маньчжуро-Монголии. Эта задача может быть успешно выполнена только при условии раздела Китая и усилении влияния Японии в Северном Китае. Поэтому в первой половине 1932 г. Япония не заинтересована в немедленном, непосредственном вооруженном столкновении с СССР, что отвлекло бы и затруднило выполнение основной задачи и ослабило бы её перед будущим японо-американским столкновением. Наши аналитики считали, что действия Японии в Маньчжурии и Северном Китае санкционируются США, Англией и Францией лишь как действия, направленные против СССР.

В этом документе, как и во всех оперативных документах первой половины 1932 г. значительное внимание было уделено позиции Франции в дальневосточном конфликте. «Фран-

ция заинтересована в разделе Китая и укреплении своего влияния на юго-западе Китая. Она толкает Японию на выступление против СССР, дабы отвлечением нашего внимания на Восток облегчить интервенцию с Запада. Кроме того, Франция надеется получить разрешение своих интересов на КВЖД» (31). Англия, по мнению наших аналитиков, также заинтересована в отвлечении Японии на Север и во втягивании Японии в длительную авантюру против СССР и расширении её влияния в Маньчжуро-Монголии, а не в Китае. Также в этом должны были быть заинтересованы и США, для которых маньчжурская авантюра Японии могла бы быть приемлемой лишь в случае столкновения между Японией и СССР, что привело бы к ослаблению японского империализма и СССР. Поэтому для этой страны было бы также желательно направить всё внимание Японии на Север. В общем, по мнению штаба РККА, все великие державы хотят, чтобы Япония ввязалась в военную авантюру против Советского Союза.

Но для успешной войны против СССР Японии, по мнению Штаба РККА, нужно было достроить в Маньчжурии несколько железных дорог, переоборудовать порты северной Кореи для приёма японских войск, подготовить аэродромы и базы в Маньчжурии, а также политически закрепить в Маньчжурии и Монголии и иметь спокойный тыл в Северном Китае. Ничего этого у неё в 1932-м ещё не было, и требовалось очень много времени и сил, чтобы этого добиться. Поэтому, считали в штабе: «Эти факторы являются сдерживающими в разрешении вопроса непосредственного нападения на СССР весной 1932 г.» (32). Но, считали в Штабе РККА, «если вопрос о начале интервенции весной или летом 1932 г. будет решён Францией, США и Англией, если про этом Японии будет представлена значительная финансовая поддержка и будет гарантирована крупная территориальная компенсация за счёт СССР, Китая и МНР, то Япония не задумываясь выступит против СССР в качестве застрельщика интервенции или весной, или летом 1932 г.» (33).

В выводах этого документа, а он был, конечно, не единственным, также говорится, что Япония не начнёт войну против СССР ни весной, ни летом 1932 г., хотя Япония и готовится к этой войне. Но в заключение опять утверждение аналитиков о возможной интервенции. «В случае, если вопрос об интервенции на Западе будет решён в ближайшее время, Япония, получив крупную финансовую поддержку и компенсации за счёт Китая, СССР и МНР, может стать застрельщиком интервенции» (34). Очень не хотели расставаться с идеей интервенции в московских кабинетах Штаба РККА

В начале июня в Москву поступил доклад из Токио. Военный атташе Ринк высказывал своё мнение о положении в Японии, об угрозе возможной войны, о взаимоотношениях империи с великими державами в бассейне Тихого океана. Обычный доклад аккредитованного в столице империи военного разведчика. Ринк писал, что по имеющейся у него информации к апрелю 1932 г. японская армия была приведена в полную мобилизационную готовность. Первоочередные дивизии фактически были мобилизованы. 9, 11 и 14-я дивизии были мобилизованы полностью и находились в Шанхае, 2-я дивизия находилась в Маньчжурии. Остальные дивизии первой очереди могли быть мобилизованы и подготовлены к отправке в течение 3–4 дней.

Но военный атташе отмечал в докладе не только полную мобилизационную готовность японской армии, но и явное замешательство у японского командования и явную нерешительность и неопределённость в политике японского правительства. Создавалось впечатление, что разработанные ранее планы нарушены и что правительству и командованию придётся их переработать и перестроить, а также изменить свой политический курс по отношению к СССР. Осенью 1931 г., когда было принято решение о начале агрессии на континенте, японское командование могло рассчитывать к весне 1932 г. захватить всю Маньчжурию, укрепиться там и быть готовым к нанесению удара по СССР. К лету 1932 г. обстановка изменилась и вопрос об агрессии оказался гораздо сложнее, чем он мог показаться японскому командованию в начале. К этому времени чётко выявились все противоречия в регионе, изменилась обстановка, да и

соотношение сил на Дальнем Востоке стало достаточно ясным. К этому времени для японского правительства и военного командования стало ясно, что нападение на СССР может привести к очень тяжёлым последствиям, поэтому надо ограничиться более скромной задачей – захватом и укреплением Маньчжурии. Даже для этого, как показал опыт боёв, потребуется громадное напряжение сил империи. В Токио в правительственных кабинетах и в генштабе явно переоценили свои силы.

Основной причиной, заставившей руководство империи пересмотреть свои дальнейшие планы, был провал шанхайской операции. Захватить этот город японским войскам не удалось. После упорных боёв пришлось возвращаться обратно на острова и искать причину очередной неудачи. Второй причиной была развернувшаяся, с нашей помощью, партизанская война. Масштабы этого явления явно не учитывали в столице империи, а перспективы её окончания не просматривались даже в перспективе. Сюда можно добавить возросшие экономические трудности в самой стране и, может быть, основное – очень тщательное изучение силы и мощи РККА. В связи с тем, что перед японским командованием встал вопрос о возможной войне с СССР, изучению возможного противника придавалось первостепенное значение. При этом выяснилось, что японская армия значительно отстала в техническом отношении по сравнению с РККА. Пришлось признать, что по авиации, танкам и химии РККА стоит на первом месте в мире.

И последнее, что хотелось бы отметить в этом докладе. В нём ни слова не говорится о возможной интервенции против СССР с Запада в 1932 г. да ещё с участием Франции. Не просматривалась такая интервенция при взгляде из Токио. Наоборот, военный атташе, хорошо знавший обстановку в столице империи, подчёркивал в своём докладе, что «Япония здесь наткнулась на единый фронт САСШ, Англии и Франции и оказалась совершенно изолированной. После этого произошёл резкий поворот фронта против САСШ и Лиги Наций и усилились примирительные тенденции по отношению к СССР». Вот такой была оценка военного дипломата, хотя и с оговоркой, что: «Ставка идёт на привлечение французского капитала для эксплуатации Маньчжурии и укрепления финансового положения самой Японии. Взамен этого Франция требует агрессивной политики и по отношению к СССР, толкая Японию на войну с СССР» (35).

Выводы из всего сказанного были достаточно благоприятными. На данный период времени Япония вынуждена отказаться от своих агрессивных планов по отношению к СССР и занять, может быть и временно, примирительную позицию. Этот курс «на примирение» взят военным командованием во главе с заместителем военного министра генералом Койсо и правительством Сайто. Таким образом, считал Ринк, угрозы военного нападения на Дальний Восток в 1932 г. нет, и у страны есть время, чтобы продолжить усиление ОКДВА. И для читателя небольшая историческая справка об этом разведчике и военном дипломате:

Ринк Иван Александрович.

Латыш, из крестьян. Родился в 1886 г. в Курляндской губернии. В 1910 г. окончил Виленское военное училище и начал службу в российской армии. В начале Первой мировой войны воевал на русско-германском фронте, получив за участие в боях три ордена. Затем четыре года германского плена и в 1918 г. возвращение на родину. В русской армии дослужился до штабс-капитана. В РККА с 1919 г., участник Гражданской войны. Был командиром пулемётной команды и ударно-огневой бригады. Участвовал в боях на Восточном фронте, в Северной Таврии и Крыму, Чечне и Дагестане. За участие в Гражданской войне был награждён двумя орденами Красного Знамени. Для того времени это было много. После войны в 1922–1923 гг. окончил годичные Высшие Академические курсы при Военной академии и продолжал службу в войсках помощником командира 16-й и 48-й стрелковых дивизий.

Как боевой командир, имевший хорошее военное образование и владевший английским, французским, немецким и персидским языками, он не мог пройти мимо начальника военной

разведки, и Берзин предложил ему должность военного атташе в Афганистане, где Ринк и проработал первый срок с мая 24-го по ноябрь 26-го. Затем работа в центральном аппарате Разведупра помощником начальника 3-го информационного отдела. После приобретения необходимого разведывательного опыта в ноябре 1928 г. опять на второй срок военным атташе в Афганистан до октября 30-го. После возвращения в Москву опять работа у Берзина начальником 4-го отдела управления. С этой должности он уходит в мае 31-го на военно-преподавательскую работу начальником восточного факультета Военной академии. В феврале 32-го в момент обострения обстановки на Дальнем Востоке Берзин отправляет его военным атташе в Токио. Выбор был удачным, и Ринк без перерывов проработал там до октября 37-го. Затем вызов в Москву, арест 7 октября 1937 г., высшая мера наказания и расстрел в тот же день 15 марта 1938 г. 30 июня 1956 г. он был полностью реабилитирован (36). Такой была судьба этого одарённого военного дипломата и разведчика.

* * *

Только через год после захвата Цицикара командование Квантунской армии решило провести Хинганскую операцию. Эта годовая передышка была полностью использована командованием ОКДВА для усиления Забайкальской группы войск, укрепления забайкальской границы и создания мощной группировки войск на этом стратегическом направлении. Операция проводилась в ноябре – декабре 1932 г. Её целью являлся захват западной ветки КВЖД, туннелей и перевалов Большого Хингана, выход частей Квантунской армии к границам Советского Союза и МНР, а также разгром войск китайского генерала Су Биньвэня, который командовал двумя пехотными бригадами общей численностью около 9000 человек. Китайские войска располагались на железнодорожных станциях КВЖД от Цицикара до пограничной станции Маньчжурия.

Основная идея плана, разработанного в штабе Квантунской армии, заключалась в том, чтобы разбить китайские войска по частям, пользуясь их разбросанностью: на первом этапе – отрезать и уничтожить первую охранную бригаду и все части, которые находились восточнее Большого Хингана. На втором этапе предполагалось оттеснить остатки войск Су Биньвэня к границе Советского Союза, где и уничтожить их. Для проведения операции в Цицикаре были сосредоточены две пехотные бригады 7-й и 14-й пехотных дивизий, один пехотный полк 8-й пехотной дивизии, две кавалерийские бригады. Всего девять пехотных и шесть кавалерийских полков, 66 орудий, 15 танков и 32 автомобиля, 36 самолётов. Численность группировки составляла около 21 000 человек. Это в 2,5 раза превышало численность войск Су Биньвэня. В отношении техники китайские войска были просто безоружны в сравнении с частями Квантунской армии (37).

Информация о намечающейся операции поступила в Москву за три дня до её начала. 27 ноября Ворошилов получил шифровку из Харбина в переданную через шифровальный отдел НКВД. Консул Славутский сообщал, что по «всем данным японцы собираются развернуть серьёзное наступление против СУ. Если японцы действительно намерены выйти за Хинган и преследовать СУ, то нужно учесть невыгодность для японцев ухода СУ в Чахар и Жехэ (из Солуна выставляется заслон). Напрашивается мысль, не собираются ли вытолкнуть войска СУ в СССР или Внешнюю Монголию. Это поставит перед нами ряд сложных вопросов, связанных с переходом войск и интернированием их, а также создаётся опасность инцидента в пограничной полосе Внешней Монголии. Всё зависит от хода развёртывания операций и направления давления со стороны японцев...» (38).

С шифровкой был ознакомлен начальник Штаба РККА Егоров. Он согласился с мнением консула и наложил резолюцию на телеграмме: «Наверняка японцы будут действовать именно так. Необходимо подготовить мероприятия...» Информация из Харбина была отправлена в

Хабаровск, и командование Забайкальской группы войск было предупреждено о возможных событиях на маньчжурской границе.

Для наступления на китайские войска японская группировка у Цицикара была разделена на две группы. 30 ноября скользящая группа в составе трёх пехотных полков с 15 танками и двумя дивизионами артиллерии начала наступление на железнодорожные станции западной ветки КВЖД. Благодаря огромному техническому превосходству и обходным маневрам японских кавалерийских полков части 1-й бригады китайских войск были разгромлены. Потеряв 1500 человек убитыми и ранеными, остатки бригады в составе 3000 человек прорвались на Запад в район Барги... 26 ноября начали наступление части ударной группировки японских войск. 14-я пехотная бригада с дивизионом артиллерии на вездеходных автомашинах начала обходный маневр в направлении станции Чжаланьтунь в тыл частям 1-й китайской бригады. 1 декабря станция была взята, штаб 1-й бригады и бронепоезд были захвачены. Отсюда 14-я пехотная бригада в железнодорожных поездах и на автомобилях начала наступление на Хайлар. Части 2-й китайской бригады отступали по трассе КВЖД к советской границе. 4 декабря японские войска заняли станцию Бухэду, а 6 декабря – станцию Хайлар. Остатки войск Су Биньвэня, не оказывая никакого сопротивления, бежали к границе СССР. Погрузившись в вагоны, они во главе с Су Биньвэнем в количестве 5500 человек перешли границу СССР в районе станции Маньчжурия и были интернированы (39).

В этой операции японское командование впервые применило крупные массы конницы для решения самостоятельных оперативно-тактических задач, причём на наиболее удобном хайларском направлении. Была также создана и успешно действовала смешанная ударная группа из конницы и моторизованной пехоты. Подобное соединение создавалось в японской армии впервые, и опыт показал его полную целесообразность. Китайское командование в хинганской операции не проявило искусства управления войсками. Китайские войска совершенно не были подготовлены к маневренной войне. Упорно обороняясь на занятых позициях, они не умели отражать обходы и охваты противника.

В декабре 32-го после окончания Хинганской операции закончился последний этап оккупации Маньчжурии. На всех основных операционных направлениях: в Приморье, в устье реки Сунгари, против Благовещенска и в Забайкалье части Квантунской армии вышли к советским границам. Получив плацдарм на материке, они стали перед частями ОКДВА лицом к лицу. Но это уже была ОКДВА не 1931 г. Москва полностью использовала предоставленную передышку и за 32-й год на Дальнем Востоке сделала очень многое. Огромная работа, проделанная в 32-м, позволила спокойно смотреть в будущее.

Усиление ОКДВА в 1932 году

Конфликт на КВЖД закончился полным разгромом китайских войск. Все спорные вопросы были урегулированы, взаимоотношения между двумя странами нормализовались, и ОКДВА осталась в том же состоянии, в котором она была во время конфликта. Увеличивать группировку войск на Дальнем Востоке не было смысла. После окончания конфликта на обширной территории от Байкала до Владивостока осталось всего шесть стрелковых дивизий и две кавалерийские бригады. Для прикрытия тысячекилометровых границ от Байкала до Владивостока этого было, конечно, недостаточно, но ничего дополнительного для прикрытия дальневосточного региона Москва в то время дать ещё не могла. Поэтому решили прикрыть два стратегических направления: одно в Забайкалье от пограничной станции КВЖД Маньчжурия в направлении на Читу и дальше к Байкалу, а второе – в Приморье также по линии КВЖД с выходом к Владивостоку. Остальные направления – благовещенское и хабаровское – оставались без прикрытия. Здесь надеялись на ширину Амура и боевые корабли Амурской флотилии, так хорошо показавшие себя во время конфликта на КВЖД.

Армия имела на вооружении 88 самолётов, 16 танков, 20 танкеток, 4 бронемашины и два бронепоезда, по одному на каждое стратегическое направление. На вооружении частей было 352 орудия среднего и крупного калибра, 1060 станковых и 1370 ручных пулемётов. Очень слабым было оснащение автотранспортом: 95 легковых и 273 грузовых и специальных автомашин, а также 50 тракторов на всю армию, которая имела 40 100 человек и 12 000 лошадей (40). Очень слабым было управление войсками. Командующий армией Блюхер должен был управлять частями Приморской группы, расположенными в районе Владивостока, и частями Забайкальской группы, расположенными от Читы до Иркутска. При тогдашнем состоянии техники связи такое управление в военное время было очень ненадёжным.

Планы дальнейшего увеличения Дальневосточной группировки требовали уже иных принципов управления войсками. Было очень трудно, а в военное время и невозможно управлять из Хабаровска за тысячи километров войсками в Чите и Владивостоке. Такая система в военное время могла бы и не функционировать. Поэтому в Москве приняли решение создать для Забайкальской и Приморской группировок собственные органы управления, подчинённые штабу армии в Хабаровске. Таким образом, создавалась промежуточная структура между штабом армии и многочисленными стрелковыми, кавалерийскими и механизированными частями.

Реорганизацию ОКДВА начали уже в феврале 1932 г. Забайкальская группа войск была сформирована с 1 февраля 1932 г. на основании приказа Реввоенсовета СССР № 005 от 18 февраля 1932 г. Управление группы дислоцировалось в Чите, и на его формирование был обращён личный состав управления 18-го стрелкового корпуса, части которого располагались на территории Восточно-Сибирского края и Якутской АССР. В состав группы входили: 35, 36, 57 и 94-я стрелковые и 15-я кавалерийская дивизии. В «Положении об управлении группы» было сказано, что управление группы фактически является управлением неотдельной армии, в функции которого входит: выполнение заданий командования ОКДВА по оперативной и военно-экономической подготовке частей группы, а также руководство боевой подготовкой личного состава. По такому же принципу тем же приказом было создано Управление Приморской группы войск с дислокацией в г. Ворошилов. Она также фактически являлась управлением неотдельной армии, но на приморском направлении. На укомплектование этого управления был обращён личный состав управления Приморского стрелкового корпуса ОКДВА. В состав этой группы входили: 1, 26 и 40-я стрелковые и 8-я кавалерийская дивизии. Этому же управлению подчинялась и морская оборона Владивостока – главной базы пока ещё не суще-

ствующего Тихоокеанского флота. Первым командующим этой группы был назначен Сергей Вострецов – герой конфликта на КВЖД.

Непосредственно Полевому управлению ОКДВА во главе с Реввоенсоветом армии подчинялись: Амурская речная флотилия, 2-я стрелковая дивизия, полки которой прикрывали строящиеся укрепленные районы в Николаеве и Де-Кастри, а также район Хабаровска, 12-я стрелковая дивизия в районе Благовещенска и 21-я стрелковая дивизия, прикрывавшая районы Имама и Спасска на севере Приморья. Такова была структура войск Дальнего Востока. Структура была достаточно удачной и просуществовала до 17 мая 1935 г. (41).

Уже в конце 31-го начались мероприятия по усилению войск в дальневосточном регионе. Письмо Сталина Ворошилов воспринял как прямое указание по усилению войск ОКДВА. И уже в декабре 31-го командующий армией получил директиву о перегруппировке войск. Эти мероприятия были связаны с усилением ОКДВА и передислокацией отдельных частей армии для прикрытия основных направлений возможных ударов частей Квантунской армии.

Для усиления обороны Владивостока предусматривалось перебросить 40-ю стрелковую дивизию. Её части должны были расположиться в городе и его окрестностях, а также на Русском острове. Начало передислокации войск должно быть начато 20 января. Из состава Сибирского военного округа (СибВО) на Дальний Восток перебрасывалась 21-я стрелковая дивизия в район Хабаровск, Иман, Спасск. Начало переброски частей намечалось на 28 января. 12-я стрелковая дивизия передислоцировалась отдельными полками в район Де-Кастри и Николаевска-на-Амуре. Её дивизионные части оставались в районе Хабаровска. Передислокация – с 12 февраля. Предусматривалось также усиление технических частей. Они перебрасывались из внутренних военных округов, их дислокация предусматривалась в отдалённых районах Дальнего Востока около маньчжурской границы и очень часто вдали от крупных населённых пунктов.

В январе 32-го из внутренних военных округов намечалось отправить на Дальний Восток отдельные части технических войск: два танковых батальона (один батальон МС-1 и один Т-26), три дивизиона АРГК, один химический батальон и батальон связи для штаба армии в Хабаровске. Для прикрытия с воздуха Владивостока, Хабаровска, Спасска, Николо-Уссурийска и стратегического моста через реку Зея из европейской части страны намечалось перебросить пять зенитных артиллерийских дивизионов. На Дальнем Востоке начала создаваться мощная система противовоздушной обороны. Всё нужно было перебрасывать срочно, и Транссибирская магистраль переходила на график работы военного времени. На Дальнем Востоке запахло порохом, и этот запах хорошо чувствовался в Москве. Первые части, которые отправлялись через всю страну к Тихому океану, предполагалось разместить в крупных населённых пунктах: Владивостоке, Хабаровске, Имане, Спасске, Николаевске-на-Амуре, Николо-Уссурийске. В этих городах имелся жилищный фонд, и вновь прибывающие части размещались в достаточно приличных условиях. В директиве от 31 декабря также сообщалось, что «все остальные указания, связанные с усилением ОКДВА, будут даны на месте моим заместителем т. Гамарником, который выезжает 28-го декабря. Получение донесите.» (42).

17 января Ворошилов утвердил план усиления войск ОКДВА, и уже 20 января начальник Штаба РККА Егоров подписал директиву № 1—26479 с.с. об увеличении численности стрелковых войск Дальнего Востока. Предусматривалось перевести 57-ю стрелковую дивизию на организацию дивизии военного времени и перебросить её из ПрВО в ОКДВА. 12, 21 и 40-я дивизии переводились на организацию кадровых стрелковых дивизий усиленного состава и также перебрасывались из СибВО в ОКДВА. Взамен 40-й дивизии в Красноярске предусматривалось формирование 94-й стрелковой дивизии (43). К 1 мая эти мероприятия были выполнены, и численность стрелковых войск на Дальнем Востоке была увеличена до 10 дивизий.

В конце марта 32-го в Оперативном управлении Штаба РККА был подготовлен документ, в котором на основе всей имеющейся в Штабе информации была проанализирована

обстановка в дальневосточном регионе. В нём высказывалось мнение о возможных действиях императорской армии в случае войны. Считалось, что для сосредоточения отмобилизованной армии в количестве 36 пехотных дивизий и с техническими и специальными частями общей численностью один миллион человек на азиатском континенте Япония проведёт операцию по захвату Приморья и Приамурья. Эта операция будет проведена частями прикрытия и специально выброшенными в эти районы дивизиями. В штабе считали, что одна дивизия будет наступать через Де-Кастри на Хабаровск и две дивизии высадятся со стороны Японского моря в районе Владивостока. Из Маньчжурии через Посыет на Никольск-Уссурийский будет наступать одна дивизия, три дивизии и одна кавалерийская бригада наступают в направлении Пограничная. Одна дивизия наступает на Иман, одна дивизия и одна кавалерийская бригада – на Благовещенск и три дивизии и две кавалерийские бригады сосредотачиваются на хайларском направлении для прикрытия перевалов Большого Хингана. Всего, по предположениям Оперативного управления, – 12 пехотных дивизий и 4 кавалерийские бригады. Солидные силы, если учесть, что каждая японская пехотная дивизия военного времени имела численность в 17–18 000 чел и была равна стрелковому корпусу РККА.

Конечно, это были теоретические расчёты, но и они производили сильное впечатление, особенно с учётом того, что японский военно-морской флот мог спокойно подойти и высадить десант в любой точке тихоокеанского побережья, не говоря уже о Северном Сахалине и Камчатке. Что же касается сроков нападения, то здесь у аналитиков штаба были другие мнения. Они считали, что ближайшая задача Японии – закрепление в Маньчжурии, а поскольку этот процесс достаточно длителен, то вооружённое нападение Японии на СССР весной 32-го нежелательно. Неподготовленный маньчжурский плацдарм, необходимость достройки железных дорог, оборудование баз и аэродромов, создание политической власти в Маньчжурии – оттягивает выступление против СССР как минимум на конец лета 1932 г. Естественно также, что реорганизация японской армии, которая в 32-м только начиналась, её техническое перевооружение и оснащение, необходимость в связи с этим пополнить мобилизационные запасы – требуют длительного срока в течение 1932 г. Была и ещё одна причина, оттягивавшая выступление Японии весной 32-го на более поздний срок. В оперативном управлении считали, что Японии, прежде чем начинать войну с Советским Союзом, нужно освоить маньчжурский плацдарм и подготовить крупные диверсии в МНР. По их мнению, эти мероприятия должны занять не менее 6–8 месяцев. Вот такие были прогнозы у Оперативного управления.

Дальнейшие события показали, что прогнозы Оперативного управления были более точными, чем прогнозы военной разведки. Очевидно, причиной этого было то, что оперативщики обладали более полной информацией о событиях и обстановке в дальневосточном регионе, шире был у них и оперативный кругозор, который позволял делать более широкоформатные прогнозы о том, что ждёт Дальний Восток в будущем. И нужно признать, что прогнозы разведки, сделанные без учёта социально-политических и военно-стратегических факторов, были на этот раз ошибочными.

29 апреля командующий войсками ОКДВА получил директиву № 1—27267 с.с. в которой говорилось об органах полевого управления войсками армии в военное время. В этом документе указывалось, что Управление армии в военное время становится Управлением Дальневосточного фронта в ныне существующих штатах. Управления Приморской и Забайкальской групп с началом войны должны развёртываться в управления неотдельных армий. В директиве также учитывались специфические особенности Дальневосточного театра военных действий, а также дислокация войск и Полевого управления фронта. Поэтому Управление Дальневосточного фронта помимо руководства всеми вооружёнными силами Дальнего Востока должно было также руководить снабжением войск Приморья и Приамурья. Войска Забайкальской армии должны были снабжаться самостоятельно. Руководство снабжением возлагалось на управление этой армии (44).

Конечно, Штаб РККА занимался не только усилением стрелковых войск на Дальнем Востоке. В этом регионе в 32-м не было крупных механизированных частей, основной подвижной силой ОКДВА были две кавалерийские бригады (5-я и 9-я), хорошо зарекомендовавшие себя во время боёв на КВЖД. Поэтому в самом начале 32-го было принято решение усилить стратегическую конницу в ОКДВА. Директива об усилении была подписана начальником Штаба РККА 10 января 1932 г. Предусматривалось переформирование 5-й кавалерийской бригады в 15-ю кавалерийскую дивизию, а 9-й бригады в 8-ю кавалерийскую дивизию. В эти части добавлялись четвёртые сабельные полки, артиллерийские дивизионы развёртывались в артиллерийские полки и вновь формировались механизированные дивизионы. Эти части имели на вооружении 16 танков Т-26, 9 танкеток Т-27 и 9 бронемашин БА-27. В таком виде дивизии были значительно сильнее кавалерийских бригад стратегической конницы японской армии. При появлении японских бригад в Маньчжурии кавалерийские дивизии ОКДВА могли рассчитывать на победу во встречном бою. Как и все механизированные части, механизированные дивизионы формировались в Москве и Ленинграде при существовавших там танковых частях (45).

К 1 мая и в Москве, и в Хабаровске подводили итоги первого этапа усиления войск ОКДВА. Итоги были впечатляющими, и за пять месяцев было сделано очень многое. Общее число стрелковых дивизий увеличилось с 6 до 10, стрелковых батальонов и эскадронов в два раза. Общая численность армии была увеличена с 39 до 113 тысяч человек. Вдвое было увеличено число полевых и зенитных орудий, а также ручных и станковых пулемётов. В три раза увеличилось в армии количество автомашин всех типов (легковые, грузовые и специальные). Но особенно значительно увеличилось количество бронетехники (танки, танкетки и бронемашин) – почти в семь раз – с 40 до 276 единиц. Это превосходство в бронетанковой технике было абсолютным и таким оставалось все последующие годы до начала Тихоокеанской войны. Забайкальская группа имела четыре стрелковые и одну кавалерийскую дивизии (52 965 человек). Приморская группа – три стрелковые и одну кавалерийскую дивизии (35 840 человек). Устье Сунгари и Хабаровск прикрывали две стрелковые дивизии (12 160 человек). 2-я стрелковая дивизия располагалась отдельными стрелковыми полками в Николаеве и Де-Кастри. Такова была численность и дислокация ОКДВА к маю 1932 г. (46).

Значительное усиление войск и их техническое оснащение превращали ОКДВА во фронтовое объединение. Соответственно менялись и задачи для дальневосточной группировки, особенно учитывая угрозу выхода частей Квантунской армии к советским границам. Поэтому для войск Дальнего Востока нужен был оперативный план развёртывания и питания частей ОКДВА на случай войны с Японией. В мае 1932 г. в Москве решили заняться разработкой этого документа, кстати, первого со времени существования армии.

14 мая 1932 г. Ворошилов отправил Блюхеру директиву, в которой указывал, что в соответствии с уточнённым мобилизационным расписанием № 11 штабу ОКДВА надлежит разработать план оперативного развёртывания и питания частей ОКДВА по варианту «ДВ» (Дальний Восток). В основу этой оперативной разработки должна была быть заложена вероятность выступления Японии против СССР, поддержанной китайскими японофильскими и белогвардейскими частями. При этом в Москве считали, что против Дальневосточного фронта первоначально может быть развёрнуто: 25–30 пехотных дивизий и 6 кавалерийских бригад, а также китайские японофильские и белогвардейские части. Предполагалось также, что сосредоточение войск противника и начало военных действий нужно ожидать без формального объявления войны. Задачами войск фронта должна была быть оборона территории Дальневосточного и Восточно-Сибирского краёв и поддержание революционного порядка на этих территориях. Обстановка в регионе была сложная, и возможность повстанческих выступлений со стороны казачества и коренного населения не исключалась.

В состав фронта включались:

а) Забайкальская армия в составе 5 стрелковых дивизий, одной кавалерийской дивизии, Забайкальского УРа и другие части. Районом развёртывания армии намечались: станция Даурия, Нерчинский завод, Александровский завод, Оловянная.

б) Приморская армия в составе 5 стрелковых дивизий, одной кавалерийской дивизии, Владивостокского и Гродековского УРов и другие части. Район развёртывания – Иман, озеро Ханка, Гродеково, Барабаш, Владивосток, Сучан, залив Америка.

Непосредственно командованию фронта подчинялись: МСДВ, АКВФ, 2-я стрелковая дивизия с дислокацией отдельных полков в Хабаровске, устье Амура и Де-Кастри, 12-я стрелковая дивизия в Благовещенске и 94-я стрелковая дивизия, которая пребывала в Хабаровске с началом войны как резерв фронта. При этом предусматривалось, что в случае одновременного нападения на СССР и МНР, а такой вариант не исключался уже в 1932 г., разрабатываемый оперативный план должен был предусматривать взаимодействие Забайкальской армии с войсками МНР. К прикрытию границ привлекались пограничные войска ОГПУ. Совместным приказом Ворошилова и Председателя ОГПУ Менжинского от 3 марта 1932 г. они передавались в оперативное подчинение командующего ОКДВА. Штаб ОКДВА должен был разработать и представить в Москву к 1 июля 1932 г. план прикрытия границ, план оперативного развёртывания и материального обеспечения, а также задачи монгольской армии.

Таковы были задачи для первого оперативного плана Дальнего Востока. Естественно, что задачи, поставленные в Москве Блюхеру при том наличии сил и средств, которые были сосредоточены к лету 32-го в этом регионе, могли быть только оборонительными – удерживать границы, не допустить японские войска на советскую территорию. Даже используя все сухопутные и воздушные силы СибВО, который был тыловой базой фронта, невозможно было создать достаточно ощутимый перевес над возможным противником. Постановка более активных задач в войне с Японией была в будущем, а сейчас – только оборона.

15 мая 1932 г. в Хабаровске состоялось совещание высшего командного состава ОКДВА. Обсуждались итоги усиления войск, задачи на 32-й год. На открытии совещания выступил командующий Василий Блюхер. Он говорил, что командованию армии приходилось работать в зимний период в обстановке, которая резко отличалась от обстановки, в которой работали другие округа. И причина этого была в том, что резко обострилась внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке.

«Из чего это складывалось? Во-первых, из исключительного внешнеполитического положения, когда не без оснований в обстановке января мы ожидали с Вами крупных осложнений в конце апреля – мае, вследствие чего армия резко увеличила свой численный состав. В связи с увеличением мы прожили с Вами длительный период в обстановке передислокации старых частей, приёма новых и устройства их в районах новых мест расквартирования.

И, наконец, ещё нас связывало – это огромное насыщение нас техническими средствами. На это у нас ушли с Вами январь – февраль, кое-какие части захватили начало марта...» (47).

Но это были оценки военно-политического положения на Дальнем Востоке, данные к концу мая, когда обстановка уже прояснилась и когда и в Москве, и в Хабаровске поняли, что летом войны не будет. А какая перспектива прорисовывалась на будущее? В том же выступлении он давал оценку военно-политического положения на летний период:

«...В какой обстановке будет проходить наша работа летом? У многих товарищей, к сожалению, ожидавших неизбежной войны в апреле или в крайнем случае в мае, на сегодня складывается такое предположение, что войну мы прошли, что лето мы проживём в тиши, что никаких крупных осложнений на границе у нас не будет. Надо товарищам предостеречь от этой явной необъективной оценки положения. Мы с Вами на Дальнем Востоке в обстановке, когда экономические и политические причины, переплетающие интересы целого ряда стран на Дальнем Востоке, говорят нам с неизбежностью того, что война на Дальнем Востоке будет.

Когда она начнётся? Мы ожидали с Вами в мае, она не началась, мы знаем одно, что война будет неизбежно и мы не можем сегодня дать гарантии, что война не начнётся в июле или ещё меньше, что эта война не начнётся в начале 1933 г. Каковы бы не были эти сроки – июль – начало 1933 г., но эти сроки обязывают нас с Вами сделать всё для того, чтобы армия, признанная к защите своих дальневосточных границ, к этому была полностью готова. Мы с Вами сегодня к этому не готовы» (48). Конечно, Блюхер на таком солидном совещании не высказал свою личную точку зрения. Можно не сомневаться, что в подобных оценках было полное единство. Командующий думал так же, как Нарком, а Ворошилов думал, очевидно, как Сталин.

Что имел в виду командующий, говоря об обстановке января 1932 г.? Оперативные документы и документы, характеризующие военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке, пока недоступны исследователям. Поэтому можно высказать только некоторые предположения. Сил у Квантунской армии явно не хватало. 2-я пехотная дивизия, которая начала боевые действия с захвата Мукдена, прошла с боями до Цицикара. Потом она была переброшена в южную Маньчжурию для действия против китайских партизанских отрядов, угрожавших ЮМЖД. К концу января японскому командованию удалось очистить ЮМЖД от партизан и оттеснить их в горные районы в провинцию Жехэ. Это освобождало главные силы Квантунской армии для дальнейших операций по захвату Маньчжурии. Следующим этапом военных действий являлся захват Харбина. И для проведения этой операции опять были использованы части 2-й пехотной дивизии.

Операция по захвату Харбина началась 28 января 1932 г. И, очевидно, информация об этом сразу же поступила в Хабаровск и Москву. Активизация боевых действий в центре Маньчжурии, вполне возможно, встревожила московское руководство и послужило причиной для резкой активизации мероприятий по усилению ОКДВА. Это косвенно подтвердил и Ворошилов. В своей заключительной речи на расширенном заседании Реввоенсовета 20–25 октября 1932 г. он говорил: «...Ещё во время прошлогоднего пленума Реввоенсовета мы отмечали, что между обстановкой и на Западе и в особенности на Востоке на предстоящий рабочий год представляется мало хорошего. Действительность подтвердила наши опасения. В конце прошлого и начале этого года мы находились под прямой угрозой войны против нас. Это обстоятельство наложило отпечаток напряжения на всю жизнь Советского Союза и в особенности на работу в армии и развитие наших вооружённых сил» (49).

Во второй половине 32-го усиление и техническое оснащение ОКДВА продолжалось так же интенсивно, как и в первой половине года. Особенно это касалось механизированных войск и авиации. Конечно, тех двух танковых батальонов (17 и 18-го), которые были в январе переброшены из европейской части страны, было явно недостаточно. И во второй половине года переброска отдельных готовых танковых частей на Восток продолжалась. В мае были переброшены 31-й и 15-й танковые батальоны. В июне – 11-й и 13-й, а в июле – 32, 19 и 20-й танковые батальоны (50). К августу в ОКДВА было уже 11 танковых батальонов. Планом моторизации и механизации войск ОКДВА на 1932 г. предусматривалось формирование в Забайкалье 6-й отдельной механизированной бригады с включением в её состав 17, 20 и 32-го танковых батальонов. Забайкальское направление от пограничной станции Маньчжурия до Хайлара считалось наиболее перспективным для действий крупных механизированных соединений, поэтому в Забайкалье и начали формирование первой в ОКДВА механизированной бригады (51).

К осени 32-го все возможности размещения вновь прибывших частей были полностью исчерпаны. Скудный казарменный фонд от Байкала до Владивостока был использован полностью. Строительство новых военных объектов: казарм, складов, парков для боевой техники и особенно аэродромное строительство только разворачивалось. Строителей было мало, да и жить им было негде. Все части, которые прибыли на Дальний Восток летом и осенью, нужно было подготовить к первой для них суровой дальневосточной зиме. В сентябре 32-го в штабе

ОКДВА была составлена справка об основных вопросах организации строительства ОКДВА. В этом документе отмечалось, что переброска на Дальний Восток гарнизонов укреплённых районов, сформированных в военных округах европейской части страны, задерживается в связи со значительным отставанием казарменного строительства в укреплённых районах. Эти районы строились у самой границы, вдали от населённых пунктов, и никакого жилья там не было.

В этом документе указывалось также, что формирование 29-й и 41-й авиабригад, которое должно было закончиться к концу года, по ходу строительства не будет выполнено так как строительство Бочкарёвского и Воздвиженского аэродромов почти в полном объёме сорвано. Готовность к концу августа по аэродромам – 10 %, по казармам – 20 % и по квартирам для комсостава – 4 %. Казарменно-складское строительство для сухопутных войск также находилось в плачевном состоянии из-за недостатка рабочей силы, материалов, транспорта и летних дождей. В справке отмечалось, что в связи с этим создаётся тяжёлое положение с размещением частей на зимний период. О том, в каких условиях придётся зимовать войскам было показано на примере Усть-Амурского и Де-Кастринского гарнизонов (там располагались полки 2-й дивизии): «Состояние войск Де-Кастринского и Усть-Амурского гарнизонов, развитие цинги в этих гарнизонах, ввиду отсутствия овощей и трудностей с размещением, а также оторванность этих гарнизонов от базы, требуют исключительного внимания по созданию необходимых условий для зимнего периода» (52). Можно не сомневаться, что в подобных условиях находились и другие гарнизоны ОКДВА. Когда производилось резкое усиление войск на Востоке, меньше всего думали о запасах овощей на зиму и нормальном расположении частей армии.

Во второй половине 32-го усиление войск Дальнего Востока продолжалось. И хотя размещать прибывающие части было уже негде, эшелоны с войсками шли на Восток по Транссибирской магистрали. Осенью в ОКДВА перебросили ещё три стрелковые дивизии, и их общее количество было доведено к 1933 г. до 13. За счёт переброски танковых батальонов было увеличено количество танков. К 1 января ОКДВА имела: 468 танков, 265 танкеток и 66 бронемашин. Даже если не учитывать танкетки Т-27, боевая ценность которых была весьма сомнительной, превосходство над Квантунской армией в бронетанковой технике было абсолютным. И это абсолютное превосходство сохранялось в течение 10 лет. В армии имелось 736 орудий среднего и крупного калибра, а также 1584 автомашины всех типов и 263 трактора, 2061 станковых и 2464 ручных пулемёта. За вторую половину года не увеличилось только число боевых самолётов. Существовавшие аэродромы были забиты авиационной техникой под завязку, а строительство новых аэродромов, и в первую очередь для тяжёлобомбардировочной авиации, шло очень медленно. На 1 января 1933 г. имелось 267 самолётов различных типов (боевые, учебные, транспортные). Резкое увеличение ВВС ОКДВА намечалось на 1933 г., когда предусматривалось окончание строительства аэродромов, начатое в 1932 г. В результате всех мероприятий 32-го общая численность ОКДВА, включая Амурскую флотилию и Морские силы Дальнего Востока, достигла 140 160 человек против 42 100 человек, которые имелись на Дальнем Востоке до усиления (53). Превосходство ОКДВА над Квантунской армией к 1933 г. было полным как по численности, так и по средствам подавления: артиллерии, авиации и бронетанковой технике. И это общее превосходство также удерживалось до конца 1941 г.

Итоги военного строительства на Востоке были подведены на расширенном заседании Реввоенсовета в октябре 1932 г. В Москве собрались 624 командира высшего звена РККА. Были и руководители военной разведки: начальник 4-го Управления Берзин, его помощники Борис Мельников, Александр Никонов и Василий Давыдов. Присутствие этих руководителей на заседании было вполне естественным – разведка много сделала для того, чтобы положение на Дальнем Востоке было обрисовано полно и объективно.

Начальник Штаба Егоров в своём докладе говорил и о положении в этом регионе: «... Учебный год проходил под знаком широкого развёртывания оргмероприятий, вызванных, с одной стороны, реконструкцией нашей РККА на новой технической базе, а с другой – рядом

обстоятельств внешнеполитического порядка и основным из них – это непосредственными угрозами нашим советским границам на Дальнем Востоке.

Можно сказать, что только гениальное предвидение этой политической ситуации со стороны ЦК нашей партии во главе с тов. Сталиным и учёт этой военно-политической ситуации в оперативном отношении со стороны нашего Наркома тов. Ворошилова позволили нам своевременно обеспечить и политическую, и военную устойчивость наших границ на Дальнем Востоке...» (54).

Естественно, что об обстановке на Дальнем Востоке в своём выступлении говорил и Блюхер: «...мы с февраля месяца за очень короткий срок в 2–3 месяца фактически в своей численности увеличились более чем в два раза. Из маленькой армии в 1931 г. мы выросли в очень большую армию. Это потребовало передислокации всех наших частей. Почти нет ни одной части, которая не изменила бы своей дислокации в течение этого периода. Нам приходилось принимать большое количество новых частей на базе старого недостаточного казарменного и жилого фонда. Мы провели целый ряд новых формирований...» (55). Блюхер, конечно, не приводил номера и численность новых стрелковых дивизий и авиационных частей, но и по тому, что было сказано, присутствующие поняли напряжённость обстановки на Дальнем Востоке.

О тяжёлой обстановке сообщил в заключительной речи нарком: «...Ещё во время прошлогоднего пленума Реввоенсовета Союза мы отмечали, что между обстановкой и на западе и, в особенности, на востоке на предстоящий рабочий год предъявляет мало хорошего. Действительность подтвердила наши опасения. В конце прошлого и начале этого года мы находились под прямой угрозой войны против нас. Это обстоятельство наложило отпечаток напряжения на всю жизнь Советского Союза и в особенности на работу в армии и развитие наших вооружённых сил... Всё вышеизложенное заставило нас не только зорко следить за развивающимися на Дальнем Востоке событиями, но и предпринять ряд радикальных мер оборонительного характера. Целой системой политических, хозяйственных и военных мероприятий нашей партией и правительством удалось пока предупредить нависшую войну...» Говорил он и об опубликованном в советской прессе меморандуме генерала Танака, о докладной записке бывшего командующего Квантунской армией генерала Хондзю военному министру от 3 августа 1931 г., в которой говорилось, что: «Прежде чем воевать с США, необходимо стремительно занять важные в стратегическом отношении пункты Китая и Советской России и привести эти государства в такое состояние, чтобы они в короткий срок не могли оправиться». Сообщил он и об одном очень «деликатном» документе, исходившем от лица, весьма близко стоявшего к взаимоотношениям Японии с СССР. В нём через месяц после начала Маньчжурского инцидента говорилось: «Надо развёртывать обстановку в Северной Маньчжурии так, чтобы втянуть СССР в события. Япония и другие государства смогут после этого встать на путь решительных действий». Говорил он и об обстановке на Дальнем Востоке.

«Интервенция в Маньчжурии расценивалась японской военщиной, и не только ею, но и всей японской агрессивной буржуазией как вступление к большой войне, войне с Советским Союзом. Всё вышеизложенное заставило нас не только зорко следить за развивающимися на Дальнем Востоке событиями, но и предпринять ряд радикальных мер оборонительного характера. Целой системой политических, хозяйственных и военных мероприятий нашей партии и правительству удалось пока предотвратить возможную войну... Всё это значительно расхолодило воинственный пыл Японии и заставило, не берусь гадать – надолго ли, но в данный момент отказаться от войны с нами...

Что же нами сделано за этот период на Дальнем Востоке? Дальневосточные вооружённые силы за это время значительно увеличены, улучшается и укрепляется оборона сухопутных и морских границ. К сожалению, эта работа ещё полностью не закончена. ОКДВА имеет сейчас современные средства вооружения. Наряду с этими чисто военными мероприятиями правительством проводится колоссальная работа по созданию на Дальнем Востоке и в Восточ-

ной Сибири самостоятельной оборонительной базы. Ведение успешной войны на Дальнем Востоке возможно только при наличии устойчивой хозяйственной базы на месте, так как дальность расстояния и слабость путей сообщения не гарантирует регулярного обслуживания обороны» (56). Так же как и Блюхер, он не давал в своём заключительном выступлении никаких конкретных цифр и фактов.

А вот выступление бывшего заместителя Берзина, а ныне члена Реввоенсовета ОКДВА Таирова, посвящённое разведке, было более конкретным. Он говорил о необходимости изучения возможного противника, о необходимости использования уже имеющейся разведывательной информации. Выступление было свежим, оригинальным, о нём стоит сказать несколько слов:

«...Последний вопрос, на котором я хотел также остановиться и который не был затронут ни в прошлом году, ни в этом году – это вопрос относительно изучения противника. В 1929 г. нас 4-е Управление пыталось ругать за то, что части шли в бой не зная противника. Сваливать вину на 4-е Управление было нечего, так как части не удосужились изучить имеющийся материал, даже если и недостаточный. Я считаю, что вопрос изучения противника в данный момент безусловно является актуальным. Реввоенсоветом сделана проверка в частях, как они изучали материал, который им преподносится как 4-м Управлением, так и 4-м отделом (имеется в виду разведывательный отдел штаба ОКДВА. – Е.Г.). Результаты оказались недопустимыми: не только не знали элементарных сведений о противнике, но не открывали соответствующие справочники и бюллетени. Это говорит за то, что мы этому делу не уделяли внимания. Ждём, когда опять будет какой-либо конфликт для того, чтобы всплыл этот пробел, который является неотъемлемым элементом боевой подготовки. Сейчас материала по этой части имеется достаточное количество» (57).

В столице империи

В 1932 г., когда части Квантунской армии продвигались к дальневосточным границам Советского Союза, в генштабе империи и в штабе Квантунской армии вынимали из сейфов папки с планами нападения на СССР, разработанными ещё в конце 20-х г. В планы вносились коррективы, изменения и дополнения с учётом выхода японских дивизий к дальневосточным рубежам страны. В портах Японии под погрузкой стояли военные транспорты, с островов на континент для подкрепления Квантунской армии перебрасывались танки, самолёты, орудия, боеприпасы. Началось формирование нескольких новых дивизий для отправки в Маньчжурию. Япония усиленно готовилась. Чтобы удержать проглоченный кусок Китая и подготовиться к новой агрессии на континенте, нужны были солидные силы. Квантунская армия была слаба для этого, и требовалось значительно усилить и её численность, и техническое оснащение её частей.

Но если в штабах ещё только готовились к войне, то на страницах японских журналов и газет уже воевали. Журналисты, промышленники, высокопоставленные чины военного министерства выступали с воинственными статьями, призывая к походу на Север и расписывая подробности военного конфликта. Даже некоторые дипломаты, которым по роду их деятельности была положена сдержанность в высказываниях и суждениях, не отставали от других на этом поприще.

Антисоветская кампания в японской печати проводилась в марте – мае 1932 г. и была связана с японскими провокациями на КВЖД и мерами, предпринятыми советским правительством по укреплению дальневосточных границ страны. Затем в конце этого года она была продолжена в связи с восстановлением дипломатических отношений между Китаем и СССР. «Грядущая война с СССР», «Угроза со стороны СССР» – подобных заголовков было достаточно на страницах влиятельных японских газет. 16 и 17 июня в газете «Буссю симбун» была опубликована статья Окада Мукис «Неизбежность японо-советской войны» с подзаголовком: «Выгодно воевать скорее». С 28 июня по 7 июля влиятельная «Токио Майнити» предоставила свои страницы Никояма Сиро, который выступил с большой статьёй «Грядущая война с СССР и тихоокеанская война», выдвигая тезис о «вечной неизбежности войны с СССР». В ряде номеров газеты «Нихон» в мае 1932 г. печаталась статья Камэнта «Война с Америкой или СССР?».

26 и 27 июля 1932 г. газета «Джапан адвертайзер» опубликовала статью военного министра генерала Араки «О задачах Японии». Развивая идеи меморандума Танака, Араки писал о необходимости распространения «японской национальной морали» не только в Азии, но и во всём мире любыми средствами и даже путём войны. Большим препятствием на этом пути он считал Внешнюю Монголию, то есть МНР, а также Восточную Сибирь. Подобное высказывание члена кабинета воспринималось как призыв к войне с СССР и вызвало дипломатический демарш со стороны полпреда СССР в Японии Трояновского. 27 июля он посетил японского министра иностранных дел Утида и обратил его внимание на эту статью.

В конце 1932 г. в советском полпредстве в Берлине хорошо информированный американский журналист Никербокер заявил во время беседы с руководителем отдела печати полпредства об убеждении американского правительства, что Япония сначала совершит нападение на СССР с целью захвата советского Дальнего Востока и укрепления своего тыла. Подготавливаемая грандиозная битва с США начнётся только после этого. Советский полпред в Англии Майский в своём донесении в НКВД от 10 марта 1933 г. отмечал, что, по мнению английских консервативных кругов, захват Японией Маньчжурии может привести к войне между СССР и Японией, а это было бы «настоящим благодеянием истории». Так думали в Лондоне.

После начала агрессии в Маньчжурии план реорганизации армии Японии начал осуществляться ускоренными темпами. Авиационные заводы страны работали на полную мощь

ность. С их конвейеров сходили современные по тому времени истребители и бомбардировщики. Только в 1932 г. военно-воздушные силы получили 600 новых самолётов. Большинство из них было переправлено в Маньчжурию, где формировались новые авиационные полки. Заработали конвейеры и на заводах, выпускавших танки отечественных образцов. В стране увеличивался выпуск артиллерийского и стрелкового вооружения.

После захвата Маньчжурии начался новый этап подготовки Японией войны против Советского Союза. Это хорошо понимали в коммерческих офисах западных стран. Поэтому предложения военного ведомства Японии о закупке новейшей военной техники встречали там поддержку и полное понимание. Английские военные концерны направили в 1931 г. в Японию самого разнообразного вооружения на общую сумму в 216 000 фунтов стерлингов, а в 1932 г. – на 230 000. Франция и Чехословакия поставляли островной империи танки, тяжёлые орудия, пулемёты, винтовки. Германия поставляла взрывчатку. Из США везли через Тихий океан авиамоторы и стрелковое вооружение. В общем, поставляли всё, в чём нуждалась империя, надеясь увидеть в скором времени её схватку с северным соседом.

Проводившееся усиление Квантунской армии в её штабе считали всё-таки недостаточным. Поэтому там решили сформировать ещё собственную армию «независимого» государства, объявив мобилизацию местного населения. Приняли закон о всеобщей воинской повинности и об обязательной службе в частях армии Маньчжоу-Го. Эта армия в 1934 г. имела уже 26 пехотных и 7 кавалерийских бригад общей численностью около 70 000 человек. Японские офицеры были в ней военными советниками, занимая почти все крупные военные посты. Для вооружения частей использовалась старая японская военная техника. Боеспособность маньчжурских частей, и это было подтверждено во время столкновений на монгольской границе в 1935 и 1936 г.г., была очень низкой. Воевать за чуждые им интересы японские солдаты не хотели.

Японская военная литература начала 30-х гг. имела одну характерную черту, которая отличала её от военной литературы других стран. Это развязность, хвастовство и пренебрежение к военным возможностям своего будущего противника, которым считался Советский Союз. Во всех изданиях, выходивших в Японии в 1930–1931 гг., война против СССР представлялась как второе издание Русско-японской войны 1904–1905 гг. В декабре 1931 г., когда части Квантунской армии, продвигаясь на Север к советским границам заняли Цицикар и перешли линию КВЖД, японский военный писатель Хирота, считавшийся крупным авторитетом в военных делах, выпустил книгу под заголовком «Красная Армия как наш враг». Хвастовства в книге было много, а война против СССР изображалась там как лёгкая военная прогулка.

В предисловии автор ставил вопрос: «Когда наша армия заняла Цицикар, то со стороны Особой Дальневосточной не последовало никаких действий. Быть может, Красная Армия уже знает, что ей ничего не добиться в борьбе с японской армией?». Картина, которую затем рисовал Хирота, точно соответствовала общей направленности японской военной литературы того времени. Ему представлялось, что японские самолёты, как коршуны, налетают на советскую территорию и душат «советских голубей», что они громят советскую «деревенскую авиацию», разрушают станции и железнодорожные магистрали. По его мнению, вскоре после начала боёв Сибирь будет отрезана от Москвы, а Реввоенсовет в Москве растеряется и не будет знать, что делать.

Но вот проходит всего полтора года, и в августе 33-го тот же Хирота выпускает новую книгу «Как мы будем воевать». О «коршунах» и «голубях» в ней нет уже речи, а Красная Армия называется «большой силой». Особую тревогу у автора вызывает группировка советской тяжелобомбардировочной авиации, размещавшейся в районе Владивостока. Он понимает, что советские тяжёлые бомбардировщики могут угрожать не только тылу «победоносной» японской армии, но и метрополии. Подобная ситуация мало напоминала лёгкую военную прогулку, и неудивительно, что Хирота в своей книге ставит вопрос о необходимости уничто-

жить Владивосток как базу советской авиации даже ценой потери всех японских самолётов. Те же опасения о налёте советской авиации на японские острова он высказал и в другой книге – «Записки о предстоящей русско-японской войне», выпущенной в январе 34-го. Такая эволюция взглядов на будущую войну против СССР, которую планировали в Токио, была весьма характерна. Японии пришлось считаться и с растущей мощью Советского Союза, и с усилением Красной Армии на дальневосточных рубежах страны.

К этому времени первый этап континентальной агрессии, предусмотренный меморандумом Танака, был завершён. И в генштабе, и в штабе Квантунской армии на стратегических картах появились новые стрелы, нацеленные на другие территории. Но к большой войне с Советским Союзом Япония ещё не была готова, что начали понимать даже такие «писатели» как Хирота. Поэтому взоры японских стратегов обращались на запад и юг. Здесь лежали обширные территории, захватить которые, как думали в Токио, будет намного легче.

Пока журналисты в Токио «воевали», в разведотделе генштаба занимались более серьёзными делами. И в Москву продолжали поступать документы о деятельности японской разведки.

Разведка вступает в бой

В 1932 г., когда угроза военного конфликта на Дальнем Востоке была достаточно серьёзной, информация, получаемая из японского посольства, имела первостепенное значение. Все поступающие отсюда документальные материалы посылались из Особого отдела только наркому Ворошилову и хранились в его секретариате в особой папке. 23 июня Ворошилов получил дешифрованную телеграмму из Токио, которая была послана японскому военному атташе в Москве. В телеграмме сообщалась дислокация частей Квантунской армии. В тот же день наркому были переданы задания, полученные японским военным атташе подполковником Кавабэ из разведотдела японского генштаба. Подполковнику предписывалось изучать вопросы, связанные с развитием военно-воздушных сил СССР: систему организации, технические данные самолётов и моторов, тактику действий авиационных частей. 10 июня наркому были посланы бюллетени японского генштаба по СССР за апрель и май 1932 г., а также сводка морского штаба Японии по СССР с имевшейся в Токио информацией об усилении советских военно-морских сил на Дальнем Востоке.

В этих документах довольно точно фиксировались переброски сухопутных и воздушных частей РККА на Дальний Восток из районов европейской части страны. Отмечались секретные источники (агентура) в Забайкалье и Приморье, которые сообщали о появлении в их районах новых частей. Отмечалась и информация, поступающая из Москвы. Московские источники японской разведки были весьма осведомлёнными. От них поступала информация о числе стрелковых дивизий на Дальнем Востоке, их нумерации, фамилии командиров всех дивизий. Но информация о частях РККА на Дальнем Востоке поступала в Токио не только из Москвы и агентуры на Дальнем Востоке. Очень тесные контакты были у японских военных атташе в Варшаве и Риге с разведывательными отделами генштабов Польши и Латвии. В бюллетенях по СССР японского генштаба, которые получал японский военный атташе в Москве, и через Особый отдел Ворошилов, часто отмечалось, что разведывательная информация получена по данным польского или латвийского генштаба. Ценную информацию о Красной Армии получал японский военный атташе и от турецких военных кругов.

Разрозненные сведения о частях Красной армии на Дальнем Востоке были суммированы в «Военном бюллетене по СССР № 32 от 25 апреля 1932 г.». Перевод этого документа с грифами «Совершенно секретно» и «Документально» также был послан Ворошилову из Особого отдела 10 июня. Контрразведчики сработали оперативно, и ценнейшая информация легла на стол наркома. В этом бюллетене наиболее полно были показаны численность и дислокация советских войск на всей обширной территории от Иркутска до Владивостока. Забайкалье, Приморье, район Хабаровска, Сахалин – во всех этих районах была указана и численность, и нумерация наших частей.

Иностранные дипломатические представители в Москве в этом году внимательно следили за изменением военно-политической обстановки в дальневосточном регионе, строили свои прогнозы, высказывали свои суждения и, конечно, обменивались мнениями в разговорах друг с другом. Одно из таких мнений, зафиксированное в «Бюллетене по СССР № 4 от 22 февраля 1932 г.», было доложено Ворошилову: «По словам представителя Чехословакии в Москве, за последнее время не только в высших военных кругах Советского Союза, но и в партийных кругах всё чаще и чаще раздаются голоса с требованием поддержать престиж СССР и взять более твёрдый политический курс. Во главе этого движения стоят: Молотов (председатель СНК), Ворошилов (НКВД), Енукидзе (видный партийный деятель), но Сталин (фактический диктатор), считаясь с общим положением страны и из соображений выполнения пятилетнего плана, возражает против твёрдой политики». Очевидно, в Токио серьёзно отнеслись

к высказыванию чехословацкого представителя, если включили его мнение в бюллетень генштаба.

Если проанализировать рассекреченную разведывательную информацию ОГПУ, которая была доложена Сталину в 1932 г., то получится достаточно впечатляющая картина. Первое сообщение было направлено Сталину начальником ИНО Артузовым 29 января. На первой странице документа, озаглавленного «Деятельность и планы 2-го отдела французского генштаба», рукой Артузова надпись: «Тов. Сталину. Донесение вновь привлечённого агента, связанного с одним из отделов генштаба». Очевидно, ИНО удалось завербовать одного из офицеров, который в своём первом сообщении выдал информацию о деятельности генштаба в связи с событиями в Европе. Через три месяца 19 марта Сталину было направлено второе сообщение этого же источника. В нём сообщалось: «В результате последней встречи с известным Вам источником получены нижеследующие дополнительные сведения...» Источник, очевидно достаточно крупный офицер генштаба, успел за это время побывать в Варшаве, где беседовал с начальником штаба польской армии генералом Гонсяровским. Во время беседы польский генерал сообщил ему, что осенью 1931 г. во время посещения Варшавы группой высокопоставленных японских офицеров между польским и японским генштабами было заключено письменное соглашение. «Гонсяровский отметил, что согласно этому соглашению Польша обязана быть готовой оттянуть на себя силы большевиков, когда японцы начнут продвигаться на территорию СССР». Документ подписали заместитель председателя ОГПУ Балицкий и начальник ИНО Артузов.

Если судить по многочисленным пометкам и подчёркиваниям, Сталин очень внимательно ознакомился с полученным документом. Это был характерный стиль генсека по отношению к разведывательной информации, которую поставляли ему обе разведки. Внимательное изучение всех без исключения получаемых документов, подчёркивание наиболее важных мест и свои комментарии на полях. И необходимость держать всю полученную информацию под рукой, то есть в своём личном архиве. На каждом документе, полученном от политической разведки, в верхнем левом углу подпись его рукой: «В мой арх. И. Ст.». В информации от 19 марта он подчеркнул абзац о заключении соглашения между польским и японским генштабами. Очевидно, для него это была первая информация о возможной военной угрозе с Запада и Востока. И, конечно, учитывая эту информацию и возможность заключения союза между двумя странами в Европе и Азии, советская дипломатия пошла на уступки при заключении советско-польского договора о ненападении летом 32-го. Взаимосвязь между информацией разведки и активностью советской дипломатии очевидна.

28 февраля на стол Сталина легла очередная информация ОГПУ. Сопроводительное письмо было подписано зампредом ОГПУ Балицким. В конце документального материала стояла фраза: «По Особому отделу». На этот раз сработала агентура в японском посольстве в Москве. Балицкий просил Сталина лично ознакомиться с подлинным документом, составленным японским военным атташе в Москве Касахара Юкио 29 марта 1931 г. Документ был озаглавлен «Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза» и направлен в генштаб в Токио. Балицкий писал: «Касахара входит в партию младогенштабистов, во главе которой стоят генерал-лейтенант Араки (автор лозунга «Забайкалье – японо-русская граница») и Хасимото – начальник русского сектора генштаба, один из нынешних руководителей политики японских военных кругов». Подчёркивалось также: «Касахара на днях выезжает в Японию, где он получает ответственную должность в японском генштабе». В Особом отделе были на учёте все иностранные военные атташе в Москве, и личность японского подполковника была хорошо известна. В этом документе официальный военный представитель империи в Москве за полгода до начала оккупации Маньчжурии предлагал генштабу как можно скорее начать войну против Советского Союза.

Сталин очень внимательно читал этот доклад. Многочисленные подчёркивания, отчёркивания отдельных абзацев и фраз, нумерация подчёркнутых мест. Он взял из архива предыдущий документ с резюме посла Хирота и, добавив два отрывка из доклада Касахара, получил материал для статьи в «Известиях», наделавшей столько шума и в 32-м, и после войны во время Токийского процесса, когда этот документ был предъявлен советским обвинением в качестве доказательства подготовки Японией войны против Советского Союза. Из первого раздела доклада «О политике в отношении СССР в аспекте японо-советской войны» он выделил абзац, обозначив его цифрой два: «...японо-советская война, принимая во внимание состояние вооружённых сил СССР и положение в иностранных государствах, должна быть проведена как можно скорее. Мы должны осознать то, что по мере прохождения времени обстановка делается всё более благоприятной для них. Я считаю необходимым, чтобы имперское правительство повело бы политику с расчётом как можно скорее начать войну против СССР».

Во втором разделе японский военный атташе рассматривал «Первоочередные вопросы, связанные с проведением войны с Советским Союзом». Здесь Сталин цифрой три обозначил подчёркнутый им абзац: «Вполне возможно, что несмотря на нашу стратегию сокрушения и стремление к быстрой развязке, в силу различных условий, нам нельзя будет проводить войну в полном соответствии с намеченным планом действий. Возникает чрезвычайной важности вопрос о конечном моменте наших военных операций. Разумеется нам нужно будет осуществить продвижение до Байкальского озера. Что же касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому времени и в особенности в зависимости от состояния государств, которые выступят с Запада. В том случае, если мы остановимся на забайкальской железнодорожной линии, Япония должна будет включить оккупированный Забайкальский край и Дальний Восток полностью в состав владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, то есть на долгие времена. Мы должны быть готовы к тому, чтобы, осуществив эту оккупацию, иметь возможность выжидать дальнейшего развития событий».

Отметил он также абзац и в разделе «Стратегическая пропаганда»: «Ввиду того, что Японии будет трудно нанести смертельный удар Советскому Союзу путём войны на советском Дальнем Востоке, одним из главнейших моментов нашей войны должна быть стратегическая пропаганда, путём которой нам нужно будет вовлечь западных соседей и другие государства в войну с СССР и вызвать распад внутри СССР путём использования белых группировок внутри и вне Союза, инородцев и всех антисоветских элементов. Нынешнее состояние СССР весьма благоприятно для проведения этих комбинаций...» (подчёркнуто Сталиным). Всё, что им было отмечено и составило документальную основу статьи в «Известиях». На сопроводительном письме резолюция Сталина: «Из рук в руки. Членам ПБ (каждому отдельно) с обязательством вернуть в ПБ. Ст.». И рядом под словом «Читал» подписи Ворошилова, Молотова, Куйбышева и Ягоды. Так что можно не сомневаться, что статья в «Известиях» появилась по решению Политбюро.

4 марта 1932 г. в советском официозе – газете «Известия» – была опубликована передовая статья: «Советский Союз и Япония». В статье стандартные фразы о миролюбии Страны Советов, о росте японских провокаций. В качестве антисоветской интриги было представлено заявление представителя японского МИДа о неизбежности военного столкновения между Советским Союзом и Японией. Статья отмечала рост агрессивных намерений японских милитаристских кругов и предостерегала любителей военных авантур, заявляя: «Советское правительство вело, ведёт и будет вести твёрдую политику мира и невмешательства в происходящие в Китае события...» Это была бы обычная передовица, в которой говорилось о миролюбии, если бы не одно обстоятельство.

Для доказательства агрессивной политики Японии в Маньчжурии в статье цитировались два документа. Именно те два документа, которые были добыты политической разведкой и

легли на стол Сталина. Оба абзаца, отмеченные генсеком, полностью вошли в статью. Резюме посла было опубликовано полностью. Конечно, отрывки из японских документов попали в редакцию из сталинского кабинета, и именно он решал, что надо напечатать в этой газете. Такая публикация, когда в официозе ссылались не на японских авторов, выражавших собственное мнение, а на документы, появилась в советской печати впервые. И она явилась поводом для дипломатического демарша с японской стороны.

На следующий день состоялась беседа заместителя наркома иностранных дел Карахана и посла Японии Хирота. Содержание беседы в советских газетах тогда не публиковалось. Этот дипломатический документ был опубликован только в 1969 г. в очередном 15-м томе Документов внешней политики. Беседа в основном касалась положения на КВЖД, но говорили и о статье в «Известиях». Посол попал в пикантное положение. Он отлично помнил содержание своего предложения начальнику генштаба и, конечно, узнал текст, опубликованный в передовице. И в то же время ему приходилось делать вид, что к этому тексту он отношения не имеет. Вот выдержка из записи беседы:

«Хирота. Вчера в официальной газете опубликована статья, в которой сказано, что советская сторона располагает документами, которые касаются разных серьёзных вопросов. Посол сожалеет, что создаётся атмосфера, которая волнует общественное мнение, нужно устранить такую атмосферу.

Карахан. Неверно, что дело в статье. Статья в «Известиях» является ответом, отражением фактов, уже в течение месяцев создаваемых в Маньчжурии, среди белых, у корейской границы. А документы, приведённые в статье, тоже написаны раньше самой статьи. Так что неправильно искать источник “атмосферы” в самой статье. А если Вы вспомните серию статей Хата, выступления Кухара и ряд других агрессивных выступлений японских деятелей, Вы согласитесь, что вредную атмосферу создают с японской стороны.

Хирота. Да, но у нас опубликовывают только личные мнения, а у вас перевозят войска.

Карахан. Мы усиливаем наши дальневосточные гарнизоны – это факт. И это совершенно естественно после всех фактов последних месяцев усиления агрессивной деятельности бело-гвардейцев против СССР, выступлений японских деятелей, когда рядом у границ СССР происходят факты, о которых Вы знаете лучше меня. Вы должны согласиться, что позиция, занятая статьёй “Известий” совершенно правильная. Мне казалось, что Вы должны были отнестись с полным и искренним уважением к мнению, высказанному в этой статье.

Хирота. ...в статье вашей газеты есть документы, из которых видно, что японская сторона имела заднюю мысль и придерживается агрессивной политики и что Япония имеет намерения вмешиваться в дела СССР. Если это случилось, значит, японский дипломат, находящийся в СССР, не разъяснил энергичным образом, что у Японии нет никакого намерения вмешиваться в дела СССР. Надо создавшуюся атмосферу очистить. Я жалею больше всего о том, что в статье «Известий» пишут, что располагают документами, в которых некоторые отдельные лица пишут о том, чтобы как можно скорее начать войну против СССР. Опираясь на такое мнение частных лиц, СССР перебрасывает свои войска. С одной стороны, мнения частных лиц, а с другой войска.

Карахан. Во-первых, газета пишет, что это мнение очень ответственных людей, так что с ними надо серьёзно считаться. Во-вторых если мы усиливаем наши дальневосточные гарнизоны, это не нарушает наших обязательств по существующим договорам. В-третьих я не думаю, чтобы в Японии это усиление наших гарнизонов могло бы возбудить какие-либо вопросы, когда известно, что японские войска находятся за пределами своей территории и на КВЖД, и у советско-корейской границы...

Хирота. Меня беспокоит статья “Известий”. У советской стороны есть документ, который дал основание для отправки войск. Это создаёт атмосферу нехорошую».

Конечно, Карахан как первый зам. Литвинова знал многое. И содержание японских документов, и их авторы ему были известны. Сказать Хирота, что он автор одного из документов, заместитель наркома не мог. И два дипломата соревновались друг с другом. Японский дипломат делал всё, чтобы не выдать своего авторства. Советский дипломат, видя, что тот нагло врёт, должен был делать вид, что не догадывается об этом. Старое правило: «язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли», действовало в полной мере.

Хирота сделал блестящую карьеру. Он был министром иностранных дел и некоторое время премьером. После войны вместе с другими японскими военными преступниками сел на скамью подсудимых. Судил его Международный трибунал для Дальнего Востока. И во время суда опять появились эти же документы. Их фотокопии были представлены трибуналу советским обвинением. И Хирота, и выступивший в качестве свидетеля Касахара признали их подлинность. Советский обвинитель Голунский в своём выступлении в октябре 1946 г. дал такую оценку этому документу: «В первой половине 1931 г., когда ещё только разрабатывался план захвата Маньчжурии и подготавливалось его осуществление, японским генштабом был командирован в Европу генерал-майор Харада. Есть все основания предполагать, что одной из главных целей его командировки было изучение ситуации в Европе в связи с проводившейся в то время подготовкой к активизации японской агрессивной политики. Из записи беседы (Харада – Хирота) можно убедиться в том, что ещё летом 1931 г. вопрос о нападении на СССР стоял в повестке дня не только у руководителей японской военщины, но и у японских дипломатов. Этим документом мы докажем, что японское правительство и генштаб точно знали от своих официальных представителей в Москве, что Японии со стороны СССР ничего не угрожает и, следовательно, все разговоры об обороне являлись только маскировкой замышлявшейся агрессии».

В заключительной речи обвинения упоминается также резюме беседы Хирота и даётся его оценка: «Большое значение при разработке в Токио планов войны против СССР, несомненно, имела информация, исходящая от японского посла и от японского военного атташе в Москве. Подсудимый Хирота в бытность его японским послом в Москве в 1931 г. передал начальнику генштаба свои предложения: «...придерживаться твёрдой политики по отношению к СССР и быть готовым воевать с Советским Союзом в любой момент, когда это понадобится. Целью, однако, является не столько защита против коммунизма, сколько захват Дальнего Востока и Сибири». Здесь Хирота с полной откровенностью высказал суть агрессивной политики, которая проводилась Японией в то время и в последующие годы и руководителем которой он сам был впоследствии на протяжении нескольких лет, являясь премьером и министром иностранных дел.

И, наконец, об этом же документе говорится и в приговоре трибунала: «Когда в 1924 г. Окава впервые предложил планы территориальной экспансии, он агитировал за оккупацию Сибири. Хирота, бывший послом в Москве в 1931 г., придерживался того же мнения. Он выразил тогда ту точку зрения, что независимо от того, намеревается ли Япония нападать на СССР или нет, она должна проводить твёрдую политику в отношении этой страны и быть в любое время готовой к войне. Основной целью подобной готовности являлась, по его мнению, не столько оборона против коммунизма, сколько завоевание Восточной Сибири». Да, дорого обошлось Хирота мнение, высказанное начальнику генштаба, добытое разведкой и отмеченное Сталиным.

Публикация 4 марта в «Известиях» передовой статьи с выдержками из японских документов произвела сильное впечатление и в Токио, и в японском посольстве в Москве. Касахара сразу же понял, что он стал «героем» публикации. Для опытного разведчика, каким был военный атташе, это был грубый просчёт. И что бы как-то смягчить впечатление от публикации, в которой его выставили в неприглядном виде, он отправил 7 апреля телеграмму начальнику разведывательного управления генштаба за № 21, в которой сообщил: «Имеются осно-

вания подозревать, что посылаемые от Вас почтой секретные документы перлюстрируются в пути. Прошу Вас сугубо секретные документы пересылать другим способом» (58). Прав ли был военный атташе? Получил ли Особый отдел фотокопии его доклада, также предъявленные советским обвинением Токийскому трибуналу, от своей агентуры в японском посольстве в Москве или от вскрытия дипломатической вализы в экспрессе Москва – Владивосток, пока неизвестно. И вряд ли в обозримом будущем удастся установить истину.

Опытный разведчик Касахара понимал, что разведка должна действовать против главного противника со всех направлений: не только с Дальнего Востока, но и с Юга, используя Афганистан и Персию, и из Европы. Поэтому он предлагал военной разведке империи заняться не только сбором сведений об СССР из европейских стран, и в первую очередь в Прибалтике, Польше и Румынии, но и проведением политических комбинаций против СССР. По его мнению, разведка вместе с дипломатией должны были сделать всё возможное, чтобы вовлечь наших западных соседей в конфликт в случае войны Советского Союза с Японией. Поэтому он предлагал учредить должность военного атташе, с соответствующим штатом сотрудников в Румынии. Подполковник считал, и своё мнение высказал в докладе, что Румыния имеет громадное значение с точки зрения проведения политических комбинаций, так как: «В случае войны с Советским Союзом Румыния вместе с Польшей будет сковывать акции против нас. Исходя из наших оперативных планов против СССР нам нужно будет хорошо знать ситуацию в этой стране и иметь правильное представление о румынской армии».

При ознакомлении с докладом Сталин обратил внимание на раздел, посвящённый дальнейшему развитию вооружённых сил империи. Военный атташе рассматривал два варианта развития. Первый – организация вооружённых сил с таким расчётом, чтобы быть готовым к войне с Советским Союзом в любой момент. И второй вариант – постепенное изживание дефектов в деле обороны империи с тем, чтобы через 10 лет завершить программу вооружения армии. И опять карандаш генсека подчёркивал наиболее важные слова доклада: «Вопрос заключается в том – какая установка должна быть принята. Если будет взят курс на скорейшее начало войны с СССР, нужно принять первое предложение. Второе предложение может быть взято в том случае, если не будет определён точно срок войны с СССР. Нам нужно иметь в виду то, что в настоящий момент или в ближайшем будущем СССР в случае войны с Японией будет лишён возможности развернуть военные операции большого масштаба».

Через несколько дней 4 марта Балицкий посылает Сталину ещё две докладные записки Касахара, посланные в генштаб: «Проблема сокращения вооружений с точки зрения взаимоотношений с СССР» и «Увеличение вооружений в СССР и его специфическое положение в вопросе сокращения вооружений». Балицкий писал, что составление первой записки было приурочено к проезду через Москву группы членов японской военной делегации на конференцию по разоружению. Так что «творчество» японского военного атташе было хорошо известно Сталину.

В июне 32-го Сталин был в отпуске. В Москве на «хозяйстве» остался Лазарь Каганович, который вёл очередные заседания Политбюро. Ему и было адресовано новое письмо Балицкого, в котором он сообщал, что дополнительно направляет переводы с подлинных японских документов. Политическому руководству страны была представлена перехваченная и расшифрованная переписка между новым японским военным атташе в Москве Кавабэ с японскими военными атташе в Берлине и Варшаве, а также решение совещания японских военных атташе из Стамбула, Москвы, Варшавы и Риги. Японские разведчики с дипломатическими паспортами обсуждали вопрос об активизации разведывательной работы против Советского Союза и свои рекомендации направили начальнику второго (разведывательного) отдела японского генштаба в виде шифрованной телеграммы. Эта телеграмма была также перехвачена, расшифрована и направлена в Политбюро. Была в этой подборке документов и шифрованная переписка штаба

Квантунской армии с японским военным атташе в Москве, и телеграммы японских военных атташе в Лондоне и Москве в Токио, адресованные помощнику начальника генштаба.

Каганович прочитал все полученные материалы и на сопроводительном письме наложил резолюцию: «В круговую, членам ПБ. Л. Каганович». На одном из заседаний Политбюро с материалами знакомились все присутствующие, и на сопроводилке появились подписи Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе, Андреева, Калинина и Микояна. После этого материалы были отправлены в личный архив Сталина.

Наиболее ценной и имеющей значение для членов Политбюро была телеграмма № 616 от 19 апреля, отправленная Кавабэ начальником штаба Квантунской армии. Эта телеграмма была также перехвачена и расшифрована. В ней давался анализ обстановки в Маньчжурии и на советской границе. Сообщалось, что СССР в данный момент не намерен затевать вооружённый конфликт с Японией в Северной Маньчжурии. В телеграмме отмечалось: «Квантунская армия исходя из общей политики по возможности будет стремиться к установлению дружественных взаимоотношений с СССР и воздерживаться от мер, которые будут нервировать последних...» (59). Информация была исключительной важности, исходила от такого ценного, хотя и невольного источника, как начальник штаба армии, и подтверждала предположения некоторых советских политических и военных деятелей, утверждавших, что в 1932-м войны не будет. В Москве могли вздохнуть с облегчением. Разрозненные и разобщённые китайские войска отступали в западном, восточном и северном направлениях к советским границам. Части Квантунской армии готовились к очищению Маньчжурии от китайских войск, и начальник штаба сообщал военному атташе об этом и уточнял в телеграмме: «В целях укрепления основ маньчжурской государственности Квантунская армия предполагает в скором времени выдвинуть сравнительно крупные силы к советским границам для очищения пограничных районов от мятежников». Иными словами, готовилось крупное наступление японских войск, и Квантунская армия выходила к советским границам на всём протяжении от Забайкалья до Владивостока.

На следующий день Кавабэ отправил две телеграммы начальнику штаба Квантунской армии. В конце апреля и в мае он отправил также три телеграммы помощнику начальника генштаба. Все эти документы были перехвачены, расшифрованы и доложены Кагановичу и членам Политбюро. Военный атташе внимательно следил не только за событиями и обстановкой в Москве, что он обязан был делать по своей должности, но и за обстановкой в самой Японии.

В своих телеграммах начальнику штаба Квантунской армии он, в частности, отмечал: «...2) Можно считать, что СССР уже отказался от мысли распространить своё политическое влияние на северную Маньчжурию. Но что касается оставления в своих руках КВЖД, то будет правильно считать, что Советский Союз по-прежнему проявляет большую привязанность к этой дороге... Я полагаю, исходя из внутренней и внешней ситуации, что программа действий Вашей армии сводится к тому, чтобы как можно меньше нервировать Советский Союз и сводить к минимуму угрозу в отношении советских границ. Коль скоро существует такая линия поведения, мы должны декларировать перед всем миром смысл акций японских войск и заставить представителей советского правительства ясно понять нашу линию». И в конце телеграммы добавлял: «Выражаю пожелание, чтобы все наши военно-оперативные мероприятия гармонизировали бы с этой декларацией» (60).

Оценки были высказаны трезвые и соответствовали реальному соотношению сил между двумя государствами в то время.

В телеграмме от 20 апреля, направленной в Токио, он приводит мнение сотрудника английского генштаба: «Генштаб Англии, считая, что СССР не предпримет никаких активных мер, если только Япония не вызовет его на войну, по-прежнему оптимистически оценивает существующую ситуацию». А в телеграмме от 31 мая, также направленной в Токио, он говорил о публикациях в японской печати, отмечая, что представители советского правительства

весьма чутко реагируют на все заявления японских политических деятелей и на высказывания в прессе относительно японо-советских отношений. Предложения Кавабэ были весьма разумными: «...Исходя из этого считаю, что если наше правительство, руководя прессой, искусным образом смягчит тон японской печати в отношении СССР, то это даст весьма разительный эффект наряду со спокойными и в то же время твёрдыми декларациями японского правительства».

Но это была информация политической разведки. А что сообщала военная разведка, каковы были оценки Разведупра об обстановке в дальневосточном регионе к 1933 г. после захвата Квантунской армией всей Маньчжурии? Как в Москве определялась политика империи? И насколько эти оценки были точными?

27 ноября 1932 г. Разведупр выпустил очередную разведывательную сводку № 41. В разделе этого документа «Политика Японии по отношению к СССР на современном этапе» отмечалось, что напряжённое положение во взаимоотношениях Японии и СССР несколько сгладилось. Если в начале года эти отношения находились на грани вооружённого конфликта, то к концу года отмечается особо предупредительное отношение к официальным представителям СССР как в Японии, так и в Маньчжурии. Япония старается урегулировать все спорные вопросы о рыболовстве и внешне стремится показать свою заинтересованность в заключении пакта о ненападении. В сводке отмечалось, что японская пресса очень осторожно затрагивает вопросы внутренней и внешней политики СССР, не допуская резких выпадов, характерных для начала года. При этом открыто заявляется об отсутствии каких-либо причин в данный момент, которые могут вызвать вооружённое столкновение между СССР и Японией.

Агентурные данные, полученные из различных источников, указывали на то, что подобная политика Японии имеет основную цель замаскировать истинные намерения Японии – усыпить бдительность Советского Союза на Дальнем Востоке, иметь возможность серьёзно подготовиться для выполнения программы, заложенной в меморандуме Танака, и обеспечить условия для внезапного нападения. В сводке указывалось, что японские войска в Маньчжурии и Корее имеют 6 пехотных дивизий (2, 8, 10, 14, 19 и 20-я), две отдельные пехотные бригады, две кавалерийские бригады (1 и 4-я) общей численностью до 100 000 человек без тыловых и вспомогательных частей. Также на основании полученной агентурной информации установлено: японское командование считает, что без захвата Жэхэ немислимо начало военных действий против СССР, так как китайские войска в этой провинции будут постоянно угрожать Маньчжурии и затруднять разрешение вопроса о Внутренней и Внешней Монголии. Поэтому планы японского командования по захвату Жэхэ и созданию буфера в Северном Китае будут проведены до начала вооружённого столкновения Японии с СССР. На этом документе резолюция Егорова: «С. секр. Нач 1-го и 4-го Упр. Необходимо закончить и дать мне на подпись доклад Наркому о японской политике на Дальнем Востоке в отношении подготовки войны против нас. 23. 12. 32 г.». Информация военной разведки была точной, Япония начала оккупацию Жэхэ в январе 1933 г. и, конечно, учитывалась руководством страны при планировании мероприятий по дальнейшему усилению Дальнего Востока. В Москве понимали, что агрессия в западном направлении отвлечёт значительные силы Квантунской армии и ослабит напряжение на советско-маньчжурской границе.

В 1932 г. информация, получаемая высшим военным руководством и в первую очередь наркомвоенмором Ворошиловым из ОГПУ, имела большое значение. Все поступающие оттуда документальные материалы хранились в его секретариате в особой папке. 23 июня Ворошилов получил дешифрованную телеграмму из Токио, которая была послана японскому военному атташе в Москве. В телеграмме сообщалась дислокация частей Квантунской армии. В этот же день наркому были переданы задания, полученные японским военным атташе подполковником Кавабэ из разведотдела японского генштаба. Ему предписывалось изучать вопросы, связанные с развитием военно-воздушных сил СССР, систему организации, технические данные

самолётов и моторов, тактику действия авиационных частей. 10 июня наркому были посланы бюллетени японского генштаба по СССР за апрель и май 1932 г., а также сводки морского штаба Японии по СССР с имевшейся в Токио информацией об усилении советских военноморских сил на Дальнем Востоке (61).

В этих документах довольно точно фиксировались переброски сухопутных и воздушных частей Красной Армии на Дальний Восток из районов европейской части страны. Отмечались секретные источники (агентура) в Забайкалье и Приморье, которые сообщали о появлении в их районах новых частей. Отмечалась и информация, поступавшая из Москвы. Московские источники японской разведки были весьма осведомлёнными. От них поступала информация о числе стрелковых дивизий на Дальнем Востоке, их нумерации, фамилии командиров всех дивизий. Очень тесные контакты были у японских военных атташе в Варшаве и Риге с разведывательными отделами генштабов Польши и Латвии. В бюллетенях по СССР японского генштаба, которые получал японский военный атташе в Москве, и через Особый отдел ОГПУ Ворошилов, часто отмечалось, что разведывательная информация получена по данным польского или латвийского генштаба. Ценную информацию о Красной Армии получал японский военный атташе и из турецких военных кругов.

Некоторые сведения о частях Красной Армии на Дальнем Востоке были суммированы в «Военном бюллетене по СССР № 32 от 25 апреля 1932 г.». Перевод этого материала с грифами «Совершенно секретно» и «Документально» также был послан Ворошилову из Особого отдела 10 июня (62). Контрразведчики сработали оперативно, и ценная информация легла на стол наркома. В этом бюллетене наиболее полно была показана численность и дислокация советских войск на всей обширной территории от Иркутска до Владивостока.

Иностранные дипломатические представители в Москве в этом году внимательно следили за изменением военно-политической обстановки в дальневосточном регионе, строили свои прогнозы, высказывали свои суждения и, конечно, обменивались мнениями в разговорах друг с другом. Одно из таких мнений, зафиксированное в «Бюллетене по СССР № 4 от 22 февраля 1932 г.» (63), было доложено Ворошилову: «По словам представителя Чехословакии в Москве за последнее время не только в высших военных кругах Советского Союза, но и в партийных кругах всё чаще и чаще раздаются голоса с требованием поддержать престиж СССР и взять более твёрдый политический курс. Во главе этого движения стоят: Молотов (председатель СНК), Ворошилов (НКВМ), Енукидзе (видный партийный деятель), но Сталин (фактический диктатор), считаясь с общим положением страны и из соображений выполнения пятилетнего плана, возражает против твёрдой политики». Очевидно, в Токио серьёзно отнеслись к высказыванию чехословацкого представителя, если включили его мнение в бюллетень генштаба.

Во время конфликта на КВЖД в 1929 г. и в последующие годы на Дальнем Востоке был создан крупный центр агентурной разведки оперативно-тактического характера. ОКДВА была армией только по названию. Фактически в начале 30-х, когда началось усиление дальневосточных рубежей, это был очень крупный и по территории, и по количеству войск пограничный военный округ. В Хабаровске находилось командование и штаб армии, а в штабе – разведывательный отдел., замаскированный под номером четыре по аналогии с 4-м Управлением Штаба РККА.

Летом 32-го Берзин назначил в Хабаровск своего соотечественника Августа Гайлиса на должность начальника разведотдела штаба армии. Помощником Гайлиса Берзин подобрал тоже латыша, но постарше и поопытнее. Христофор Салнынь родился в Риге в 1885 г., а в РСДРП вступил в 1902-м. Такого партийного стажа не было ни у кого в военной разведке. Участник первой русской революции, из-под ареста бежал, и с 1908 по 1920 г. – в эмиграции. В 1920-м выехал на Дальний Восток на разведывательной работе в Китае находился до 1923 г. В 1923-м переброшен в Германию. Готовился «германский Октябрь», и в эту страну направ-

ляли тех, кто имел боевой и революционный опыт. Того и другого у Салныня было в избытке, и он занимался созданием нелегальной боевой организации Компартии Германии, организацией «красных сотен» в Тюрингии и сети подпольных складов оружия. В 1926–1929 гг. опять на Востоке – резидент в Китае. Участник конфликта на КВЖД – руководитель диверсионной работы в тылу китайских войск. В 1930–1932 гг. – разведывательная работа в странах Центральной и Восточной Европы. В декабре 1931-го в очередной аттестации Берзин так характеризовал этого крупного и опытнейшего разведчика: «Весьма опытный и развитый работник разведки. Общая подготовка средняя, специальная военная – слабая. Специализировался по вопросам партизанской войны и подрывного дела. Обладает твёрдым характером и сильной волей. В трудных условиях не теряется, обладает большим мужеством и личной храбростью. Быстро ориентируется в обстановке и быстро принимает решения. Умеет управлять людьми и подчинять их своей воле. Любит дисциплину и сам дисциплинирован. С подчинёнными тактичен, пользуется авторитетом и любовью...» (64).

Со времён Российской империи пограничные военные округа имели свою агентурную сеть на территории сопредельных стран. Эта сеть обслуживала территорию в тактической зоне на глубину до 250 км. И отслеживала все изменения в пограничных гарнизонах и крепостях, а также внимательно следила за развитием железнодорожного строительства, которое велось по направлению к границам империи. Под пристальным наблюдением агентуры были также перемещения войск в пограничных районах. В результате такой деятельности в штабах пограничных округов хорошо знали обо всём, что происходило за линией границы. После окончания Гражданской войны и установления границ на западе и востоке Разведупр взял на вооружение этот уже проверенный метод наблюдения за погранзоной возможных противников. Это была обычная практика повседневной разведывательной работы в мирное время. Такая система давала обильную информацию, которая учитывалась в Москве, существенно дополняя информацию стратегической военной разведки, а иногда и заменяя её, когда такая информация отсутствовала.

Разведотдел штаба ОКДВА не составлял исключения. После начала японской агрессии в Маньчжурии к уже имевшейся агентуре военной разведки в этом регионе добавляются новые резидентуры и агентурные сети. Идёт не только наблюдение за усилением и перемещением частей Квантунской и Корейской армий, но и проникновение в структуру японских военных органов на азиатском континенте. Информационный сектор отдела очень внимательно отслеживал всю иностранную прессу, которая поступала в Хабаровск из многочисленных советских консульств в Маньчжурии, Корее и Японии. Вся собранная информация систематизировалась и анализировалась в военно-политических бюллетенях разведотдела. Это позволяло командованию ОКДВА, и в первую очередь Блюхеру, быть в курсе политических и военных событий в дальневосточном регионе.

Коминтерн против Японии

В 32-м, когда события на Дальнем Востоке развивались по нарастающей и части Квантунской армии продвигались на север к Амуру и Уссури, в тайную войну в этом регионе вмешалась ещё одна сила. Рука об руку с обеими разведками пыталась начать действовать третья сила – партийная разведка Коминтерна. Отдел международных связей (ОМС), успешно работавший в Европе и Китае, решил начать действовать и против Японии. Вот только несколько документов, выявленных в фонде Коминтерна.

В 32-м в Москве считали угрозу войны на Дальнем Востоке вполне реальной. И в Исполкоме Коминтерна подготовили к 12-му пленуму специальный документ: «Проект резолюции о дальневосточной войне и о задачах коммунистов в борьбе против империалистической войны и военной интервенции». При этом, как и в 31-м, главным врагом по-прежнему считалась Франция. Антифранцузские тенденции во внешней политике и «угроза войны со стороны Франции», определённые процессом «Промпартии», продолжали действовать в полной мере. Для большей убедительности Францию объявили союзницей Японии, которая готова ударить с Запада в то время, когда Япония нанесёт удар на Дальнем Востоке. Вот только один пассаж из этого документа: «...Прошедшее при полной поддержке Франции нападение японских империалистов на Китай является началом новой мировой империалистической войны. Японский империализм выступает в военно-политическом союзе с международным жандармом версальской системы, с главным подстрекателем и организатором империалистической войны и интервенции в СССР, с французским империализмом. Совместными силами они готовятся взять в клещи с Запада и Востока СССР...»

Проект резолюции о дальневосточной войне был датирован 6 августа. Интересно, что в этот же день в Париже полпред СССР Довгалецкий беседовал с премьером Франции Эррио. В беседе затрагивались переговоры между Францией и СССР о заключении пакта о ненападении. Премьер сообщил полпреду, что кабинет министров единогласно поручил ему и министру торговли Дюрану заключить пакт и торговое соглашение. Пакт о ненападении между двумя странами был подписан в ноябре 32-го. Вот такие странности. Или коминтерновские чиновники не знали истинного состояния советско-французских взаимоотношений, а должны были знать, либо сознательно нагнетали антисоветскую истерию. Очевидно последнее. В документе отмечалось, что страна строящегося социализма одержала решающие победы, а капиталистический мир, вследствие мирового экономического кризиса, откатился назад на целые десятилетия. Вывод: «Вследствие этого империалистические державы, и в первую голову Франция и Япония, заключившие уже военно-политический союз, прилагают все усилия, чтобы реорганизовать, расширить, укрепить антисоветский блок, чтобы нанести решительный военный удар базису мировой пролетарской революции, чтобы уничтожить первое в мире рабочее государство...» Для большей солидности к Франции и Японии составители добавили и остальные страны.

Вот ещё одна выдержка из этого документа: «...Английский империализм поддерживает все планы интервенции в СССР и организует её на Ближнем и Среднем Востоке. США пытаются спровоцировать японо-советскую войну, чтобы, ослабив обеих противников, укрепить своё положение на Тихом океане. В Польше, Румынии и прибалтийских странах военные приготовления под руководством французского генерального штаба идут с максимальной напряжённостью. Очагом военной интервенции в настоящее время является Маньчжурия, которая превращена усилиями японского империализма при поддержке Франции в плацдарм для нападения на СССР. На восточных и юго-восточных границах СССР империалисты также пытаются создать базис для диверсионных выступлений против СССР (Тибет, Афганистан, Синцзян и т. д.).

Составителей проекта резолюции не смущало то, что с Финляндией договор о ненападении был подписан в январе, с Латвией – в феврале, а с Эстонией – в мае 1932 г. Свалив в одну кучу оборону Шанхая частями китайской армии, партизанское движение в Маньчжурии, успехи индустриализации в СССР, а также «бдительность трудящихся СССР, сплотившихся вокруг советской власти под руководством ВКП (б), авторы пришли к выводу: «...растущая революционная активность трудящихся масс всего мира отсрочила вооружённое нападение на СССР Франции и её вассалов с Запада. Однако эту отсрочку только оппортунисты могут рассматривать как ослабление опасности военной интервенции против СССР. Над СССР нависла и висит непосредственная угроза новой интервенции».

В общем, война на пороге, интервенция грозит первому в мире социалистическому государству, и поэтому коммунисты и трудящиеся всех стран вставайте, сомкнув ряды, на защиту СССР. Но в Европе, особенно после заключения договоров о ненападении между Советским Союзом, его западными соседями и Францией, всё было спокойно. Никто не бряцал оружием, не проводил мобилизаций и не собирался в крестовый поход. Франция не заключала никакого военного союза с Японией, не собиралась брать в клещи СССР, а её военные планы, по заключению аналитиков советской военной разведки, были сугубо оборонительными. В 1932-м никакой войны на европейском континенте не пахло.

После такого вступления в документе даются основные тезисы к руководству для компартий разных стран. Но и в тезисах мелькает так полюбоившееся в Москве слово «интервенция». 12-й пленум ИККИ считает важнейшей задачей всех компартий организацию борьбы «за защиту Китая, за защиту СССР против интервенции». Конец относительной стабилизации «знаменует собою ускоренное приближение новых войн и интервенции», вся международная обстановка в любой момент может разразиться военным столкновением, утверждается в тезисах, и конечно же, «всякая недооценка военной опасности, всякая оппортунистическая пассивность отражает влияние социал-демократии и пацифизма на коммунистов».

После составления и принятия подобных деклараций в штабе мировой революции перешли к составлению более конкретных документов с рекомендациями для действий компартий в случае начала войны. Уже после пленума ИККИ была составлена «Краткая записка о задачах и формах активного содействия СССР на случай войны с западными сопредельными странами». Но хотя в записке говорилось о действиях компартий в случае войны в Европе, такие же планы разрабатывались и на случай войны с Японией. Действия компартий были одинаковыми и на Западе, и на Востоке. В записке отмечалось, что общему напряжению сил противника недостаточно будет противопоставить напряжение только одного СССР, необходимо участие рабочего класса и крестьянства воюющих с СССР стран в практической борьбе. Такая совместная борьба вместе с действиями Красной Армии обеспечила бы, по мнению авторов записки, победу в предстоящей вооружённой схватке.

А дальше уже следовали практические рекомендации по действиям в тылу противника: «...во-первых, нарушение оперативных планов и мобилизационного развёртывания противника, во-вторых, подрыв его материально-технической базы и, в-третьих, максимальное содействие развязыванию внутренних противоречий в стране противника в социальном и национальном направлениях». Для осуществления этих мероприятий предлагалась организация забастовок и саботажа на военных и промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте, а также разрушение путей сообщения и средств связи. Предусматривались также взрывы военных складов. В общем, обычная диверсионная деятельность, так хорошо знакомая по годам Гражданской войны и первым послевоенным годам активной разведки, когда диверсионные отряды действовали на территории Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Болгарии.

В этом же документе определялись и задачи. Причём задачи как в мирное время (подготовительный период), так и в военное время (период действий). До начала войны предусмат-

ривались подбор и подготовка людей в первую очередь из рабочих и крестьян, а также использование национальных противоречий и национально-освободительного движения. Считалось, что, используя это движение, «можно достигнуть гораздо больших результатов, чем на фоне классовой борьбы». В Москве полагали, что умелый подход к национальному вопросу в таких странах, где национальные меньшинства играют крупную роль, может создать кроме возможности организации восстаний базу для выполнения отдельных диверсионных задач в военное время.

В мирное время предусматривалось также и изучение объектов, на которых предстояло действовать во время войны. Всё, что должно было быть выведено из строя, взорвано и уничтожено, тщательно изучалось ещё в мирное время. Сюда входило изучение важнейших стратегических железнодорожных магистралей и крупных морских портов, военных заводов и складов, а также промышленных предприятий, которые будут играть главную роль в случае войны в деле снабжения армий. Иными словами, в мирное время должна вестись тщательная и всесторонняя разведка всей страны, определявшей как вероятный противник в будущей войне. И, конечно же, накопление ещё в мирное время необходимых средств на территории будущего противника. Имелись в виду запасы стрелкового оружия и, конечно же, взрывчатки для подрыва объектов железнодорожного транспорта, складов и вывода из строя телефонной и телеграфной связи.

Предусматривалось, что с приближением войны необходимо будет организовать активные выступления: массовые протесты, демонстрации и забастовки. А к моменту развёртывания армий противника переходить к актам саботажа, крестьянским вооружённым выступлениям, партизанским действиям и национальным революциям. В записке отмечалось: «Перечисленные выше формы активного содействия Красной Армии являются основными формами, которые нужно заранее организационно подготовить и планомерно осуществить».

«Краткая записка...» с грифом «Сов. секретно» была общей директивой для разработки более конкретных рекомендаций для каждой страны, которая могла рассматриваться как возможный противник в будущей войне. Это относилось не только к будущим противникам на Западном театре военных действий, но и к дальневосточному региону. Были составлены подробные карты с обозначением важнейших стратегических объектов для уничтожения в Корее, Маньчжурии и в самой Японии. К картам по каждой стране прилагались объяснительные записки. Очевидно, для конспирации все разведывательные, диверсионные и партизанские действия на территории соседних стран и в мирное, и в военное время именовались антивоенными действиями.

Вот некоторые выдержки из «Объяснительной записки к объектам антивоенных действий в Японии». «Зависимость от импорта горючего и боязнь быть отрезанными от источников импорта в военное время заставляет Японию накапливать громадные запасы нефти и прочих нефтепродуктов уже в мирное время. Большая часть этих нефтепродуктов размещается в крупных нефтехранилищах». По имевшимся в Москве данным, 80 % запасов нефти принадлежали морскому ведомству и были сосредоточены в 11 нефтехранилищах, из которых 6 были расположены под землёй. Эти хранилища, по мнению авторов записки, «всегда остаются уязвимыми и представляют прекрасные объекты для действий антивоенных сил». Основной вывод: «Разрушение (поджог) крупнейших нефтехранилищ может парализовать действия новых боевых средств (авиация, танки) и морского флота, особенно если оно будет комбинировано с подводной блокадой Японии».

Диверсии на крупных хранилищах горючего являлись основными в действиях «антивоенных» сил. Вторыми по значению и уязвимости для диверсионной деятельности считались транспортные системы Маньчжурии, Кореи и самой Японии. В записке отмечалось: «Важнейшие железные дороги в самой Маньчжурии проходят по районам, охваченным широким партизанским движением, и уже теперь являются важнейшим объектом действий антияпонских сил.

В военное время они представляют прекрасный объект для антивоенных действий». Очень перспективным для диверсионных действий в военное время считались порты в Японии, Маньчжурии и Корее, а также железные дороги Кореи и самой Японии. Большое значение придавалось разрушению линий связи и высоковольтных линий электропередачи, снабжающих электроэнергией крупные индустриальные центры на японских островах.

Баланс сил к 1933 году

Что представляла армия возможного противника на Востоке? После начала агрессии в Маньчжурии в информационно-статистическом отделе Разведупра была создана специальная группа, которая занималась сбором, систематизацией и анализом всей поступающей в Управление информации о вооружённых силах империи. При этом в первую очередь собиралась информация о японской армии. Использовалась вся открытая литература, информация, получаемая от агентуры военной разведки в Маньчжурии, а также материалы, получаемые из других источников, в том числе и от «соседей» – политической разведки (ИНО ОГПУ). Всё это позволяло иметь достаточно полное представление о том, с кем придётся столкнуться в случае резкого обострения обстановки на Дальнем Востоке.

2 января 1933 г. информационно-статистический отдел Управления разослал основным отделам Штаба РККА аналитическую справку о перспективных планах и расчётах японского генштаба. В этом документе на основе имеющейся в Управлении информации давалась численность и вооружение японской армии мирного и военного времени. В документе отмечалось, что в военное время пехотные части утраиваются и доводятся до штатов военного времени. Общее число дивизий доводится до 51, из них 35 перво- и второочередных и 16 резервных. В мирное время японская армия имела 17 пехотных дивизий. Общая численность стрелковых войск, по подсчётам аналитиков разведки, должна была составить в военное время 808 380 человек. Стратегическая конница в военное время удваивается, составляя 8 кавалерийских бригад, и доводится до штатов военного времени. Её общая численность должна была составлять 54 940 человек. В каждой кавалерийской бригаде предусматривалось иметь автобронедивизион в составе 20 бронемашин и 20 мотоциклов с калясками и пулемётами (65).

В военное время утраивалась и артиллерия. 15 артиллерийских полков лёгкой полевой артиллерии мирного времени развёртывались в 31 полк первой и второй очереди и 14 полков третьей очереди с общей численностью в 86 030 человек. Полевая тяжёлая артиллерия в военное время утраивается из 8 полков мирного времени в 16 полков 150-мм гаубиц и 6 полков 105-мм пушек. При этом пушечные полки должны быть полностью переведены на механическую тягу. Все гаубичные и пушечные полки должны иметь 66 530 человек. Артиллерия РКК имеет на вооружении гаубицы крупного калибра, которые перевозятся на механической тяге в разобранном виде и 150-мм пушки. Эта артиллерия в военное время развёртывается в 12 дивизионов с общей численностью в 19 500 человек. Зенитная артиллерия в военное время развёртывается в 3 полка и 16 дивизионов с общей численностью в 29 410 человек (66).

Развитию бронетанковых войск в Японии придавалось особое значение. И это было вполне естественно, так как в начале 30-х эти войска бурно развивались во всех крупнейших странах мира. Но здесь возможности империи были весьма скромными, так как её танковая промышленность только начинала развиваться и до крупносерийного производства современной, по тем временам, бронетанковой техники было ещё далеко. Танковые части в военное время развёртывались в 26 танковых батальонов. Из них 6 батальонов должны были войти в состав двух механизированных бригад, формирование которых предусматривалось в 1933 г. Общая численность – 1156 лёгких и средних танков и 6090 человек личного состава. Бронеавтомобильные части в военное время развёртывались в 19 автобронедивизионов. Из них 8 должны были входить в состав кавалерийских бригад стратегической конницы, а 11 поступали в распоряжение армейского, фронтового и главного командования. В этих частях предусматривалось иметь 570 бронеавтомобилей и 3630 человек.

В военное время предусматривалось развёртывание 12 отдельных батальонов связи, которые должны были предоставляться армиям, фронтам и главному командованию. Железнодорожные войска удваивались и доводились до 16 железнодорожных батальонов для эксплуата-

тации главных участков железных дорог в основном на маньчжурском театре. Существовавшие в армии мирного времени 17 инженерных батальонов, входившие в состав пехотных дивизий, утраивались и развёртывались в 43 батальона по одному на каждую пехотную дивизию армии военного времени. Общая численность войск связи, железнодорожных и инженерных войск армии военного времени по расчётам аналитиков Разведупра составляла 66 000 человек.

Численность ВВС определялась в 109 авиационных рот (истребители, разведчики и бомбардировщики). При этом учитывалось интенсивное развитие самолётостроения в Японии в 1932 г. и возможность увеличения авиации в армии военного времени. Общее число самолётов аналитики определяли в 1800 боевых машин при численности личного состава в 20 500 человек. В армию военного времени включались также обозные части численностью в 150 000 человек и санитарные части и учреждения общей численностью 218 000 человек. Общая численность армии военного времени империи определялась в 60 000 офицеров, 184 000 унтер-офицеров и 1620 тысяч рядовых (67).

Конечно, ни в Хабаровске, ни тем более в Москве не предполагали, что в случае возможной войны почти двухмиллионная армия империи будет брошена к советским дальневосточным границам. Какие-то части останутся на островах, в Корее, на Формозе. Но и того, что будет сосредоточено против границ Союза, будет достаточно для того, чтобы вооружённый конфликт был долгим и тяжёлым. Поэтому противостояние на дальневосточных границах продолжалось и в последующие годы.

Примечания

1. Подробно об этом: *Асик М.* Вооружённые силы Японии. М., 1934.
2. Документы внешней политики. Т. 14. С. 529.
3. РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 278. Л. 131.
4. Там же.
5. Там же. Л. 133.
6. Там же.
7. РГА. Фонд Токийского трибунала. Приговор.
8. *Буйманов Н.С.* Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае. М., 1940. С. 15.
9. РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.
10. Там же. Л. 36.
11. *Сапожников. Б.Г.* Китай в огне войны. М., 1977. С. 28.
12. Там же.
13. Документы внешней политики. Т. 14. С. 529.
14. Там же. С. 542.
15. Там же. С. 559–561.
16. РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 266. Л. 51.
17. Там же. Л. 58.
18. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 48–49.
19. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 1–9.
20. РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 278. Л. 149.
21. Там же. Л. 170–171.
22. РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 278. Л. 177.
23. Там же. Л. 182.
24. Там же. Л. 213.
25. Там же.
26. Там же. Л. 417.
27. Там же.
28. РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 289. Л. 4.
29. Там же. Л. 5.
30. Там же. Л. 8.
31. Там же. Д. 279. Л. 5.
32. Там же. Л. 9.
33. Там же. Л. 10.
34. Там же. Л. 16.
35. Там же. Л. 475.
36. ГРУ. Дела и люди. С. 289–290.
37. *Буйманов Н.С.* Указ. соч. С. 114–115.
38. РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 279. Л. 232.
39. *Буйманов Н.С.* Указ. соч. С. 114–115.
40. РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 61. Л. 38.
41. Из исторической справки к фонду 32114 РГВА.
42. РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 791. Л. 45–48.
43. Там же. Л. 23.
44. Там же. Д. 928. Л. 4.
45. РГВА. Ф. 31983. Оп. 22. Д. 974. Л. 20 и 24.

- 46.** РГВА. Ф. 33987. Оп.3. Д.403. Л. 10–12, 24, 50–52.
- 47.** РГВА. Ф. 33879, Оп. 1. Д. 566. Л. 1.
- 48.** Там же. Л. 2–3.
- 49.** РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 39. Л. 131.
- 50.** РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 586. Л. 164.
- 51.** РГВА. Ф. 31811. Оп. 12. Д. 562. Л. 112.
- 52.** РГВА. Ф. 40442. Оп.1а. Д. 791. Л. 60–61.
- 53.** РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 61. Л. 38.
- 54.** РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 38. Л. 1.
- 55.** Там же. Л. 123.
- 56.** Там же. Л. 131–132.
- 57.** Там же. Л. 65.
- 58.** РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 76.
- 59.** Там же. Л. 78.
- 60.** Там же. Л. 81.
- 61.** РГВА. Ф. 4. Оп.19. Д. 13. Л. 10–12 и 18.
- 62.** Там же. Л. 21.
- 63.** Там же. Л. 113.
- 64.** Лёд и пламень. Сборник. Владивосток, 1976.
- 65.** РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 828. Л. 5–7.
- 66.** Там же. Л. 8–9.
- 67.** Там же. Л. 10–11.

Глава вторая

Противостояние (1933–1935 годы)

1933 год

К 1933 г. Маньчжурия была полностью захвачена частями Квантунской армии. И началось вооружённое противостояние двух сил. Япония создавала плацдарм на азиатском материке, готовясь к будущей схватке за господство в Азии. На территории «независимого» государства строились аэродромы, способные принять тысячи самолётов из метрополии. Новые военные городки могли вместить дивизии императорской армии, перебрасываемые с японских островов. Новые железные и шоссейные дороги тянулись к Забайкалью, Амуру и Приморью. На другом берегу Амура и Уссури делали то же самое. В тайге строились аэродромы, на которые перебрасывались истребительные и бомбардировочные авиабригады из европейской части Союза. В построенных военных городках размещались прибывшие из других районов страны пехотные и кавалерийские части. По Транссибирской магистрали на Восток шли эшелоны с новейшей боевой техникой. Для удобства развёртывания армии в случае войны к границе прокладывались железнодорожные ветки и грунтовые дороги. Шло негласное соревнование между двумя странами – кто сделает больше. Больше построит аэродромов, казарм и дорог, больше сосредоточит военной техники и войск. В чью пользу будет баланс сил в этом регионе. Казалось бы, создав паритет, достигнув равновесия в силах на Дальнем Востоке, можно было остановиться, отдышаться, более спокойно подумать о будущем. Но об этом не думали ни в Токио, ни в Москве. В Токио мечтали о будущих захватах, а в Москве о реванше за разгром в Русско-японской войне.

И в этом соревновании островная империя проигрывала. Советский Союз захватил инициативу, создав перевес сил и в войсках, и особенно в средствах подавления: артиллерии, авиации и танках. И эту инициативу он не выпускал из своих рук до августа 45-го, когда загремели первые залпы советско-японской войны.

В июле 1933 г. губернаторы японских префектур на одном из совещаний внимательно слушали выступление военного министра генерала Араки. Речь была чрезвычайно важной. Министр, выражавший взгляды наиболее агрессивных и экспансионистских кругов армии, развивал перед губернаторами внешнеполитическую программу японской военщины. Высказав намерение осуществить вооружённое завоевание Японией Восточной Азии, не забыл оратор и своего дальневосточного соседа. «Япония должна неизбежно столкнуться с СССР, – заявил он. – Поэтому для Японии необходимо обеспечить себе путём военных методов территории Приморья, Забайкалья и Сибири».

В этой речи Араки высказался также по вопросу о «национальной обороне», осуществление которой позднее стало основным принципом экспансионистской внешней политики Японии. По словам генерала, национальная оборона не должна ограничиваться обороной самой Японии, она должна включать в себя завоевание других стран путём применения вооружённой силы.

Но генерал не ограничивался одними только выступлениями на официальных совещаниях. В том же году в своей статье «Миссия Японии в эру Сёва» он призывал к оккупации Внешней Монголии, как тогда называли в иностранной прессе МНР. Он заявил, что «Япония не желает, чтобы такой неопределённый район, как Монголия, существовал около сферы её влияния. Монголия обязательно должна быть Монголией Востока». В беседе с корреспондентом газеты «Геральд Трибюн» 28 августа 1933 г. Араки угрожал нашей стране «ударом со сто-

роны Японии» (1). Последовал ли новый дипломатический демарш со стороны советского полпреда или он махнул рукой на очередное выступление воинственного генерала – неизвестно.

Английский военный атташе в Токио Джеймс в своей записке в Лондон, датированной 21 октября 1933 г., отмечал, что военные круги, которые представляет Араки, считают, что лучше «начать войну против России раньше, чем позже». Американский посол в Токио Грю также писал 18 июля 1933 г., что, по его мнению, Япония может принять решение «выступить прежде, чем Советская Россия станет сильнее» (2).

Показательно в этом плане донесение в Берлин германского военного атташе в Москве полковника Гартмана после его беседы 20 ноября 1933 г. со своим японским коллегой. В донесении полковник отмечал, что если верить высказываниям японского военного атташе, Япония может начать военные действия против СССР уже весной 1934 г. По его мнению, удар должен был наноситься через Монголию на Иркутск, то есть в обход группировки советских войск, сосредоточенной в Забайкалье. В своём следующем донесении от 10 января 1934 г. Гартман также указывал на то, что Япония намечает «вооружённое столкновение с Россией» и что японская армия «считает себя достаточно сильной для вооружённого столкновения с Советским Союзом». По его наблюдениям, в Японии господствует убеждение, что «конфликт неизбежен и затяжка только осложнит положение».

К 1933 г. военно-политическое положение Японии значительно изменилось. Обширная территория трёх китайских провинций, на которых было создано «независимое» государство, находилась в полном подчинении штаба Квантунской армии. Первая фаза знаменитого меморандума Танака, предусматривающая захват Маньчжурии, была выполнена. В точном соответствии с основными положениями этого документа началось планирование следующих этапов агрессии на континенте. Офицерам генштаба и штаба Квантунской армии уже виделись новые обширные территории, по которым, почти не встречая сопротивления, маршируют солдаты императорской армии.

Но это пока были только пожелания. Военные спорили, определяя возможные сроки начала будущей войны. И здесь не было единодушия. В июне 1933 г. проводилось очередное совещание руководящего состава сухопутных войск. И здесь, конечно, не обошлось без военного министра. Генерал настаивал на том, чтобы империя готовилась в первую очередь к войне с Советским Союзом, для того чтобы напасть в 1936-м. Раньше, очевидно, не получалось. Генералы Нагата и Тодзио считали этот срок нападения нереальным и требовали более основательной подготовки. Тодзио утверждал на совещании, что «Япония должна собрать воедино все ресурсы жёлтой расы и подготовиться для тотальной войны». Его поддерживал генерал Нагано, заявляя: «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии». Иными словами, нужно было захватить центральные районы Китая, создать солидную военно-экономическую базу в Маньчжурии и реорганизовать армию, оснастив её новейшей военной техникой. Это был более реалистичный подход к проблеме войны с Советским Союзом. Но он был невыполним к 1936 г. Нужно было выиграть время, а для этого оба генерала предлагали возобновить переговоры с СССР о заключении договора о ненападении.

Очередной вариант уточнённого и детализированного плана «ОЦУ» был разработан уже в 1933 г. Для ведения войны против СССР предполагалось сформировать 24 дивизии, оснащённые новейшей военной техникой. Войну планировалось начать с удара в восточном направлении, чтобы отрезать, а затем захватить советское Приморье. После того как эта операция успешно завершится, ударная группировка японских войск должна была нанести удар в северном направлении, выйти к южному берегу Байкала, перерезать Транссибирскую магистраль и овладеть всем Дальним Востоком. Но для 1933 г. такие расчёты хорошо выглядели на бумаге. В реальности разместить 24 дивизии с соответствующими силами авиации на необорудованном

и неподготовленном маньчжурском театре в 1933 г. было невозможно. Для этого нужно было строить и строить: железные и шоссейные дороги, казармы и склады, завезти огромное количество запасов и создать мощную аэродромную сеть. Поэтому план «ОЦУ» образца 1933 г. был очередной штабной разработкой – не более. Ничего реального за ней не стояло и ей пришлось пылиться в архиве до лучших времён.

* * *

Для начала 30-х было естественно, что оперативные планы для разных театров военных действий разрабатывались в штабах пограничных военных округов. В Тбилиси – штабе Закавказского военного округа, разрабатывались варианты оперативных планов войны с южными соседями: Турцией и Ираном. В Ташкенте – штабе Среднеазиатского военного округа – варианты планов войны с Ираном и Афганистаном. При этом в штабах никого не смущало, что с этими странами были нормальные дипломатические, а с Афганистаном и дружественные отношения. Штабные работники оттачивали своё оперативное мастерство, желая иметь в сейфах готовые оперативные документы на все случаи жизни. Такая же обстановка была и в Хабаровске. Начальник штаба ОКДВА становился в военное время начальником штаба Дальневосточного фронта. Ему и была поручена разработка записки по плану операции на случай войны с Японией. Документ был составлен в соответствии с общим оперативным планом 1933 г. по мобилизационному расписанию № 15 как вариант «ДВ-2».

В 1933 г. сил на Дальнем Востоке было ещё мало и, конечно, все оперативные разработки будущего штаба фронта были оборонительными. Основная задача фронта – оборонять территорию Дальневосточного и Восточно-Сибирского края и поддерживать революционный порядок на территории фронта. Очевидно, обстановка в этом регионе в связи с коллективизацией была весьма напряжённой, и войска фронта должны были выполнять также и карательные функции. Правый фланг войск фронта должны были прикрывать кавалерийские дивизии армии МНР, очень слабые и малочисленные по сравнению с частями японской армии. Они должны были оборонять территорию своей республики, обеспечивать правый фланг 13-й армии и действовать в направлении на Хайлар.

По данным 4-го Управления Штаба РККА, Япония перебросила в Маньчжурию более трети своих вооружённых сил мирного времени. Там находится около семи пехотных дивизий из 21 – 6, 8, 10, 14, 19, 20-я дивизии, одна пехотная бригада 7-й пехотной дивизии, 1-я и 4-я отдельные кавалерийские бригады и отдельная охранная бригада Южно-Маньчжурской железной дороги. По тем же данным в военное время против Дальневосточного фронта могут быть сосредоточены до 37–40 пехотных дивизий, 8 кавалерийских бригад, 2 механизированных бригад и до 15 танковых батальонов РКК. К этому добавлялись 3 пехотные дивизии и 3 кавалерийские бригады армии Маньчжоу-Го.

Командование фронтом считало, что основные группировки японской армии в случае войны будут сосредоточены в Приморье (12–13 пехотных дивизий и 3 японские кавалерийские бригады) и в Забайкалье (до 15 пехотных дивизий, 5 кавалерийских и 2 механизированных японских бригад, не считая войск Маньчжоу-Го). Остальные силы могут быть разбросаны на сунгарийском и благовещенском направлениях и использованы для десантов в районах Владивостока и Северного Сахалина. Учитывался и вариант, при котором сосредоточение японской армии и начало военных действий было возможно без формального объявления войны, а десантные операции могли начаться в первые дни конфликта.

При таком количестве японских войск, которые могли быть сосредоточены в Маньчжурии, задачи войск фронта могли быть только оборонительными. Оборону фронта предполагалось строить на пограничных рубежах (строящихся укреплённых районах) по основным операционным направлениям. При этом оборона Маньчжурского направления возлагалась на 13-

ю армию в составе 6 стрелковых дивизий, одной механизированной бригады и одной кавалерийской дивизии. Оборона Приморья (иманского, гродековско, ольгинского и барабашского направлений) возлагалась на 14-ю армию в составе пяти стрелковых и одной кавалерийской дивизии, частей Гродековского УРа и Барабашского укрепленного сектора (3).

* * *

Во время конфликта на КВЖД в 1929 г. и в последующие годы на Дальнем Востоке был создан крупный центр военной разведки оперативно-тактического характера, ОКДВА была армией только по названию. Фактически в начале 1930-х, когда началось усиление дальневосточных рубежей, это был очень крупный и по территории, и по количеству войск пограничный военный округ. В Хабаровске находились командование и штаб армии, а в штабе разведывательный отдел, закамуфлированный под номером четыре по аналогии с 4-м Управлением Штаба РККА.

Летом 1932-го начальник Разведупра Берзин назначил в Хабаровск своего соотечественника Августа Гайлиса (Валина) на должность начальника разведывательного отдела штаба армии. Он родился в 1895 г. В РККА с 1918-го, в разведке с 1920-го. Вначале помощник заведующего разведкой 4-й армии, потом в Разведупре был заведующим сектором информационно-статистического отдела. В 1923-м оканчивает Военную академию и направляется на нелегальную работу в Латвию. С 1926 г. полем его деятельности становится Восток. В 1926–1927 гг. он секретарь Китайской комиссии Политбюро, а в 1930–1931 гг. был военным советником ЦК Компартии Китая. В 1931–1932 гг. был помощником начальника агентурного отдела Разведупра и с этой должности отправился в Хабаровск. На посту начальника разведки ОКДВА находился до апреля 1937-го, а потом был вызван в Москву и несколько месяцев до дня ареста 30 июля руководил 2-м восточным отделом Разведупра. Через три месяца 26 октября комбриг Гайлис был расстрелян. Оборвалась жизнь ещё одного крупного разведчика, так много сделавшего для военной разведки на Востоке.

Помощником Гайлиса Берзин подобрал также латыша, но постарше и поопытнее. Христовор Салнынь родился в Риге в 1885 г., а в РСДРП вступил в 1902-м. Такого партийного стажа не было ни у кого в военной разведке. Участник первой русской революции, из-под ареста бежал и с 1908 по 1920 г. в эмиграции. В 1920-м выехал на Дальний Восток. На разведывательной работе в Китае находился до 1923 г. В 1923-м переброшен в Германию. Готовился «Красный Октябрь», и в эту страну направляли тех, кто имел боевой и революционный опыт. Того и другого у Салныня было в избытке, и он занимался созданием боевых нелегальных организаций Компартии Германии, организацией «красных сотен» в Тюрингии и сети подпольных складов оружия. В 1926–1929 гг. опять на Востоке – резидент в Китае. Участник конфликта на КВЖД – руководитель диверсионной работы в тылу китайских войск. В 1930–1932 гг. – разведывательная работа в странах Центральной и Восточной Европы. С октября 1932-го помощник начальника разведотдела штаба ОКДВА. Потом в 1933–1935 гг. начальник сектора этого отдела и в 1935–1936 гг. опять помощник начальника отдела. После этого с февраля 1936 по июнь 1937 г. заместитель начальника спецотделения «А» (активная разведка) Разведупра и командировка в Испанию – советником 14-го партизанского корпуса до марта 38-го. Потом вызов в Москву, арест и расстрел 21 апреля 1938 г. В июле 56-го реабилитация.

Со времён Российской империи пограничные военные округа имели свою агентурную сеть на территории сопредельных стран. Эта сеть обслуживала территорию в тактической зоне на глубину до 250 километров и отслеживала все изменения в пограничных гарнизонах и крепостях, а также внимательно следила за развитием железнодорожного строительства, которое велось по направлению к границам империи. Под пристальным наблюдением агентуры были также и перемещения войск в пограничных районах. В результате такой деятельности в шта-

бах пограничных округов хорошо знали обо всём, что происходило за линией границы. После окончания Гражданской войны и установления границ на Западе и Востоке Разведупр взял на вооружение этот уже проверенный метод наблюдения за пограничной зоной возможных противников. Разведотделы западных пограничных округов: Ленинградского, Белорусского и Украинского «просматривали» территорию Финляндии, Прибалтики, Польши и Румынии, а южных округов: Закавказского и Среднеазиатского – пограничные районы Турции, Ирана и Афганистана. Это была обычная практика повседневной разведывательной работы в мирное время. На протяжении межвоенного двадцатилетия эта отработанная и проверенная десятилетиями система давала обильную информацию, которая учитывалась при боевой и организационной подготовке войск округов. Поступая в Москву, она существенно дополняла информацию стратегической военной разведки.

Разведотдел штаба ОКДВА не составлял исключения. После начала японской агрессии в Маньчжурии к уже имевшейся агентуре военной разведки в этом регионе добавляются новые резидентуры и агентурные сети. Идёт не только наблюдение за усилением и перемещением частей Квантунской и Корейской армий, но и проникновение в структуру японских военных органов на азиатском континенте. Информационный сектор отдела очень внимательно отслеживал всю иностранную прессу, которая поступала в Хабаровск из советских консульств в Маньчжурии, Корее и Японии. Вся собранная информация систематизировалась и анализировалась в военно-политических бюллетенях разведотдела. Это позволяло командованию ОКДВА и в первую очередь Блюхеру быть в курсе политических и военных событий в дальневосточном регионе.

Информация военной разведки, полученная от агентуры в Маньчжурии и Корее, дополнялась анализом иностранной прессы и информацией, полученной из Москвы. Всё это обобщалось в ежемесячных военно-политических бюллетенях, которые подписывал начальник 4-го отдела штаба ОКДВА Валин. Вот анализ только нескольких бюллетеней за 1933 г.

В бюллетене № 3 от 28 марта указывалась выявленная агентурой дислокация японских войск в Маньчжурии. На западной ветке КВЖД в Хайларе дислоцировалась 1-я кавалерийская бригада. В районе Цицикара – части и штаб 14-й пехотной дивизии. В Харбине располагался один из полков 10-й пехотной дивизии, остальные части дивизии находились на восточной ветке КВЖД от Мулина до станции Пограничная около советско-маньчжурской границы. Отмечалась также переброска из этих частей сводных отрядов в китайскую провинцию Жехэ, где в то время шли бои с частями китайской армии (4).

В бюллетене № 4 от 5 мая давалась оценка общей обстановки в Маньчжурии. Отмечалось, что там сейчас нет серьёзной организованной силы, которая могла бы иметь решающее значение в антияпонской борьбе. Все вооружённые формирования китайской армии или были разгромлены, или вытеснены на советскую территорию. Подчёркивалось, что это положение составляет важнейший момент для правильной оценки современной военной и политической обстановки в Маньчжурии и внешней политики японского империализма. Вся Маньчжурия и провинция Жехэ, захваченная в начале 1933 г. частями Квантунской армии и присоединённая к Маньчжоу-Го, находилась под полным контролем японских войск. В этом же бюллетене отмечалось, что части, выведенные из состава 14-й и 10-й пехотных дивизий, вернулись из Жехэ в Маньчжурию и обе дивизии уже в полном составе были сосредоточены в местах своей постоянной дислокации (5).

В бюллетене сообщалось, что с 28 марта по 1 апреля в Токио была проведена конференция командиров дивизий. Было решено переориентировать высший командный состав японской армии в связи с её реорганизацией и сложившейся международной обстановкой. С докладами на конференции выступили военный министр генерал Араки и заместитель начальника генштаба генерал Мадзаки. В бюллетене отмечалось, что информация о конференции была получена агентурным путём, хотя и не указывалось, получена она из Москвы или добыта аген-

турой разведывательного отдела. Мадзаки в своём докладе отмечал: «На отпущенные правительством средства в текущем году удастся перевооружить только часть дивизий, и полная реорганизация будет закончена только к весне 1935 г. ...» (6). В его докладе также было отмечено, что в связи с реорганизацией армии генштабом перерабатываются мобилизационные и оперативные планы. На конференции также была признана недостаточность информации о Советском Союзе и её неточность. Поэтому было решено усилить разведку СССР по линии военных атташе, консульств и другими способами, как в самой стране, так и за её пределами. Как видно, информация о конференции была достаточно подробной. Может быть, отчёт о конференции был послан и в Харбинскую военную миссию, где у военной разведки были агентурные возможности? Возможно, но это следует отнести к разряду предположений автора, документальных доказательств нет.

К лету 1933 г. в Японии уже достаточно серьёзно воспринимали угрозу воздушного нападения на острова со стороны Японского моря в случае конфликта с Советским Союзом. В том же бюллетене отмечалось: «По агентурным данным в районе плоскогорий и в районе Японских Альп проводятся большие работы по созданию оборонительной базы для защиты от воздушного нападения со стороны Японского моря. В этих горных районах устанавливаются звукоуловители, зенитные орудия, строятся посадочные площадки, ангары для истребительной авиации. Построена горная дорога для перевозки орудий. Районы засекречены и на их границах расставлены посты» (7).

Более подробно оценка международного положения Японии и подготовка её к войне была дана в следующем номере бюллетеня (№ 5 от 5 июня 1933 г.). В нём отмечалось, что «по совершенно проверенным агентурным данным, часть японских руководящих военных кругов в начале мая считали возможным прибегнуть к военной силе в случае невыполнения нами требований Маньчжоу-Го по вопросу о КВДЖ» (8). Такая антисоветская активность Японии, по мнению разведотдела, питалась в значительной степени возросшими надеждами на ухудшение международного положения Советского Союза. В особенности японские военные круги возлагали надежды на поддержку Англии и на использование антисоветских настроений, развязанных в Германии гитлеровским переворотом. В Японии планировали возрождение англо-японского союза, который помог Японии в Русско-японской войне. Но это были только японские пожелания.

В бюллетене указывалось, что задача дипломатической изоляции СССР и сколачивание антисоветского блока не может ещё считаться решённой. Отмечалось также, что среди японской военщины растёт убеждение в том, что военная мощь СССР выросла, поэтому задача войны один на один против СССР может оказаться для Японии непосильной. Это начали понимать даже в высших кругах Японии. В бюллетене приводилась информация, полученная по агентурным каналам: командующий Квантунской армией генерал Мута высказал перед правительством ту точку зрения, что хотя СССР и переживает некоторые внутренние экономические затруднения, но военная мощь Союза не может подвергаться никаким сомнениям. Поэтому, заявил генерал, Япония не должна прибегать сейчас к методам грубого давления на СССР, а должна разрешать спорные вопросы на данном этапе дипломатическим путём и продолжать работать над усилением своей армии в Маньчжурии и увеличением средств боевой техники. Подобные высказывания говорили о том, что Япония ещё не готова к войне один на один с Советским Союзом, что подготовка будет долгой и что требуются годы, чтобы создать военно-экономическую базу для большой войны. И в начале 30-х Япония начала подготовку к такой войне.

Интересна оценка, которая была дана в этом номере бюллетеня кабинету Сайто: «Кабинет Сайто, проведший выход Японии из Лиги Наций, санкционировавший дальнейшее развитие японских военных операций в Жехэ, Чахаре и Северном Китае, поощрявший провокационные выступления против СССР по вопросу о КВДЖ, сумевший провести через парламент

огромный военный бюджет, в настоящее время удовлетворяет военщину, ибо она имеет возможность развивать намеченными ею темпами подготовку к большой войне» (9).

В этом же бюллетене отмечалось и усиление японской армии на четыре дивизии, и создание в Маньчжурии в районе Хайлара мощной кавалерийской группы в составе двух кавалерийских бригад, конной артиллерии, бронемашин и моторизованной пехоты. Эта группа в случае войны должна была действовать как оперативное соединение, нанося удар по Забайкалью. В бюллетене № 6 от 20 июля отмечались переброски и дислокация японских войск в Маньчжурии. Четыре пехотные дивизии, одна пехотная бригада и две кавалерийские бригады – вот те японские войска, которые были вскрыты разведкой штаба ОКДВА. Корейская армия, состоящая из двух дивизий и частей усиления, не увеличивалась и оставалась в местах прежней дислокации. Особое внимание разведка уделяла формированию маньчжурских кавалерийских частей и созданию мощной группировки конницы. В бюллетене отмечалось: «Наличие на Забайкальском направлении двух кавалерийских бригад и формирование монгольской конницы указывают на стремление японцев создать в этом районе нечто в роде конной армии. Сейчас обе кавалерийские бригады объединяются общим командованием генерала Усами со штабом кавалерийской группы. По агентурным данным осенью этого года в Маньчжурию будет переброшена из Японии 2-я кавалерийская бригада» (10).

В бюллетене № 7 от 25 августа аналитикам из разведывательного отдела пришлось признать несостоятельность прежних утверждений (1931–1932 гг.), когда Францию считали вдохновителем и организатором нового антисоветского крестового похода. В августе 1933-го уже отмечалось: «...Франция, которая до начала этого года последовательно поддерживала японские выступления на Дальнем Востоке, сейчас, после фашистского переворота в Германии и дипломатического сближения с СССР, повернула фронт против Японии...» (11). В бюллетене № 9 от 12 октября давалась оценка военно-политического положения в Маньчжурии. По полученной оттуда информации японская военщина, являвшаяся хозяином положения в Маньчжурии, считает, что главная задача заключается в возможно более быстром оборудовании маньчжурского плацдарма для развёртывания здесь в момент большой войны против СССР двухмиллионной японской армии. Цифра в два миллиона явно не соответствовала действительности и была сильно завышена. Даже к началу 1942-го, когда началась война с США и империя была полностью милитаризована, Квантунская армия, и то только на короткий срок, достигла численности в один миллион человек. На этот раз военная разведка явно ошиблась, приняв за истину чьё-то необдуманное высказывание (12).

Агентура внимательно следила за формированием кавалерийской группы. В бюллетене отмечалось, что, по агентурным данным, окончательно установлено формирование кавалерийской группы под командованием генерала Усами со штабом в Таонани. В этом же бюллетене было зафиксировано, что по последним агентурным данным японское командование настойчиво занимается исследованием путей, идущих от границы к Гродеково, проявляя особый интерес к военному строительству на советской территории. Кроме переброски агентов на советскую сторону японская разведка производит тщательный опрос перебежчиков с советской стороны. Производились также аэрофотосъёмки советской пограничной полосы с высоты 200–300 метров. Противодействовать активизации японской разведки в тот период было практически невозможно. Граница, протяжённостью в тысячи километров по берегам Амура и Уссури, не была оборудована так, как она оборудуется сейчас. Местное население, в основном амурские и уссурийские казаки, знало границу не хуже пограничников. И удержать их от переправы на другой берег пограничных рек, особенно после начала коллективизации, не удавалось. Сколько людей, бросив всё и рискуя жизнью, бежало в Маньчжурию? Об этом мы, очевидно, никогда не узнаем. Не узнаем также и о том, сколько раз японские самолёты нарушали советское воздушное пространство. Конечно, наша авиация отвечала тем же и наши самолёты

так же летали над маньчжурской территорией, производя аэрофотосъёмки. Здесь противодействие шло на равных – кто сфотографирует больше.

Агентурная разведка держала под контролем всю территорию Маньчжурии. Отмечались переброски частей 6-й пехотной дивизии из Маньчжурии обратно в Японию и наличие в захваченной провинции Жехэ 8-й пехотной дивизии и смешанной бригады японских войск. К ноябрю 1933-го, по данным советской военной разведки, в Маньчжурии в составе Квантунской армии оставались только две пехотные дивизии (10-я и 14-я), одна смешанная бригада и кавалерийская группа, о которой сообщала агентура. Для такой обширной территории – немного. Общая численность армии, по разведывательным документам, – 94 тысячи человек – только для выполнения полицейских функций в захваченной стране. Говорить об агрессивности и возможном нападении на северного соседа было бы наивно. И в штабе Квантунской армии о таком нападении наверняка не думали, несмотря на все разработки вариантов плана «ОЦУ» в японском генштабе. В целом военная разведка в дальневосточных районах в тактическом и оперативном отношениях выполняла свои задачи и регулярно информировала командование ОКДВА.

Но получение информации стратегического характера ей было, конечно, не под силу. Для получения такой информации нужны были разработки специальных разведывательных операций в штаб-квартире военной разведки в Большом Знаменском переулке, дом 19. Нужна была и мощная информационно-статистическая служба, которая могла обрабатывать, систематизировать и анализировать всю поступающую в Москву из различных источников разведывательную информацию. Такая работа была возможна только в 3-м информационно-статистическом отделе Разведупра.

В октябре 33-го начальник этого отдела Никонов подписал очередную аналитическую разработку отдела: «Важнейшие организационные мероприятия буржуазных армий в 1933 г.». Специальный раздел в этом документе был посвящён Японии. На основе имевшейся информации аналитики отдела пришли к выводу, что в Японии «твёрдо проводится основная линия на войну с СССР». Исходя из этого основного тезиса делались и все основные расчёты. В документе отмечалось, что с точки зрения подготовки войны против СССР особенно характерна подготовка плацдарма в Маньчжурии. Там было развёрнуто железнодорожное строительство, строительство автомобильных дорог, казарм, складов, баз и аэродромов, а также строительство новых заводов военного значения. Проводилось также накопление боеприпасов и другого военного имущества, создание армии Маньчжоу-Го, а также формирование белогвардейских и хунхузских отрядов.

В Разведупре считали, что полная реорганизация японской армии заканчивается к 1935 г. При этом предполагали, что осенью 33-го будут реорганизованы и перевооружены пять дивизий в Маньчжурии и Корее, весной 34-го реорганизуется семь дивизий и к началу 35-го – остальные пять. Отмечалось, что серьёзные мероприятия проведены в области мобилизационной подготовки армии и страны в целом. Современное состояние японской промышленности, загруженной в течение последних двух лет крупными военными заказами, в значительной мере облегчает и ускоряет переход промышленности на военное положение. По мнению аналитиков, сроки мобилизационной готовности японской армии были очень высокими. Считалось, что первоочередные дивизии отмобилизовываются на 3–4 день, второочередные на 14–16 день и дивизии третьей очереди на 24–28 день. На мобилизацию специальных частей и тяжёлой артиллерии отводилось 15–20 дней. Таким образом, к концу первого месяца войны вся японская армия военного времени (51 дивизия) могла быть готова к отправке на континент. Вот такие расчёты и оценки были даны в Москве (13)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.